

... ЗОЛОТЫЕ НИТИ ...

творческий сборник

**Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Красноярский государственный аграрный университет**

...ЗОЛОТЫЕ НИТИ...

ТВОРЧЕСКИЙ СБОРНИК

выпуск первый

Красноярск 2010

ББК 84(2 Рос-4 Крн) -5
З 81

...Золотые нити....: творческий сборник / сост. Г.Н. Антоник; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2010. – 336 с.

Составитель: Г.Н. Антоник

Творчество сотрудников КрасГАУ, представленное в сборнике, – частичка жизни людей, занимающихся наукой, самовыражением в других видах творчества. «Талантливый человек – талантлив во многом, почти во всём!», – говорят в народе. Собрана небольшая часть: стихи, повествования в стихах, эпиграммы, рисунки, живописные работы. Здесь и любовная лирика, и гражданский патриотизм, и сатирический памфлет, тонкое, нежное любовное отношение к природе, и размышления о жизни, о судьбах, стихи о детях и для детей.

Авторы выражают благодарность университету и его ректору Цугленку Николаю Васильевичу за оказанную помощь в издании сборника.

Орловский Николай Васильевич

(1899-1986) доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Родился 19 февраля 1899 г. в с. Большая Каменка Самарской губернии. Окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в 1923 г., доктор с.-х наук с 1950 г.

С 1923 до 1958 г. работал помощником заведующего Бузулукского опытного поля, сотрудником Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции, специалистом по семеноводству Облземуправления Саратовской области, заведующим агрохимлабораторией Уральской опытной станции, зав. лабораторией агрохимии и почвоведения в СибНИИЗХозе, зам. директора по науке Убинской опытно-мелиоративной станции, зав. кафедрой почвоведения и агрохимии Новосибирского сельскохозяйственного института, зав. кафедрой почвоведения и агрохимии Алтайского сельскохозяйственного института.

С 1958 по 1963 г. работал заведующим кафедрой почвоведения и агрохимии Красноярского сельскохозяйственного института.

С 1960 по 1984 г. был заведующим лабораторией лесного почвоведения Института леса и древесины АН СССР.

Основные научные направления: исследование проблем сохранения почв от дефляции и эрозии, исследование водного и солевого режимов почв. Создал школу лесного почвоведения, организовал в 1961 г. первую конференцию почвоведов Сибири. Им опубликовано более 100 научных работ, включая 15 монографий. Награждён АН СССР золотой медалью им. В. В. Докучаева (1982 г.). Занимался общественной деятельностью, был членом центрального совета Всесоюзного общества почвоведов, общества охраны природы, руководителем подкомиссии по лесному почвоведению во Всесоюзном обществе почвоведов.

Организовал в КСХИ театральную студию, руководил ею, силами преподавателей и студентов была поставлена опера «Русалочка», которой режиссировал и музицировал сам Н.В. Орловский

ПОЧВЕННАЯ КАНТАТА

Слова и музыка под общей редакцией и обработкой
профессора Н.В.Орловского

Слова Н.Г.Ведрова, музыка Б.Г.Чагина

Торжественно

Почва, ты кормилица, пелена земная, держишь Человечество
на своих руках. Пролесла под ногами сторона лесная, наши черноземы
славятся в веках. На тропе научной трудностей немало, нам поможет ум да
крепкая рука. Слава агрохимикам, агрономам слава, почвововедам слава,

Почву от эрозии не спасти ораторам,
 А проблема эта очень велика.
 Слава и почёт мелиораторам,
 Лесоведам слава, слава на века!

Мы стоять на месте не имеем права,
 Эстафета к нам пришла издалека.
 Слава Докучаеву и Гедройцу слава,
 Почвенной науке слава на века!

Поколенья новые получают право,
 Новых сил вливается светлая река.
 Слава основателям, корифеям слава,
 Молодым работы хватит на века!

Думы и сердца свои отдаём мечтателям.
 О, земля родимая, как ты велика!
 Слава открывателям, труженикам слава,
 Родине любимой слава на века.

1971 г.

Ведров Николай Григорьевич
доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Работает на кафедре растениеводства, академик Международной академии аграрного образования и Петровской академии наук и искусств. Автор свыше 100 научных работ, в том числе 10 учебных пособий и монографий, двух авторских свидетельств, 7 селекционных сортов пшеницы. Награждён орденом Дружбы народов СССР, медалью «Ветеран труда», золотой медалью им. Н.И. Вавилова РАСХН.

ДРУГУ АГРОНОМУ

Мы каждый луч осенний привечаем.
Опять пошли холодные дожди.
А мы с тобой, дружище, отвечаем
За хлеб, за землю, Родину и жизнь.

С весны по всходам радовала нива,
Так славно силу колос набирал,
И зрело на полях степное диво,
А вместе с ним уборочный аврал.

По хлебным далям волны пробежали,
Казались морем тучные хлеба.
Мы вместе с хлебом солнца ожидали,
И по ночам нам снилась молотьба.

Готово все – и техника, и люди,
И планы на уборку без помех,
Надеялись, что нынче с хлебом будем,
А хлеб для нас и радость, и успех.

Но запад, словно черт, опившись брагой,
Принес циклон, расквасился дождем.
И, напившись ежедневной влагой,
Раскис сибирский мощный чернозем.

И захлебнулись, не успев начаться,
Уборка, план, засыпка, молотьба,
Намокли, сникли, перестав качаться,
Легли на землю зрелые хлеба.

И стала вдруг работа канителью.
А нам за все ответственность нести.
Идут дожди четвертую неделю,
И гибнет хлеб, а как его спасти?

И мы клянем с тобою все на свете,
А нас в райкоме чистят, знай держись,
Знать оттого, что агроном в ответе
За хлеб, за землю, Родину и жизнь.

26.12.1975 г.

К ВОПРОСУ О ПЕГАСАХ

Не знаю, кто придумал штуку эту,
Издревле так заведено у нас,
Чтобы к Парнасу выехать поэту,
Ему положен с крыльями Пегас.

Пегаса он и кормит, и ласкает,
А уж когда становится горяч,
Садится на лошадку и порхает
То мелкой рысью, ну а чаще – вскачь!
А много ли на скорости увидишь?
– Вздываются Пегасовы бока...
Не потому ль в стихах так часто слышишь
Про белых лебедей да облака,
А в облаках опять все те же боги
Плывут на белом райском корабле.
О людях наши мысли так убоги
И уж совсем убоги о Земле.
Теперь на ТУ быстрее, чем на Пегасе,
К тому же безопаснее вдвойне,
А мой Пегас – колхозный конь Пегашка –
На нем я еду по моей Земле.
Пегашка мой, зануканный, бескрылый,
С потертой холкой, вечно под седлом,
Меня исправно возит к Музе милой
В моей Сибири, из дому да в дом.
Не вознесешься в небо от работы –
Поля и годы силы унесли...
Бескрылая скотинка пахнет потом,
Который слился с запахом земли.
И я с землею от рожденья слился –
На ней я жил, работал, песни пел,
А если в небеса не возносился –
Так не хотел, а может, не умел.
В телеге ехал я по белу свету,
По хляби, бездорожью, по песку.
С утра – к закату, с полночи – к рассвету:
Познать людей, их радость и тоску.
Я вместе с ними пил и веселился,
Копал могилы близким и чужим,
Хлеба растил и Музыке молился,
Пегаса пас в поскотине у ржи.
Душою был на уровне с Отчизной.

Умом не гений, но и не дурак,
И, если были завихренья в жизни,
Творил не то, а может быть, не так,
Молчал, когда бы надо лезти в драку,
Иль кобеля не вовремя спускал,
Был в юности похож на забияку
И в зрелости покладистым не стал.
Прости, душа, тревоги и волненья,
Пока Пегашка ноги волочит;
Всевышний даст от боли избавленье,
А за работу Родина простит.
4.12.1983 г.

ЧЕЛОВЕК И ХЛЕБ

Р. И. Рутцу

Свет и могущество
 земных светил —
Есть отражение
Цепных реакций Солнца.
Могучую энергию светила
Нам запасают
 зерна хлорофилла.
И слаб пшеничный злак,
 а все равно
Путь отражения
 идет через зерно.
Зерно есть призма
 всех веков,
Эпох, народов, их сознания.
Зерно есть фокус,
 отражающий
Процессы мироздания.
Так что же все-таки
 зерно?
Зерно — зерновка, семя,
 плод.

Зерно – причина блага
и невзгод.
Зерно – финансы стран,
итоги года.
Зерно – исток
благополучия народа
В масштабах глобальных
планеты,
Но тему зерновки
обходят поэты
В провинции даже,
Не то что
столичные,
Напев и мотивы
житейски привычные.
И стоит ли тратить
на зерна таланты,
Привычней столичным
Венеры, Атланты,
Гераклы,
А то и гетеры блудливые,
Красивые боги
и черти сопливые
Из мифов, легенд, небылиц
Античной истории древней...
Не рвутся поэты в деревню.
Насущная тема зерна
Для многих, пожалуй,
скучна,
Органики дух неприятен,
В фуфайке мужик
неопрятен.
Порой забывая, что розы
И хлеб не растут
без навоза.
Что хлеб – это труд
и забота,

И запах солярки и пота.
А в хлебных больших
 ворохах –
Могучая сила России,
Народа душа моего,
Звучанье запевного
 голоса.
Гордилась Россия всегда
Могучею силою
 колоса.
Прославились российские
 пшеницы
Не только дома,
Но и за границей.
Зерно к зерну –
 могущество страны!
В кругу держав Земли –
 её величье!
Пройдемся по полям
 российским – там,
Где хлеб как слава Родины
 родится.
Хотя подобный лад –
 не мед для критика,
Хлеб – экономика, но он же – и
 политика.
Забыв деревню, пашню
 и назем,
Из-за границы калачи
 везем.
И, модный затянув
 ремень на пузе,
Боевики везем и
 кукурузу,
Дубленки, джинсы, рок
 и пепси-колу,
И джин английский

к празднику Николы.
А там, гляди, надрючивши
«бананы»,
Гуляют по России
наркоманы,
Бичи, пьянчуги и иная тля.
Уже нужна без зелья
конопля.
Быть может, оттого,
Что, как ни странно,
В России нет супони
конопляной.
Энергия лучей,
идущих с неба,
Дает зерну прекрасный
запах хлеба.
А вместе с ним могучее
Светило
Зерну тепло и силу
подарило
Не важно где, в Поволжье,
на Кубани,
Которую так щедро
воспеваем,
Быть может, оттого,
что там
Не только хлеб, но
вишни выпевают...
Там зреет виноград,
Он тоже Солнца сок
дает,
Поэтому писучий люд
Кубанью грезит
больше,
Чем Сибирью,
Где лето так коротко
И где природа кротка
и не буйна,

Но в хлебе и у нас
 цвета того же
 Солнца,
Такая же энергия
 тепла.
Пройдемся, поглядим,
 заглянем в знойный,
Суровый наш юго-восток
Туда, где в городе
 на Волге
Большой селекции исток.
Где в годы ранние Отчизны
Работал Мейстер, Шехурдин
И, не жалея сил и жизни,
Талант Вавилова творил.
И из Саратова пшеница
Идет в поля из края
 в край
На калачи и паляницу,
В большой советский
 каравай.
А дальше на восток –
 Урал,
Курганский хлебный край
 богатый,
Алтай – жемчужина
 страны –
С обширной целиной
 поднятой.
А дальше – вновь степная
 ширь
Для хлебных нив –
 моя Сибирь.
За Омском тянутся
 просторно
Новосибирские поля,
А за границей Мариинска

И Красноярская земля.
Затем Тулун, Иркутск,
Чита,
Далекие степные дали...
Бежит Сибири широта
Вдоль Транссибирской
магистрали.
Потом за дымкой
голубой,
К границам нашим самым
дальним,
Где с океанскою волной –
«Владивосток – романтик
мой».
Из степи в степь, из края
в край
Велик российский каравай.
Большая, друг, в России
пашня –
Для темы ширь и
глубина,
Но и Останкинская башня –
Росток,
былинка из зерна,
Чтоб оценить его
поближе,
Давай наклонимся
пониже,
Присмотримся не вскользь
и скопом,
Внимательно и не спеша,
Да под хорошим
микроскопом –
Где ж там в зерне
его душа?
Былинка слабая, росток,
Пшеничный злак, источник
темы –

Энергетический поток
Великой Солнечной Системы.
Из тьмы космических

высот

Для гения и оборванца
Он нам энергию несет
Далекого протуберанца.
Душа пшеничного зерна
С его структурой

благородной –

Источник силы и ума,
И красоты души народной.
Его века нам принесли,
Над ним работала

Природа,

Он порождение Земли
И трудолюбия Народа.
Нам без него нигде

никак,

Из года в год любого

века.

Да будет славен

вечный злак

И вечен разум Человека!

1974-1985 гг.

МОЕ РОДНОЕ ЛАСКОВОЕ ПОЛЕ

Теперь у нас зима,

и, опустев, поля

Под снежным одеялом

отдыхают.

Идут, идут снега

на белые луга.

Снежинки как пушинки

пролетают.

Но вновь придет весна,
 расшевелит снега,
Певец полей рассыплет.
 трель на воле.
И каждую весну
 с тобою встречи жду,
Мое родное
 ласковое поле.
Здесь дух степных
 ветров
И рокот тракторов,
И солнца свет, и синь
 в степном просторе,
И каждую весной
 склоняюсь пред тобой,
Мое родное
 ласковое поле.
Среди июльских дней
 под шепот тополей,
Когда шумят в полях
 шальные грозы,
В цвету моя земля,
 волнуются поля,
И капли дождевые
 словно слезы.
Летит, летит пыльца
 без края и конца,
Плывёт на парусах
 пух тополевый.
И колос молодой
 еще неналитой,
И урожай в полях
 родится новый.
Когда в родных краях —
 уборка на полях,
Как корабли-комбайны
 в хлебном море.

Зовут зарницы вдаль,
и радость иль печаль
Приносишь мне,
мое родное поле.
А иней в колосках,
как проседь на висках.
Прошла страда...
Зима наступит вскоре.
И с каждой весной
дороже встречи мне
С тобою,
мое ласковое поле.
24.12.1974 г.

ТОВАРИЩ АГРОНОМ

Пока еще земля лежит под снегом,
Но пригревает солнце день за днем.
Готовься к поражениям и победам,
Коллега мой, товарищ агроном.
Вновь засияют зори полевые,
Мы агрегаты в поле поведем.
Поля, моторы, руки трудовые
Тебе страна вверяет, агроном.
В поход за хлеб, за урожайный колос
Иди смелей – для этого живем.
Вложи свой ум, достоинство и голос
В хлеба твои, товарищ агроном.
На хуторах, в деревнях и станицах
Да будет славен твой незримый труд,
Когда потоки свежие пшеницы
Из бункеров комбайнов потекут.
За хлеб страны – могущество России –
Награды нам не сыплются дождем.
Рассветы и закаты полевые
Тебе земля подарит, агроном.
Хотя пока земля еще под снегом,

Но времени все меньше с каждым днем.
Готовься к поражениям и победам,
Коллега мой – сибирский агроном!
25.03.1986 г.

И НИЗКО КЛАНЯЮСЬ СИБИРИ

Люблю, Сибирь, твои просторы
И реки светлые твои,
Твои поля, леса и горы,
Твои седые ковыли.
Твоих озёр глаза большие
И непролазную тайгу,
Твои распадки и вершины
В пушистом ласковом снегу.
Весенний белый цвет черемух
И красноту твоих рябин,
И кроны кедров убеленных,
И ноги стройные осин.
Июльских гроз твоих раскаты
И горький запах тополей,
Твои рассветы и закаты,
Твоих выносливых людей.
Твои неласковые нравы
И голубые небеса,
Твои цветы, луга и травы,
Протяжных песен голоса.
У нас с тобой одна забота –
Растить нелегкие хлеба,
Одна надежда и работа,
Одна печаль, одна судьба.
Кладу поклон безбрежной шири
Зеленой свежести полей
И низко кланяюсь Сибири,
Как малой родине моей.
10.01.1989 г.

УМИРАЛА ДЕРЕВНЯ

Умирала деревня
На пригорке у речки.
В ней березы горели
Словно белые свечки.
На пригорке деревья
Шелестели листвою.
Умирала деревня,
Как положено, стоя.
У могильников древних
С хлебным запахом чудным
Умирала деревня
Мучительно трудно.
Для полей не хватало
Рук крестьянских, рабочих.
Зарастать начинала
Деревня с обочин.
Не хватало деревне
Молодых, да веселых.
Не хватало детишек
И забросили школу...
А в деревне издревле
Вековая работа
На посеве – уборке
До девятого пота.
Вековая работа,
Да о хлебе забота,
А кому за копейки
Работать охота?
Уезжали ребята
С деревенских окраин,
Уезжали девчата
С деревенских завалин...
И не грезили парни
Золотистой нивой,
Зарастали усадьбы

Лебедой да крапивой.
На земле оставались
Только бабки да деды.
Они просто не знали,
Что придут еще беды!
Они пчел разводили,
Дровишки возили,
Да плели вечерами
Короба да корзины.
А кому те корзины
Искусного деда,
Если нет магазина
Да и хлеба к обеду?
Если соли не стало.
Нет ни мыла, ни спичек.
Если все угасало,
От людей до привычек.
Уезжали, поплакав
По судьбе неизвестной,
Кто в поселок, кто в город,
К дочерям да невесткам.
Уезжали, поплакав.
Помолясь за порогом.
Уплотняясь в ячейки
Бетонных коробок.
От земли уезжали,
От коровы, от печки,
Оставались в печали
Березы, как свечки.
Умирала деревня
Под пологом синим.
Умирала по плану,
Еще чаще – стихийно.
Умирала деревня
На пригорке у речки,
И остались деревья,
Как оплывшие свечки.

1985 г.

МЫ – ЛЮДИ ЗЕМЛИ

Мы – люди Земли, ее кровные дети,
Нам надо людьми и прожить на Планете.
Не трогайте сердца чужого руками,
Не мните судьбы и цветов сапогами.

Мы – люди Земли, нам на ней оставаться.
Не надо за горло друг другу хвататься.
Не надо хамить без причин на Планете,
Коль мы для Земли ее кровные дети.

Мы – люди Земли, нам людьми оставаться.
Не надо над слабыми нам издеваться.
В конце-то концов, все равно на погосте
И сильных, и слабых покоятся кости.

Мы – люди Земли, земляки-планетяне.
Наш остров земной в мировом океане.
За островом синь, межпланетные дали,
Но краше Планета найдется едва ли.

Мы – люди Земли, нам приюта, поверьте,–
Разведано – нет на Луне, на Венере,
На Марсе, Юпитере, если хотите,
Хоть в тар-тарары послезавтра летите.

Хотя мы и рвемся в просторы Вселенной,
Однако живем на Земле на нетленной.
Давайте бороться за правое дело,
Чтоб наша Земля от войны не сгорела.

На этой Планете нам жить и трудиться,
Дружить и любить, и рожать, но не биться.
И пусть на Земле государства и классы,
Но люди прикроют военные кассы.

Мы – люди Земли, и пускай на Планете
Колосья шумят и взлетают ракеты,
Но только для мира, труда и науки,
Поднимем за разум в приветствии руки!

Мы – люди Земли, земляки по Планете,
Пускай на Планете рождаются дети,
Различного цвета и пола, и рода.
Поменьше бы только калек и уродов.

Мы – люди Земли – знаем ужас Хатыни.
Пускай не останется мама без сына.
Пускай будет мир, а земли нашей хватит.
Пусть ядерный гриб небосвод не охватит!

Мы – люди Земли, и придумано вроде,
Что царь на Земле – человек благородный.
Так будем же этого званья достойны –
Закроем дорогу для атомной бойни!

1976-1984 гг.

В ЗАЛЕ ОРГАННОМ

В зале органном фуги звучали,
В сердце вгоняли ноты печали.
В старом костеле прошлого века
Музыка Баха для Человека.

Песни, хоралы, танцы и темки –
В них хороводились древние немки.
Но почему под церковного Баха
К горлу прилипла боль под рубахой?

Ангелы с крыльями в небе парили,
Черти из грешных похлебку варили,
Ноты листал Лев Абрамович Мазер,
Землю окутал космический лазер.

В гимны сливались многоголосья,
Бомбы взрывались, горели колосья,
И органист, как Христос бородатый,
Корчился в муках, Иудой распятый.

Души летали усопших, убитых,
В землю зарытых, но не забытых.
Бились, как голуби за витражами,
Серыми сжатые этажами.

В зале органном музыка Баха.
Сердце от боли рвало рубаху.
Было уютно, но страшно и странно
В ядерном веке в зале органном.
01.04.1986 г.

БАЛЛАДА О КАСКЕ

*В белорусском селе Ленино
музей польско-советской дружбы
выполнен в виде каски...*

Это был, это был – не сказка.
На холме под Ленино – каска.
Шлем солдатский, стальной, походный,
В мирной жизни необходимый.
Это был, это боль, ребята,
И не даром здесь шлем солдата,
Шлем стальной, солдатский, походный,
В жизни мирной необходимый.
Здесь броня пробита снарядам.
И могила братская рядом.
А напротив – в седой аллее –
Белорусские плачут ели.
Плачут ели, шумят березы.
Капли плавят гранит, как слезы.

А снежок так пушист и ласков.
Это был, это был – не сказка.
Здесь суровая вражья сила
Войско Польское окрестила.
Здесь советский и польский воин
Был одной судьбы удостоен...
Была принята здесь присяга,
Здесь сказали: «Назад – ни шагу!»
И верны государству и флагу,
Проявили солдаты отвагу.
Еле слышно и чуть монотонно
Шелестят боевые знамена...
Под солдатскою каской бетонной,
Среди боли сверхмонотонной
Спят разбитые автоматы,
Пулеметы спят и гранаты,
Сапоги не сняв и мундиры,
Спят солдаты и командиры.
Спят России сыны светлорусы,
Спят казахи и белорусы.
Не один их, не два – много больше:
Спят солдаты России и Польши,
Спят солдаты Узбекистана,
Спят солдаты степной Украины,
Те, что грудью от вражьей стали
Нашу Родину защитили.
Снег все падает, сеет, сеет...
Тихо падает снег, и тает...
Может, братец мой с Енисея
После боя здесь отдыхает.
Здесь солдаты страну заслонили.
Устояли, прошли, победили.
Кто ушел дорогой солдатской,
Кто остался в могиле братской.
И теперь уже будет вечно
Гордо выситься, прочно, свято
Символ воинской дружбы и чести –

Многотонная каска солдата.
Это вам, сыновья, от Отчизны,
В память ваших оборванных жизней.
Ваши подвиги, братья, святы.
Это в память о вас, солдаты!

ПАМЯТИ Н. И. ВАВИЛОВА

Ах ты Родина моя, Россия,
Почему под крышею твоей,
Под твоим раздольным небом синим
Погибало столько сыновей?!
Почему их золотые души
Черным пеплом время занесло?
Не спеши, остановись, послушай:
Стоны на земле – большое зло.
Время мчится, словно в киноленте, –
Мысли и поступки, жизнь, дела,
Но пока в соседстве на Планете
С гениями рядом – тени зла.
В рубище тюремном под брезент,
Обвиненья давят, как ярмо:
«Бывший академик, президент,
А теперь, как видите, дерьмо».
Говорят, что так, а может быть,
И не те он произнес слова,
Не тюрьмой, а завистью убит
Всей сельхознауки голова.
Неизвестно, где и прах лежит...
Поклониться бы ему не грех.
Время мнет, калечит и бежит
На виду и памяти у всех.
Неизвестно, где и прах лежит.
Рвутся мысли, рвется жизни нить.
Тот, кто думал Землю накормить,
На Земле был голодом убит.
Голод, пытки, а сперва донос,

Сволочной подлог и клевета,
А потом шпиона на допрос,
И пошла тюряги маета.
Нет теперь Вавилова у нас,
До чего же это страшно, плохо.
Гении родиться могут раз
Не в столетье даже, а в эпоху.
Мать Россия, Родина моя,
Дай нам время силы обрести.
Береги людей, моя Земля,
Не спеши сынов на суд вести.

ПЕСНЯ О ЕНИСЕЕ

Енисей ты, наш батюшка,
Гордость наша сибирская,
К океану соленому
Катишь воды студёные.
К берегам дальним, северным.
Волны светлые катятся.
На обрывах черемухи
В легких беленьких платицах.
Захотел тебе царь-Саян
Путь отрезать отрогами,
Да прорвался ты в степь, буян,
Шиверами-порогами.
От далекой степной Тувы
Взял разбег голубой волны
Через горы Усинские
На поля Минусинские.
Покорил ты степной простор
Богатырскою силою,
Да в Шумихе, у Дивных гор,
Повстречался с плотиною.
На громаду бетонную
Грудью буйною кинулся,
Да не мог одолеть ее –

Синим морем раскинулся.
Но остался силен буян
Неуемною силою,
Голубой сын седых Саян
Заработал турбинами.
Вновь дорогу открыл волнам
Во края во Игарские,
А на память оставил нам
Огоньки красноярские.
Енисей ты, наш батюшка,
Гордость наша сибирская,
К океану студеному
Катишь Волны зеленые.
К берегам дальним, северным,
Ты спешишь перекатами,
На твоей голубой груди
Словно звездочки – бакены.
1974-1976 гг.

ЗДРАВСТВУЙ, МАТУШКА АНГАРА!

Десять лет... А как будто вчера.
Словно листья с берёз облетели.
Здравствуй, матушка Ангара,
Снова я в твоей колыбели.
Здравствуй, синь – голубой небосвод,
Здравствуй, леса хмельного ограда.
Плёсов ширь и студёность вод,
И шивёр говорливых отрада.
Лабиринты твоих островов,
Говорок знаменитый ангарский,
Горький запах рыбацких костров,
Вкус ухи харьужовой, царской.
Дал-то бог мне ещё дожить
И, удрав от старости-лени,
Светлой влаги с ладоней попить,
Преклонив пред тобою колени.

Здравствуй, матушка Ангара,
Как вернуться к тебе непросто!
Снятся мне у костров вечера
И смолистые, звонкие сосны.
Твой разлив, глубина и гладь,
Перекатов речное раздолье,
Зорь – закатов твоих благодать,
Что излечит любые боли.
Тянет низом дымок от костра,
Ветерок прохлагою веет.
Здравствуй, матушка Ангара,
Принимай поклон Енисея!
10.01.1997 г.

ЖУРАВЛИ

Дыханье осени коснулось
Палитрой желтою земли.
И снова к югу потянулись
Родные птицы журавли.
Плывут над желтою Россией
За караваном караван,
Их ждет весна за морем синим
Чужих, далеких, жарких стран.
И в вышине осенней дальней
Звенит печальное «курлы».
С приветом северным, прощальным,
Летят из тундры журавли.
Спешат в неведомые страны.
Еще далек нелегкий путь.
На пожелтевшие поляны
У нас садятся отдохнуть.
Их поднимает утром рано
Вожак серебряной трубой.
Летят журавушки в тумане
Над Енисеем, над Тубой.
Плывут по небу караваны.

И только нам не улетать
Через моря и океаны –
Мы остаемся зимовать.
Я вам, журавушки, желаю:
Пусть будет легким ваш полет,
Чтобы потом, в начале мая,
Вас Север снова встретить мог.
Над пожелтевшими лесами
Осенний воздух свеж и пьян.
И молодыми голосами
Курлычет в небе караван.

Улетели птицы в путь-дорогу.
Потускнело золото полей.
И осталась на душе тревога,
Словно крик прощальный журавлей.

8.03.1976 г.

ЛИСТОПАД

Листопад, листопад...
Кружат листьев охапки.
Перекрасилась в золото
зелень полей,
Выпал ранний снежок
на Саянские шапки.
В дальнем небе – прощальный
мотив журавлей.
Листопад, листопад...
Снова ранняя осень
Водит в желтых полях
хороводы свои.
По утрам на хлебах –
серебристая проседь.
Улетают на юг журавли,
журавли.
Листопад, листопад...

За околицей бродит
То полей желтизна,
То багрянец лесов.
Снова старый вожак
Свою песню заводит.
И звенит в небесах
серебро голосов.
Листопад, листопад...
Молодежь окрылилась,
А давно ли черемухи
буйно цвели?
Пролетела весна
или только приснилась?
Ну зачем вы спешите
на юг, журавли?

ОХАПКАМИ ЛИСТЬЕВ ОПАВШИХ

Под сполохи красок угасших
Струится прозрачная рябь.
Охалками листьев опавших
Сорит на дорогу сентябрь.
За речкой краснеют рябины
Багровым осенним пятном.
И светятся листья осины
Последним нежарким теплом.
Уже не летят паутины,
Комбайны утюжат поля,
И, выгнув могучие спины,
Роняют листву тополя.
Все ближе и ближе к закату
Осенняя прелесть полей.
Замолк, растворился раскатом
Пролетный мотив журавлей.
Под сполохи красок угасших
Струится прозрачная рябь.
Охалками листьев опавших
Сорит на дорогу сентябрь.
20.11.1986 г.

ЗИМНИЙ ВАЛЬС

Закружила метель,
А душа занедужила.
Вяжет, вяжет зима
Серебристо-холодное кружево,
А снежинки летят
И на стылую землю ложатся.
И кружит снегопад
В ритме старого зимнего вальса.
Вальс, зимний вальс,
В нем страданье и негa.
Снежный танец зимы –
Танец белого снега.
Вальс, зимний вальс
В нем печаль и усталость.
На исходе зимы
Нам полвальса осталось.
Вот и снова метель
Закружила, завывала, завьюжила,
Заплетает зима
Голубое, холодное кружево.
Загорелась свеча,
Но под ветром студеным погасла,
А в душе все звучит
Та мелодия старого вальса.
Вальс, зимний вальс
Гаснет звук на полтона –
Белый танец зимы,
Танец боли и стога.
Вальс, зимний вальс
И глаза голубые, как льдинки,
Звук внезапно угас
И исчезла с ладони снежинка.

14.04.1997 г.

ДЕВЧОНКА В КОНОПУШКАХ

В висках мороз с седой поволокой,
В душе метель, хоть глаз не открывай,
Но почему-то вспомнился далекий,
Из детства голубого, светлый май.
Сыда в разливе, мне пятнадцать лет.
Чужой утес со стежками-дорожками.
На переправе в лодке – сивый дед.
На берегу – девчонка, Лиза Трошева.
Гурьбой смотреть ходили, как река
Несла по руслу ледяное крошево,
И у меня в руке была рука
Девчонки в конопушках – Лизы Трошевой.
Шумел на скалах незнакомый лес.
Цвела земля жарками и горошками.
И открывался светлый мир чудес
В веснушках-конопушках Лизы Трошевой.
Теперь лишь понял на закате лет
Реки весенней яростную силу.
Не лед она несла, конечно, нет,
Она с собою детство уносила.
Вот потому, когда уж недалекий
У жизни нашей обозначен край,
Мотив, как караван на перелете,
Уносит нас в далекий синий май.
Года смешались, как в реке вода,
В одну струю – плохие и хорошие,
Но почему-то снится иногда
Девчонка в конопушках – Лиза Трошева.
13.12.1986 г.

ЗИМНЯЯ ОТТЕПЕЛЬ

Я к тебе через боль-беду
Соберусь и в гости приду,
Несмотря на крутой мороз,

Приползу, как побитый пес.
Не проси – догадаюсь я.
На закате зимнего дня
Огонек в душе воскрешу
И стихи тебе напишу.
Расскажу тебе не спеша,
Как простыла моя душа,
Как бурлит в шиверах вода
И как быстро бегут года.
Ни о чем судьбу не проси,
Чаю крепкого принеси,
Чтобы тонус далеких гор
Поддержать помог разговор.
Расскажу тебе, как в горах
Ночью филин наводит страх,
Как весной поют косачи
И как сердце болит в ночи.
Попытаюсь тихонько спеть
Про широкую нашу степь,
Что уходит за горизонт,
И про неба синего зонт.
Душу выложу на листьях,
Как обида горька в устах,
Как непросто корни порвать
И как тяжело маму терять.
Огонек пока не гаси,
Чаю крепкого принеси.
Я пожалуюсь, что устал,
Что опасен неправды оскал,
Что в морях солона вода
И горька во рту лебеда.
Ты пока не спеши, постой,
Я мотив напою простой –
Про полет на юг лебедей,
Про плохих и хороших людей,
Про неверность сладких речей
И промозглость тусклых ночей.

Посмотрю на тебя – и опять
Буду рифмою сердце рвать
И закручивать слова вязь,
Чтобы в строчку она вплелась.
Я тебе принесу с косы
Каплю крупную светлой росы.
В ней небес голубых бирюза –
Посмотри – там твои глаза.
И в оправе полночных тем
Расцвели поля хризантем.
Не устала? Приляг, полежи.
Не поют перепелки во ржи?
Я, и вправду, устал и замерз,
Потому и погреться приполз.
Не согрел, а согрелся. Грешу.
Я в стихах тебе напишу
Про снега голубых Саян,
Про штормящий седой океан,
Про опасность ран ножевых
И про мертвых среди живых.
Пропою я тебе в стихах,
Как маралы режут в горах,
Как надеждам приходит крах
И как давит средь ночи страх.
Я и сам, как марал, скакал,
А сегодня замерз, устал.
Если что-то не так, прости,
Трудно хлебу зимой расти.
Не кустится под снегом овес,
Потому и скулю, как пес.
Не ругай меня в ночь и днем,
Что костер не горит огнем,
И прости меня, чудака,
Что огнем подпалил бока.
Угольки костра не гаси.
Будет грустно – на чай пригласи.
И к тебе через боль-беду
Соберусь и в гости приду.

ПО ПОВОДУ ПАМЯТНИКА КОЛЧАКУ

Власть Советов раздавили с хрустом,
Новые буржуи начеку:
На Казанскую в седом Иркутске
Памятник воздвигли Колчаку.
По Сибири виселиц наставил,
Жег, громил и яростно карал,
Вместе с белочехами оставил
След кровавый белый генерал.
Этот омский царский управитель
В памяти народной не угас,
Белой банды грозный повелитель
Спер России золотой Запас.
Поголяли по Сибири "Гости",
Убегав от красных и ЧК,
Братьев коммунаров стонут кости
От плетей и сабель Колчака.
Скорбно льется песня по Сибири
Из глубин поруганной земли,
Как "отца убили с первой пули
И село родное подожгли".
Палача к ученым приписали
С. Андреев с кодлой "Патриот".
И с ухмылкой смотрит с пьедестала
Медный адмирал скосивши рот.
Радуетя круг буржуев узкий,
Но молчит ограбленный народ,
И в "Литературке" Гена Русских
Песню непотребную поет.
Среди серых и голодных буден
Льет елеем, не жалея сил,
Вроде б даже Валентин Распутин
Колчака на трон благословил.
Предков кровь буржуи позабыли,
Потому и, встав на полубак,
Медным сапогом на лик Сибири
В Ангаре утопленный Колчак
Но пока что в жизни сумасбродной
Не отмыть буржуям добела
Вешателя волюшки народной
Царского цепного кобеля.

Цугленок Галина Ивановна
доктор технических наук, профессор

Окончила математический факультет Красноярского государственного педагогического института в 1970 году.

Работает в Красноярском сельскохозяйственном институте (ныне КрасГАУ) с 1975 г.: ассистент кафедры высшей математики, начальник управления научными исследованиями, доцент кафедры системознергетики, профессор, заведующая кафедрой высшей математики. С 2004 г. заведующая кафедрой и профессор кафедры «Высшая и прикладная математика».

С августа 2006 года исполняла обязанности проректора по научной работе и международным связям. С июля 2008 года по настоящее время – проректор по науке, инновациям и международным связям.

Является автором 107 научных и учебных публикаций, в том числе 11 монографий, 7 учебно-методических пособий, в том числе с грифами СибРУМЦа и Минсельхоза, имеет 10 авторских свидетельств на изобретения.

Внесла существенный вклад в организацию научных исследований, проводимых в аграрном университете. Под её руководством учеными университета подготовлены межрегиональные программы: «Школьное питание», «Программа развития АПК Красноярского края на 2009-2011 гг. с перспективой до 2017

года», пакет законов для развития земельной реформы АПК Красноярского края.

Профессиональная научно-педагогическая деятельность связана с подготовкой специалистов высшей квалификации для предприятий и учреждений АПК Красноярского края.

За заслуги в развитии агропромышленного комплекса края Г.И. Цугленок награждена Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства РФ, Почетной грамотой Администрации Красноярского края, Почетными грамотами города Красноярска. За вклад в развитие культуры города – благодарственными письмами оргкомитета Красноярского международного музыкально-театрального фестиваля – конкурса «Надежда» в 2001 и 2007 гг. Лауреат Профессорской премии Главы города 2005 года, лауреат премии Красноярской Ассоциации «Интеллект и культура» за 2007 год.

Обладая от природы хорошо поставленным голосом красивого тембра, сама исполняет свои песни и записывает их на диски. Песни Г.И. Цугленок узнаваемы и любимы не только в университете. В 2007 году Галина Ивановна получила одобрение и благословение Духовенства края, исполнив свою песню «Молитва» на встрече священнослужителей края и их жен с общественностью города.

В трудовой книжке Г.И. Цугленок вписан один коллектив – Красноярский сельскохозяйственный институт (ныне КрасГАУ). Именно здесь она состоялась как специалист и ученый. В его стенах прозвучали её первые песни.

Неизбежно и закономерно появление патриотической темы в творчестве Г.И. Цугленок. В её стихах и песнях – мудрое видение жизни, оптимизм, влюбленность в родной вуз. «Гордимся мы, что родом из Аграрного»... – строка из «Песни об агроуниверситете» на стихи Г.И. Цугленок покоряет искренностью и непритворным чувством.

Стихи – рифмы по поводу, которые написаны для близких – детей, внуков и друзей к различным датам.

Не дай мне, Боже, очерстветь,
К людскому горю быть глухою,
С чужого голоса мне петь,
А дай мне быть самой собою!

РУСЬ

Не ковыль шуршит,
Не ручей журчит,
То Ермак казак
Да на бой спешит.

За пригорком зарево
Да во поле марево,
То земля кормилица
Ждет богатыря.

Ты смени кольчужину
На шитую рубашечку,
Ты вспаши-ка пашенку,
Ты засей меня.

И воспрянет Русь,
Расцветет земля,
Зашумят поля
Тучным колосом.

Под крылом твоим
Бело лебедя
Будет мирно жить
Край березовый.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Пусть зеркало года итожит,
Ветра и вьюги нам седины множат,
Но свет твоих родных, любимых глаз
Назло годам горит и не угас.
Идем по жизни мы и в радости, и в горе,
Ты – мой родник, мое крыло второе.
Земной во всем, я это не скрываю,
Но ты – мой Бог, пусть все об этом знают!

У КАМИНА

И опять декабрь, вновь пришла зима.
Год отмерил круг - в серебре дома.
Вечер во дворе, в доме тишина,
Бархат темноты струйкой из окна.

Разожги камин, сядем у огня.
Ты, любимый мой, обними меня.
Искорки огня на лице твоём,
Мы с тобой одни, хорошо вдвоем.

Тихо я шепчу милому Стрельцу,
Что тебе седины, дорогой, к лицу.
Молодым задором искорки из глаз,
Ты сейчас моложе, дорогой, в сто раз.

ЧЕТВЁРТЫЙ ТОСТ

У мужчины широкие плечи,
Сила рук, богатырская грудь,
И красивые страстные речи
Нам порой не дают уснуть.

И не думаем, что скажем лишнее,
Мы готовы это признать.
Дорогие, нам от всевышнего
Вы ниспосланы, как благодать.

Вы - наша жизнь и наше вдохновенье,
Мы любим вас и холим с наслажденьем,
Готовы все простить, когда любимы вами.
Любить, любить, любить вас с вашими грехами.

Пусть будет ваша жизнь шампанскому подобна.
Как горный ручеек чиста и благородна.
Пусть женщины любовь украсит ваши дни.
Здоровья вам, и бог вас сохрани.

ПОДРАЖАЯ В. ВЫСОЦКОМУ

Пусть года чередой стучат,
Это право, друзья, пустяк,
Это только середина пути,
Надо дальше идти.

Надо рюмкой друзей встречать,
Надо женщин еще ласкать,
Еще многое в жизни успеть,
Чтобы песню допеть.

Ты не будешь скулить и ныть
И не сникнешь, а будешь жить,
И болезней различных строй
Не пойдет за тобой.

Значит, молодость не уйдет,
И товарищ не подведет.
С ним хмельным на вершине стоять
Мы хотим пожелать.

АПРЕЛЬ

Вновь апрель-чародей, то весна-молодица,
Ярким солнца лучом к нам в окошко стучится.
Хоть мороз-старичок вдруг снежком прокрахтит,
Но красою весна враз его усмирит.

Благодатной порой повезло Вам родиться,
Постаралась природа, ей есть, чем гордиться.
И умна и стройна именинница наша,
Муженек Вам подстать - половиночка Ваша.

С днем рожденья сегодня мы Вас поздравляем,
Быть здоровой и всеми любимой желаем,
Утверждаем мы дружно: «Ваша песня не спета»,
Звонким хором споем мы Вам «Многая лета».

СВАДЬБА

По утрам стоит небо с проседью,
И туманятся реки осенью.
Мне сентябрьскую свадьбу дочери
Гуси-лебеди напророчили.
Под венец идут «птицы белая»,
Их вослед крещу неумело я,
Бога я молю, пусть единою,
Станут парюю лебединою.

ВЕСНА

За окном леденящий дождь
Зябко струями косит.
И зима, уходя, снегом в ночь,
То и дело пробросит.

Лес застыл в ожидании тепла,
Тихо веточки плачут,
И стесняясь, сережки ветла,
Как девчоночка прячет.

Сквозь листву пробиваясь, трава
Робко тянется к свету,
Как художник лужайки сама
Изумрудом расцветив.

Грач-горнист побудку трубя
Для природы и света,
И вдали розовея, заря
Помогает рассвету.

И лучисто солнце горя,
И искрясь, и играя,
То весна, утро жизни даря,
К нам выходит, встречая.

ФЕВРАЛЬ

Опять на праздник кружева
Зима развесила.
Закружат в танце дерева -
Вот будет весело.
В жилетках красных снегири
Хрустят рябиною.
На санках прокачусь с горы,
Обняв любимую.

Из снежных ниток соткан плед
Лежит сугробами.
В своей берлоге спит медведь
Вдвоем с зазнобою.
Петляет заяц на снегу -
От рыжей прячется,
На лыжах рано поутру
С тобой прокатимся

Февральский ветер бьет в стекло
И в гости просится,
А годы птицей над землей
Как миг проносятся.
И календарь листая вновь,
Зачем печалиться
Со мною ты, моя любовь,
Со мной останешься.

ЛЮБИМОЙ

Ты, как богиня, подметаешь пол,
Ты, как богиня, накрываешь стол,
Любимая, без всяких как,
Придумал все сравнения чудак.
Богиня ты! Да! Афродита ты –
И, в общем, женщина моей мечты.
Любимая жена моя и мать,
Тебя я не устану восхвалять,
Готов с тобой идти по жизни я.
Люблю, Люблю, Люблю тебя.

ОСЕНЬ

Полыхают рощи ярко-рыжим цветом,
Собирают дождик в небе облака.
И встречая осень, расставаясь, лето
Птичьими крылами говорит: «Пока».
За окном с рябиной тихо дождик плачет,
Ежась от прохлады, стынут берега.
На мустанге рыжем бойко осень скачет,
И в пурпур одеты, встали деревья.
Так и в жизни нашей за весной и летом
К нам приходит осень, золота пора.
Но хочу сказать вам, несмотря на это,
Что в душе и сердце у меня весна.

ЛИСТОПАД

Листопад в лесу, листопад.
Полюбила я невпопад.
Повстречались мы в сентябре,
Но расстались мы на заре.
И иду я в лесной тиши,
Ты, рябина, мне подскажи...
Не заметила я обман,
Видно, застил глаза туман.
Ты, любовь моя, подожди,
Потихоньку пройдут дожди,
Солнце взглянет в мое окно,
Счастье встречу я все равно.

УТРО

Я сегодня встану рано поутру,
Босиком, чуть слышно, в поле убегу
Посмотреть, как солнце за горой встает,
Новый день встречая, соловей поет:
И росой умытый, встал березок строй,
С луговых цветов нектар пьет пчелиный рой.

Вдалеке в распадке слышен звон косы,
В унисон ей дружно вторят комары.
На лужайку выйду, где ромашек цвет,
Погадать о милом, любит или нет.

ПЕСНЯ КрасГАУ

На берегу седого Енисея
У Яра Красного черемуха цветет.
Полсотни лет стоит аграрный, и, взрослея,
Живет и учится здесь молодой народ.

Припев:

Потомки Дубенского и Рязанова,
Мы учимся, чтобы сады цвели,
Гордимся мы, что из аграрного
Мы - юные хозяева земли.

Сюда пришли мы, сыновья и внуки,
И учимся, не тратя время зря,
Усердно мы грызем гранит науки,
Чтоб не скудела матушка-земля.

Припев

Определив свой жизненный фарватер,
Мы разлетимся в разные края.
Но не забудем нашу Альма Матер,
Повсюду честь аграрника храня.

Припев

КАНУНЫ

Люблю я праздников кануны кутерьму,
Как Фигаро должна я быть и там и тут,
Но не отдам заботы эти никому
(И думаю, что женщины меня поймут).

Мужчины же и в думах и труде
Заботятся, чтоб был в семье достаток.
Мы - женщины стараемся вдвойне,
Когда любимыми мы чтимы и богаты.

Ну, наконец, все к празднику готово
Накрытый стол нас яствами манит,
Шампанское искрит в бокалах, право слово,
Нас ожиданье праздника пьянит.

И, дорогие, пожелаю вам
Пореже обращаться к докторам
И мира в Ваших душах и домах,
А в общем, счастья и успехов вам в делах.

ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ

Февральский день - прекрасен он,
Влюбленными отмечен:
Два сердца бьются в унисон,
И зов природы вечен.

Мальчишка в «Валентинов день»,
Смущенный ожиданьем,
Несет украдкою сирень
На первое свиданье

И вспыхнут радостью глаза,
И нежности не спрячут.
Его любовь - девчонка-стрекоза -
Спешит к нему навстречу.

МОЛИТВА

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь», -
Молю усердно Бога
И свято верую, что есть
Душевная подмога.

Его прошу я дать мне сил,
Когда бывает худо.
И чтоб грехи мне отпустил,
Когда теряю друга.

Прошу здоровья для детей,
Для мужа и внучат
И чтоб не быть большой войне -
Пусть пушки замолчат.

Я попрошу тебя, Господь,
Чтобы на этом свете
Не обижали стариков,
Не голодали дети.

Семья пусть будет мне опорой -
Есть в нашем доме муж и сын:
А дочь моя не знает горя,
Красою блещет до седин.

ВЕСНА

Опять весна, пришел апрель,
Вновь во дворе звенит капель,
Бегут веселые ручьи,
И по утрам кричат грачи,
И солнца луч слепит глаза,
И сок березы, как слеза.
Весна нам будоражит кровь,
И кружит голову любовь.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(Розовая сказка)

День осенний не приснился мне,
Вспыхнул солнца луч в моем окне:
Как кораллы на морском песке -
Роз охапка на твоей руке.

Времени не остановишь бег,
Покрывалом белым лег на землю снег,
Зимней сказкой праздник декабря
Нынче день рожденья, милый, у тебя.

Вновь друзья собрались за столом,
Здравиц и веселья полон дом,
Пьем все вместе за главу семьи
С пожеланьем мира и любви.

Пусть мороз и вьюга за окном
Вспыхнут вновь не гаснущим огнем;
Как кораллы на морском песке -
Роз охапка у меня в руке.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ

Ты пришел в этот мир в декабре,
Когда все вокруг в серебре.
На селе первым парнем слыл,
Гармонист, девчонок любил.
Для людей старался, творец,
Не опричник ты, а стрелец,
Верный муж и прекрасный отец
И семейного счастья творец.
Много дней с тех пор утекло
И дорог твоих замело.
Но, как прежде, считаю я,
Первый парень ты для меня.

НОВОГОДНЕЕ

Двенадцать месяцев в году
Идут попеременно,
Щебечут птицы поутру
Весною непременно.

Приятно летнею порой
На травке поваляться.
На зорьке ранней за рекой
С девчонкой целоваться.

Вот осень, золотом шурша,
С морозцем и дождем

Приходит в гости не спеша –
Мы завтра снега ждем.

Опять хозяйкою зима
Заглядывает в двери,
Последний лист календаря
Оторван и потерян.

Вновь Зодиак по небесам
И гороскопу строго
Ведет Бычка на пьедестал,
Меняя символ года.

Повсюду тысячи огней
И радостные лица,
И в каждом доме ждут гостей,
И детвора резвится.

Вот в красной шубе Дед Мороз
Под елкой хороводит;
Пусть праздник, что он нам привез
Подольше не уходит.

Сверкает искорками звезд
Шампанское в бокалах,
Встречают вместе Новый год
И молодой и старый.

И золотой Орел крылом
Взмахнет над башней Спасской,
Оберегая каждый дом
От горя и ненастья.

«Что хочет женщина, того желает Бог», -
Французы мудрые берутся утверждать.
Мужчину с ним сравню, когда б он мог
Желания любимой потакать.

Пусть Вифлиемова звезда
Вам путь укажет к счастью,
И ангел оградит от горя и ненастья.

Рожден мужчина для побед,
Так пожелал творец.
Вы правосудия полпред,
Муж, любящий отец.
Фемида же довольна тем,
Упреков не страшась,
Сняла повязку лишь за тем,
Чтобы поздравить Вас.

Два царских имени тебе достались от рождения.
Петровна ты, и значит то, что ты Петра творенье.
И Анной царственных особ в Европе нарекали.
Петровна Анна им под стать, мы лучше не видали,
Наука как ее дитя, ухожена, любима,
Она в работе день и ночь всегда неутомима.
Мы Вам желаем, чтоб всегда в пути светило
солнце.
В. Маяковский бы сказал: «До дней последних
донца».

Есть по жизни у женщины много имен:
Мама - имя мое, и жена - испокон.
Я - свекровь, есть невестка теперь у меня.
Время мчится вперед, вот и бабушка я.
Тещи имя мне зять дорогой подарил,
И скажу вам, что очень он мне угодил.
Пусть блинами тебя редко потчую я,
То диета диктует, здоровья для.
Пожелаю тебе я, зятек дорогой,
Чтобы дочка была тебе верной женой,
Чтоб здоровья хватало на спорт и дела,
Птица счастья семью и твой дом берегла.

Грузинский витязь, ликом и фигурой
Имеешь все, тигровой не имеешь шкуры.
Двух женщин одарил любовною горячкой,
Одна из них - борьба, другая - сибирячка.

Ты стрелец, поэтому обязан
Видеть цель, не задрожит рука.
И дорога вспять тебе заказана,
Да не сбросит лошадь седока.

Дни науки, дни науки,
То, друзья, не ради скуки,
Мы по краю разъезжаем,
Чтоб деревни стали раем.
Волги мчатся впереди:
В первой ректор, погляди.
Следом скачут две газели,
Лишь мелькают сосны, ели.
Наконец, и остановка,
Расстилаем скатерть ловко,
Вынимает бутерброды
Для голодного народа.
В центре разместились пицца,
Чтоб повеселели лица.
Рядом девочки снуют,
Чай и кофе раздают.
Мужики в углу украдкой
Тихо балуются чаркой...
Наконец-то все наелись,
По местам своим расселись,
Устремясь в окно лицом,
Каждый борется со сном.
Не успев закрыть глаза,
Спать не дали тормоза.
Глядь, районная светлица,
На крыльце стоит царица.

Нет главы, друзья, увы,
Нас встречает зам. главы.
Все на нас глядят с любовью
И встречают хлебом-солью.

Что в имени твоём? Бас ты и трон,
Когда работаешь, то мощный контрабас
Угнаться за тобою не горазд.
На всяких должностях сидишь ты как на троне,
Чтоб не сказала я, все - мало о Бастроне.

АФОРИЗМЫ

Слов нет, одни междометия!
Незаменимых людей нет, есть не заменённые.
Есть компании теплые, а есть чуть тёпленькие.
Собака лает на чужих, а человек на своих.
Любви, как денег и здоровья, много не бывает.
Женщин надо ценить, а не оценивать.
Кто по домам, а кто по дамам.
Глупый оправдывается, а умный делает выводы.
Матахари - Матом в харю.
Ассортимент - отделение милиции.
Утконос - санитар.

И опять на весенний Парнас
Праздник жизни готовит природа.
Нынче первенцу, милый, у нас
Исполняется тридцать три года.
Говорят, это возраст Христа,
И я думаю, что неспроста
Это возраст, когда еще все впереди
И фундамент заложен, чтоб дальше идти.
Пожелаю тебе: будь здоров, дорогой,
Строен телом, а также прекрасен душой,
Чтобы радостью были и дочка, и сын,
И прекрасной женою по жизни любим.

Детские

ДОЧКА

Родилась у дочки дочка
Как назвать. Решили. Точка.
Нарекли ее София -
Нету имени красивей.
Стала дочка подрастать,
С мамой в ладушки играть
И с сорокой-белобокой
Деткам кашу раздавать.
А сегодня наша крошка
Побежала по дорожке:
Раз шажок, еще шажок -
В добрый путь тебе, дружок.

КУКЛА

Мне сегодня в Детском мире
Куклу новую купили!
Рада вся моя семья,
Будет дочка у меня.
Назову ее я Катей,
Покупать ей буду платья,
Буду с ней гулять ходить,
Вместе дружно будем жить.

ПРОГУЛКА

День хороший за окном,
С мамой мы гулять идем,
На прогулку собираться
Очень надо постараться:
Надеваю комбинезон -
Раз на улице сезон.

Чтобы не замерзли ножки,
Одеваю я сапожки,
Шапкой я закрою ушки,
Следом варежки-подружки,

Шарфом шею повяжу,
Фу, устала, посижу.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю, Ладушка,
Баю, Ненаглядушка,
Спать ложится солнышко,
Баю, моя Сонюшка.
Баю, глазки милые
Васильково-синие,
Баю, мои рученьки,
Баю моей внученьке,
Баю, мои ноженьки,
Спать поможет Боженька.

ДЕД МОРОЗ

Шел по лесу Дед Мороз
Мимо кочек и берез,
Мимо елок, мимо пней,
Шел по лесу много дней.
Он по бору проходил,
Елку в бусы нарядил,
И сейчас под Новый Год,
Всем подарки несет.
Мальчик лег в свою кровать,
Так не хочется вставать.
Кто стучится к нам в окно ?
Это я дед - Мороз,
Я коня тебе принес,
И винтовку на ремне,
Отвори скорее мне.

БЕГЕМОТ

Бегемот разинул рот -
Целый дом в него войдет.
Будем в этом доме жить,
Будем домик сторожить.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как положено природой,
Мне уже четыре года.
Рада вся моя семья -
День рожденья у меня!
Я проснулась очень рано,
Ловко спрыгнула с дивана,
Стул подвинула к окошку,
Погляжу на мир немножко.
Снег белеет во дворе,
Не мешает детворе;
Дети с мамами на санках
Едут в садик спозаранку,
Я же в садик не иду
И гостей на праздник жду.
Чтобы праздник был отличный,
Надеваю платье лично.
И тихонько я шепчу:
«Королевой быть хочу».
Вот и гости на пороге,
Раскраснелась я немного,
Поздравленьям очень рада
И подарки мне в награду.
День рожденья, день рожденья,
В доме праздник и веселье.
С мамой куклы пляшут вместе,
Не хотят сидеть на месте.
За столом народу много,
Запивают соком воду;
Торт красивый на столе -
В праздник он положен мне.
Я плясала, много ела,
А затем для тети пела,
Убежала от стола,
Очень крепко я спала,
Утром маме я сказала:
«Будем праздновать сначала!»

Дмитриев Владимир Ефимович
доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Родился и вырос в селе Назарово Красноярского края в апреле 1937 г. Детские, юношеские годы, как у большинства сверстников того времени, прошли в трудных условиях.

Школу окончил в 1956 г. Студенческие годы связаны с Красноярским сельскохозяйственным институтом, где получил высшее образование по специальности «учёный агроном».

После окончания института работал агрономом в Назаровском, Крутоярском и Ададымском совхозах, а в 1966 г. был приглашён в науку. До 1986 г. работал заведующим Ачинским госсортучастком, заведующим отделом и заместителем директора по науке Боготольской с.-х. опытной станции. Учёба продолжалась заочно: в Красноярском педагогическом институте (окончил в 1967 г.), в аспирантуре самого известного НИИСХ ВИР им. академика Н.И. Вавилова. Защитил диссертацию на звание кандидата сельскохозяйственных наук (1979 г.).

Был приглашён на работу в Красноярский НИИСХ на должность заведующего лабораторией интенсивных технологий зерновых культур, а с 1989 г. на конкурсной основе перешёл на работу в Красноярский агроуниверситет. Здесь в 2002 г. стал доктором с.-х. наук и работал профессором этого престижного вуза России.

Стихи начал писать в школьные годы. В стихи старался вложить частицу своей души и сердца тем, кто меня окружал.

ЗЕМЛЯ

Земля моя, кормилица и мать,
Как не любить тебя, не холить.
Другой земли нам не видать,
Никак не сделать, не построить.

Наш круглый дом – один всего
В необозримости пространства, -
Нам выпало любить его,
А не крушить его убранства.
19.09.2004 г.

МОЯ ВЕСНА

Весна - загадка жизни новой
И лучик, зеркало - волна
Под пологом хвои лиловой
Блеснет нам в сонные глаза.
Смотрю в долину - речка льется,
Блестит улыбчиво волна.
Веселый вид - река смеется,
Она очистилась от льда.
А берега полны до края,
Затоплен в центре островок,
Свои вершины возвышая,
Глядят Саяны на восток.
На глади водной оттиск гор
Волной качается рифленный,
В туманной дали спит простор,
А луч уже слегка зеленый.
Моя весна и я ей рад,
Гляжу на красоту забвенно,
Мелодии во мне звучат,
И кажется, что все нетленно.
12.04.2005 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О КУДРИНКЕ

Смотрю на пригорок
И ужас берет:
Поселок, что дорог,
Уже не живет.
Там с краю поселка
Росли тополя:
Один на ребенка,
Что мать родила.
Застыли деревья
Как память людей,
Остались как перья
Растраченных дней.
Нет больше проселка,
Грусть льется с полей:
Живет от поселка
Рядок тополей.

2.05.2005г.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Синей фиалкой ночь отцвела,
Светлым сияньем волна отыграла.
В Мире любви ты сегодня была;
Тайно об этом, конечно, мечтала.

Это был первый для нас «заказник»,
Тихая ночь нас с тобой укрывала.
Мы благодарны за сказочный миг,
Что нам с тобою судьба даровала.

Берег. Речушка бежит неспеша,
Чутьочку слышен журчания голос,
Полная вышла на небо луна,
Твой осветила серебряный волос.

Память хранит наши юные встречи,
Трепетность тела и святость души.
Как вы прекрасны, глупые речи
В миг поцелуя в безлюдной тиши.

Нежно ласкали мы руки друг друга,
Нам не разнять их, казалось, ни чем.
Где-то ударили в лемех от плуга,
Так неожиданно, так насовсем.

4.05.2005г.

ВАЛЬС ЛИСТОПАДА

Белый березовый хор
Чуть забежал на пригорок,
Светло глядит на простор,
Слышен листвы тихий шорох.

Припев:
Вальс, вальс, вальс -
Кружатся листья берез.
Я приглашаю Вас
В море желтеющих грез.

Тихо кружит ветерок
Листьев летящие крылья.
Этот осенний вальсок,-
Шорохи музыки милой.

Припев.

Листья летят на ветру,
Нет им от ветра покою,
Я с этим «хором» кружу
Вальс с золотою листвою.

Припев.

Золото сыпется с гор,
Все на лету замата,
мы закружились в простор
Осени, что золотая.

Припев.

3.08.2005г.

ПТИЧИЙ ПИР

Весна. Вот только солнышко пригрело,
А свистели тут как тут.
Цветная стайка прилетела
«Зимовку» с кустиков клюют.

Вкусны им семечки у дички,-
Вот куст особенно богат,-
И стайкой понаесли птички,
Как на желанный кустик-склад.

Еще слой снега на земле,
А под кустом идет гулянка.
Кружок кровавый из ранет
Лежит как скатерть-самобранка.
22.05.2005г.

ПЕРВЫЕ НОЧИ

Сквозь ветви у сосен
Виднелася ночь.
Пшеницы колосья
Нас прятали прочь.
И месяц рогатым -
Фонарным крючком,-
И вид наш помятый,

И плед под кустом.
И губы послушно
Сливаются вновь,
А куст равнодушно
Скрывает любовь.
Вот месяц растаял,
Вот блеклый рассвет,
А нас не измаял
Любовный «обет».
Проснулось светило,
С улыбкой глядит,
Как парочка мило
Прижалась и спит.
Чуть губы открыты,
Румянец у щек
И волосы свиты
В единый комок.
Беспечные очи
Закрылись в уладе:
- Эх, первые ночи,-
Изюм в шоколаде.
12.05.2005г.

НОЧНОЙ КОНЦЕРТ

Звуки скрипки лились,
Слишком больно рыдали.
Потемневшая высь
Расстелилась над нами.

А Скрипач на ветру
Резал тонкие струны,
Продолжал нам игру
В тусклом свете луны.

Окруженный толпой,
Где стояла машина,

Холод жег за спиной,
Но игра нас пленила.

Легкий в теле озноб
Вызван страстной игрою.
Музыкант молодой
Не давал нам покою.

Шли мы молча домой,-
Нас концерт согревал,
Но укрылся дохой
Тот, кто мерз, но играл.
11.06.2005г.

ЖОЗЕФИНА

Такая мягкость в разговоре
И нежность рук, и томность глаз;
Мила, как ласковое море,
Светла и ярка, как алмаз.

Я «Жозефиной» Вас назвал,
Все, право, в Вас сложилось мило,
Какой-то магии астрал
Во всем присутствует незримо.

Округлость формы и речей
В хитросплетении чудесном.
Вы между небом и землей
Заполнили пространство песней.

Покорно я на Вас смотрю,
Слегка застывши от резона:
Вы - сказочны, я Вас люблю,
Я Вами покорён до стона.

Мне не увлечься состязаньем,
Стою и прелестью смирен
И даже мелочным вниманьем
Восторжен я, и покорен!

31.08.2005г.

РОМАНС

Я был застенчив с Вами, милая,
Вас раздражал мой жалкий вид.
Душа моя по-детски хилая
С тех пор застенчиво болит.

Я слушал музыку рояли,
В саду сирень пьянила дух.
Романс старинный Вы играли,
Лаская мой влюбленный слух.

Вам это льстило и смешило,
Я был забавный меломан,
Луна задумчиво светила
На наш игрушечный роман.

В саду сирень и дух от ретро
Остался цвета пышный вид.
И лишь одна струна от ветра
В рояле стареньком звучит.

28.06.2006г.

КОКЕТСТВО

Тебя как яблоко в соку
Я встретил в годы молодые.
И плел поэзию в строку,
Чтоб выдать прелести хмельные.

Вся ты светилась и жила
В чудесном мире не земном.
Так недоступною была,
Что чувства были сладким сном.

Смешил тебя мой глупый вид,
Пьяна ты дерзким превосходством,
И я, как взорванный булид,
Убитым был своим уродством.

Понятно стало лишь сейчас,
Что это были страсти детства;
Я искупался в первый раз
В лучах девичьего кокетства.

29.08.2006г.

ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ

Был голод: страшный, небывалый,
Я шел, шатаясь, был понур,
А у дороги слег усталый
В 13 лет бродячий кнур.

Глаза его уже потухли,
Но сердце подавало кровь,
От голода ступни опухли
И нервно дергалась бровь.

Он умирал голодной смертью, -
Помочь ему уже нельзя,
-Глотал он жадно воздух с ветру,
В невидимую тьму ползя.

И нежный потухал румянец
На увалившихся щеках,
Но этот жалкий оборванец
Родил собой предсмертный страх.

Я видел лица разной смерти
И страх, и жалости очей,
Но это молодость, поверьте,
И смерть ее в сто раз страшней.

16.09.2006г.

* * *

Ясным днем вывожу «кавалерию»
Острогрудых железных коней,
А под вечер саженью замеряю:
Сколь готово для сева полей.

Нет пышнее на свете земли:
Блажь все это – на звезды стремиться.
Вот волною пары «потекли» -
Это хлеб, что не сможет родиться.

Надо во время дело сробить,
Чтобы хлеб народился стеною;
Просто Родину надо любить
Беззаветно, не зная покою.

26.10.2006г.

* * *

Когда года, как лес густой,
Пространство жизни сократили,
А этот старческий настрой
Пришел, как гость, что не просили.

Я буду петь и танцевать
В жилище прежнего убранства,
Улыбки буду раздавать,
Расширив лет своих пространство.

Смотри, кто молод, мой итог,
И поучись, как при уходе,

Все годы, что подарит Бог,
Кружить в веселом хороводе.
29.08.2006г.

ПОСЕЯЛА ЛЕНОЧЕК

Посеяла леночек,
Леночек голубой,
Любил меня Ванечек,
Ходил в ленок со мной.

Вот полюшко убрали,
Стоит сулонов строй.
Его служить забрали,
Осеннею порой.

Ванюша письма пишет:
«Служу примером всем,
Как синь у льна запышет,
Приду к тебе совсем».

Посеяла леночек,
Леночек голубой,
Вернулся мой Ванечек,
Ходить в ленок со мной.
29.10.2006г.

КРОВНАЯ МЕСТЬ

Ходили слухи по деревне,
Что дочка старосты полна,
А виноватым в этом деле
Считали Ваську - кузнеца.

Красавец парень ухмылялся,
Картуз на кудри натянул,
Перед дружками все ломался,
Что девку он не обманул.

Но скоро, как оно бывает,
Дошли те слухи до отца.
Суровый староста страдает
И вызывает молодца.

А тот ему упал в колени,
Да, видит бог, попутал грех.
Клянусь, за душу твоей Фени
Лишу здоровья вся и всех.

Отец за рукоятку взялся,
Рукою речь остановил,
И, как Василь не извинялся,
А сердце выстрел прострелил.
18.11.2006г.

* * *

Цвела улыбчивая рожь,-
Как золото пыльцу кружило,
Был день для этого погож, -
Зачатье дружно проходило.

Колосья словно бы ежи,
Расщерились, в улыбке злато.
Звучала шумно песня ржи,
О том, что хлебу быть богато.

Пищали где-то перепелки,
Поднялся плотный стеблестой;
И пожелтели все проселки,
Как нарисованные хной.
17.11.2006г.

* * *

Когда робея и краснея
Откроешь ты ночную дверь,
Огню души моей предайся
И в нежность чувств моих поверь.

Как тень неслышно с легкой силой,-
Проникну в комнату твою,-
Я окунусь в покои милой
В тепло души твоей войду.

В огне любви своей и страсти,
Войду не чувствую себя,
И с жаром нежности и ласки.
Я тайно обниму тебя.

Когда робея и краснея,
Откроешь ты ночную дверь,
Огню души моей предайся
И в нежность чувств моих поверь.
25.10.2005г.

СТОГ ОБМАНА

Мне березы шептали беду,
Как по тропке я шла, гуляла.
Нынче сердце с душой не в ладу.
От берез я пугливых узнала.

Три десятка уже на беду,
Подскочили незримые годы,
Я уже танцевать не иду
И совсем не вожу хороводы.

Непонятная грусть и тоска.
На душе и на сердце туманы,
Тело высохло, словно доска,
Надоели хмельные обманы.

На крутом берегу не могу,
Как кружит и зовет глубина;
Ночь застанет в холодном стогу,
Где я снова останусь одна.

Ты, пригревши, уходишь к семье,
Говоришь, надоели скандалы,
Безразличный, как прежде, ко мне,
Каждый вечер сгущаешь туманы.

Этот вечно звериный страх,
Запах свежего сена пряный.
Словно порох сгорел на глазах
Этот проклятый стог обмана.
25.11.2006г.

БЕРЕЗОВЫЙ МОСТ

За далеким мостом из берез,
Мне казалась какая-то тайна,
Может быть, это тайна из грез,
Что рождает покоем окраина.

Вижу, заросли стали стеной,
Где-то слышу, ручей пробегает,
И камыш зашептался со мной
О березе, что мост подпирает.

«Ослабела она, подгнила», -
Мне тревожно камыш прошептал,
А на утро и новость пришла:
Мост березовый ночью упал.
1-6.04.2007г.

ПОЛЕВОЙ ОБЕД

Заря взошла над полем чистым,
Гудит знакомый тракторок:
Моя душа за трактористом
Бежит как синенький дымок.

Я жду, волнуюсь до встречи,
И вся душой уже с тобой.
И не нужны бывают речи,
Когда ты борщ хлебаешь мой.

«Спасибо, милая девчина».-
Ты молвишь скупое за обед:
Ты не догадливый мужчина -
Я поцелуя жду в ответ.

Повозка с горки поспешила,
Гремят с едою черепки,
Слеза горячая катила
С моей, как яблоко, щеки.
15.04.2007г.

ПЕСНЯ СЕНОКОСНАЯ

Раздобрили в роще травы
Сенокосною порой, -
А отросшие отавы
Льются шелковой волной.

Здесь покос мы начинали,
Косы вжигали струной,
А валки рядком лежали
Ровно в сажень шириной.

Возовые копны клали,
Расчесав их по бокам.
И в тенечке отдыхали
Каждый по своим местам.

Небо слезно мы просили,
Ждали ведро, если сырь, -
Много трав под дождь скосили
Пощади нас, «нетопырь».

Темным ветром обдувает:
Телу легче, коль устал,
Тот и прелести не знает,
Кто зароды не метал.

16.05.2007г

КЛЕОПАТРА

Фантастика, а не женщина,
Эталон красоты, да и только,
Любого мужчину вещего
Сломит, положит безвольно.

Холодно, резким взором
Словно пронзит насквозь.
Вспыхнет мужчина порохом -
От запаха нежных роз.

Только ослабнут желания,-
Вновь восплается страсть,
И бесконечны свидания,
И безраздельная власть.

Нежность ума и ласки —
Нет им предела в мере,
Радуги тухнут краски
В лапках этой пантеры.

Счастье с несчастьем смешаны,
В этой душе бездонной.
Все мы немного грешные —
Бредим своею Мадонной.

А Клеопатра - не женщина —
Это сплошная страсть:
Даже ее затрещина
Казалась мужчине всласть.

31.07.2007г.

ВОСПОМИНАНИЯ АГРОНОМА

Полям он отдал все, что мог,
Досыта походил по пашне.
И вот он старческий итог:
Сидит в дому, как в башне.

Видны ему клочки полей,
Где он ни разу не был,
Но этот цвет ему родней
И ближе цвета неба.

Поля, родимые поля,
И эта сладость жита,
Но он и пашенка-земля
Все воедино слито.

Свети же, солнышко, свети,
На милый вид, на пашни.
Пусть не его поля, прости,
Но все ж - они ведь наши!
13.08.2007г.

НА КРАЮ СЕЛА

На краю села избушка,
Дремлет дряхлая во тьме,
А в избушке той старушка
С прялкой писаной в руке.

Только в пряденые нити
Не забудь, себя впиши:
Эти кофты, эти свитры -
Доброта твоей души.

Над избушкой в небе звезды,
Светит полная луна,

И мороз нагрянет грозный -
Знать, приходит время сна.

Ты уснешь, как все, навечно,
Божьей милости прося,
Будет времечко беспечно
Тикать дальше без тебя.

16.09.2007г.

МЕДУНИЦА **(песня)**

Ты ходила в цветах медуницы
И букетик цветов набрала.
В голубом своем платье девицы
Ты большой медуницей была.

Припев:

Медуница, медуница,
Голубая ты моя мечта.
Эх, девица, голубица,
Сладкий мед мне твоя красота.

Я тебя называл медовою,
Шли друг друга, касаясь плечом,
Думал я, что с такою женою
Будет в жизни нам все нипочем.

Припев.

В небе синь, на земле синева-
Голубого сияния грезы,
Но краснеет на щечках «канва»,
И как жемчуг засветятся слезы.

Припев.

Поцелуем я слезы снимал,
Подарил тебе перстень с оправой,

Ограниченный сияет кристалл,
Будь, любимая, девушкой-павой.

Припев.

С этих пор медуница-девица
Стала верной моею женой.
Там, где ярко цветет медуница,
Каждым летом мы ходим с тобой.

Припев.

25.09.2007г.

СКАЗАЛА ШЕЛЕСТОМ ПШЕНИЦА

Не прошагал я всей России, -
Я предан был на месте ей,-
И жил заботою о силе
Любимой Родины моей.

Цвели сады весною ранней,
Металл гудел в проводке ЛЭП,
Я 40 лет в свиданьи с «Мамой»
С землей родною рос и креп.

Была по сердцу мне молодка, -
Я с ней навеки подружил, -
Звалась пшеницей та красотка,
Что я так крепко полюбил.

Наедине мы с ней шептались,
Чтоб наливался хлеб большой,
Забот немало нахлебались,
Чтоб этот хлеб стоял стеной.

Сказала шелестом пшеница
Губами колоса тугим,
Что будет хлебушко сторицей,
По теплоте, что мы дарим.

Держу зерно я на ладони,
И горяча моя ладонь.
Нет у зерна железной брони,
Но всей России - это бронь.
08.10.2007г.

ЖИЗНЬ СЕЛЬСКАЯ *(песня)*

Шли путем мы путевым,
Не кривили душой.
Нам служили основой
Как тепло, так и зной.
Зной жары и мороза,
Как любая угроза
Покорялась приятным теплом.

Припев:

Вы опавшие листья,
Словно годы любви,
Сколь вам ветром не виться,
А придется ложиться
Покрывалом осенним земли.

Мы не яркими жили, но себя берегли,
Легкой жизни не знали
В недрах сельской земли:
Мы пахали и жали
От зари до зари,
Нам бодрящие песни подарили дрозды.

Припев.

Наши нивы желтели, это цвет золотой,
Мы трудились и пели -
Был веселый настрой.
Мы в свой праздник горели -
Хлеб убрал - веселись.
Нам весенние трели
Наиграл гармонист.

Припев.

14.10.2007г.

ЛЕПЕСТКОВАЯ ДОРОЖКА *(песня)*

По цветущему саду в сторожку
Я иду, вся сияя во тьме;
Лепестковой три белых дорожки
Не забыть никогда и нигде.

Припев:

Лепестки, лепестки
Белым снегом,
Дорожкой легли.
Лепестки, лепестки,
Если б знали,
Да, если могли.

Вот я вижу родное оконце,
Светит лампа «летучая мышь»
Там за горкою спряталось солнце,
Здесь в саду поселилась тишь

Припев.

Вижу, милый стоит на крылечке,
В ожиданьи свиданья со мной,
Приберёт в своём сердце словечко,
Что дороже, чем есть золотой.

Припев.

Я вхожу и трясусь, как тростинка,
Всё сияет во мне от огня:
Я к тебе, дорогой, по тропинке
Лепестковой навечно пришла.
22.10.2007 г.

ЖЕНЩИНА

Говорят, что в миг опасный
Женщина, коль за рулем,
Может в этот миг ужасный,
Бросить руль - ей нипочем.

И тогда пиши пропало,
Или пан, или пропал,
Ибо женское начало,
Есть начало всех начал.

Говорят еще другое:
В миг опасный, но в сердцах,
Выдаст женщина такое -
Нипочем ей даже страх.

Коли дело в миг попросит,-
Женский нрав на все готов:
Может семерых разбросить
Даже крепких мужиков.

Женщины, как эдельвейсы,
Красоты мы в них хотим.
У носильщиц бревен, рельсов
И кулей с зерном тугим.

Время, бремя, час разлуки
Ждем их встречи огневой,

Только женщин дарят руки
Ласку, нежность и покой.

Если в этот миг как счастье
Шея, а не руль в руках,
Да ей по-фигу ненастье,
И какой-то дикий страх.

Как она, что понимает?
Нам те знания, что нуль,
Если шею уж обнимет,
То не бросит словно руль.

15.05.2007г

БАЙКАЛ

Это небесное чудо:
Сплав красоты и мощи.
Не был я здесь покуда
Знаний запас был тощим.

Чище души водица,
Светится - дно в улыбке,
Чудится, словно девица
Медленно «ползает» рыбкой.

Пил я Байкала воду -
Это бальзам природы.
Время ушло и сроду
Не пить мне такие воды.

Руки, лицо умыты,
В мягкой прохладе кожа,
Озеро, словно корыто,
Только бездонное ложе.

Волны как будто в неге
Ветер слегка ласкает,
А у крутого берега
Камень, что все охраняет.

Лет пролетело немало, -
Чудо байкальское живо!
Словно во сне побываю,
В памяти райское диво.

Грозен Байкал при шторме:
Волны надбровьем сурово
Хлещут и словно бормочут
Байкальское злое слово:

Вы меня берегите!
Сбросами не грязните!
В мире со мной живите,
Всеми силами охраните.
14.08.2007г.

ПАСТУХ ЖАРОНКИН

Был пастух у нас Жаронкин:
Длинный бич и голос звонкий,
Сил-то вроде с гулькин нос,
Три аршина не дорос.

Ну, а духом был силен -
Лез любому нарожон.
Что уж? - дойные коровы
«Уважать» его готовы.

Смотрят, глаз с него не сводят, -
В стаде тишь, не колобродят,
Травку сочную жуют,
Молочко домой несут.

Уважали пастушка,
Приносили петушка,
Ну, и всяких безделушек:
Хлеба, сала и ватрушек.

Обожал пастух Жаронкин,
Кто приносит самогонки.
Выйдет в поле на лужок, -
Заиграет во рожок.

Далеко услышат женки,
Стадо кличет нам Жаронкин.
Долго он служил народу,
А зимой мастырил ногу.

И никто того не знал,
Где он ногу потерял,
И никто не догадался,
Как он без ноги справлялся.

Ну, хромает, ну и что,-
Так от роду знать пошло.
Не ходил пастух без ранца:
Был на фронте, бил германца.

Ранец с той войны привез,
Ногу схоронил обоз.
Оторвало ногу взрывом,
Выжил он - и это диво.

Крови много потерял,
Но оправился и встал:
Деревяшку мастерит
И все германца материт.

Стал пастух совсем сдавать
И подпaska научать,

А подпасок был ленивец -
Просыпал порой паршивец.

Как-то видят - стадо движет,
А пастух-то еле дышит.
До деревни скот доходит,
Где Жаронкин «хороводит».

А бедняга под кустом
Неживой лежит пластом.
Отыскали и обмыли
Всей деревней схоронили.

Крест поставили сосновый,
Кнут положили - как новый.
Знать, почет для пастуха
Это, братцы, не труха!
29.09.2007г.

ВИЙКА

Знавал я девушку - гордячку,
Но это было так давно,
И столь красивую полячку,
Не видел даже я в кино.

Не остановишь жизни мига,
А в бесконечном мига нет,
Полячка та звалась Вийка,
Ей было восемнадцать лет.

Она пересыпала речь
Смешливо звонкими словами,
А волосы ее до плеч,
Струились белыми волнами.

Искрились синевой глаза,
Премило ямочки играли,
И белых зубок жемчуга,
У алых губ ее блистали.

Забавно губками кривила,
Кокетливо скосив глаза,
Она была неотразима,
И бесконечно хороша.

Когда однажды обнаженной,
Как Еву я ее узрел –
Я замер, напрочь, пораженный,
Лишившись тотчас всяких сил.

Купалась, наслаждалась Вийка,
Закрыв глаза, словно во сне,
И бледно-нежною кувшинной,
Чуть-чуть качалась на воде.

Сраженный красотой небесной,
Я рядом лягушонком плыл,
И на груди ее прелестной,
Как листик трепетно застыл.

Она как-будто бы малютку
Жмет голову к своей груди;
Я для нее предметом шутки,
Не более, в то время был.

И описать я смог то лето,
Набравшись искушенных сил,
Ведь райское купанье это,
Я лишь с годами оценил.

Теперь я знаю, не случайно,
На берег тот пришел блондин,

Давно за ней следил он тайно,
Лишь время встречи находил.

Не торопясь, следя за нами,
Он оголился и прилег,
Схвативши голову руками,
Как бы от солнца занемог.

Дурачась, мы того не знали,
Что он, как кот, вблизи ходил,
И похотливыми глазами,
За Вийкой, спрятавшись, следил.

Ой, дурно - стонет он притворно,
Мы вмиг на берег до него,
В ладонях воду мчим проворно,
И мочим голову его.

Он весь обмяк, раскинув ноги,
Глаза его под лоб ушли,
Чем мы ему еще поможем?
Мы помогали, как могли,

Она в порыве благородном,
Припала ухом: грудь его,
Колышется в биенье мощном –
И жаром пышет от него.

Хитрец - притворный, сколько можно,
Пошевелиться ведь нельзя,-
Целует локон осторожно,
Вкушая радость про себя.

А Вийка горлицею бьется –
Шлет до врачей меня скорей,
Сама с притворцем остается,
Еще не чувствуя сетей.

В село, как заяц, я рванулся,
Но у пригорка, под конец,
Назад тревожно обернулся, -
И вижу - ожил наш «мертвец».

Вот так случайно и ведется,
Вся жизнь наша, как вода,
Из капель мелких соберется –
Бежит неведомо куда.

Не обойти нам жизни топи,
А счастье - это просто лоск,
Мираж блаженства от утопий,
Что щедро сочиняет мозг.

Едва ногами шевеля,
Я неохотно возвращался,
Блондина про себя кляня,
Что тот ожившим оказался.

Я плелся, как побитый вор,
Очередной беды боялся,
А между ними разговор,
Как при знакомстве завязался.

И без охоты, неуклюже,
В недоумении сплошном,
Я знал, что я им здесь не нужен,
Но буду нужен ли потом?

Они встречаться стали чаще,
Коль не владу, то на беду,
Я встречу их то в леса чаще,
То за сараем, то в саду.

Была бы истина простою:
Любите - богом так дано,

Но был он не один - с женою,
Да было малое дите.

Меж ними разница в годах,
Но чувства этого не знают,
Как брызги света на волнах,
Их души счастливо сияют.

Меня не видя в темноте,
Они на сеновал взбирались,
И здесь на сене в тишине,
В единый организм сливались.

На склоне осень золотая,
И холод близок ледяной,
Они же устали не зная,
Все ищут встречи меж собой.

Однажды в поле на сторонке,
Где притаилось гумно,
Я слышу плачь ее негромкий,
И утешение его.

- Пусть о тебе дурное бают,
Сходи до бабок - вот и все,
Они ведь мудрые и знают,
Как удалить долой дате.

От слов ее предельно точных,
Блондин мгновенно отрезвел,-
Ведь приобрести детей побочных,
Он очень видно не хотел.

И в утешения пустился,
Он знал, что вместе им не быть,
И как-то зло преобразился,
Стараясь сразу все избыть.

Все обернулося порухой,-
Потускла разом красота,
Измена желчною старухой,
Самодовольно приползла,

Одна беда родит другую,
Зло вечно ходит по пятам,
И злодеяния смакуя,
Является нежданно нам.

Жена блондина все узнала,
И, взвесив все сама собой,
Однажды Вийку повстречала,
И окатила кислотой.

Блондин для вида волновался,
Но в траур сильно не входил,
Он у жены в ногах валялся,
Лил слезы, милости просил.

Жена блондина отвозила,
И пусть не полно, но вполне,
Его амурности простила,
Представ за подлость на суде.

У Вийки от кислотной плески,
На теле вздулись волдыри,
И две багровые полосы
На бледное лицо легли.

Известием плохим упившись,
Старик-отец притих, осел,
Недавно женушки лишившись,
Совсем от горя поседел.

Да он в то время и не ведал,
Что это лишь полгоря бед,

Что должен быть он в «чине» деда,
Хотел ты этого иль нет.

А Вийка скромно принимала,
Уход за нею медсестер,
И все острее ощущала,
Что не осилить ей позор.

Задумчива, тиха, забита,
Она не ест и мало спит,
В себе замкнулась, как улита,
Что спросят - все в ответ молчит.

Жену блондина осудили,
Ползла двоякая молва,
Вину одни в ней находили,
Другие за ее права.

Блондин для вида огорчался,
Но, говорят, - коварен бес,
Он с новой женщиной связался,
И вскоре от молвы исчез.

Судьба, судьба, судьбинушка,
Какой ты не была?
То горькою осинушкой,
То розами цвела.

Приходит день обыденный,
И зорька занялась:
Как огонечек жизненный,
Дочурка родилась.

Синь-синева в глазеночках,
И беленькая вся,
Она уже в пеленочках
Походит на отца.

Жизнь возвратилась в избушку,
Отец и Вийка вновь дружны,
Они вниманием к ребенку
Все без остатка отданы.

И все бы хорошо, да ладно.
Но чахнет малое дитя;
Уходит молча безвозвратно,
С собой надежду унося.

Хлопочут знающие бабки:
На воду шепчут, на огонь,
Усердно крестят, лижут глазки,
Кладут ей крестик на ладонь.

Уснуло милое создание,
Спокойно бледное чело,
Дед гробик нес под звук рыдания,
Рушник набросив на плечо.

И превратился дом в могилу,
В холодный и угрюмый склеп,
Не излечить теперь кручину,
И средств таких, наверно, нет.

Старик кряхтит, таскает воду,
Наколет дров, истопит печь,
Все что-то делает, все ходит,
Устанет, но не хочет лечь.

Исчерпались, упали силы,
Дед у печи на лавку сел,
И вскоре, как-то очень хило,
Чуть слышно сонный захрапел.
А Вийка медленно привстала,
К шкафу тихонько подошла,
Флакончик с уксусом достала,

И кислоту в себя влила.

О, как огонь внутри сжигает,
И душит глотку смерть-змея,
К стопам отцовским припадает,
Как бы прощенья прося.

Отец очнулся, приподнялся,
За плечи дочь свою берет,
Тотчас несчастный догадался,
Над трупом молча слезы льет.

Был сослан он, в суровом крае,
Познал лишения и беду,
Но здесь, принуду отбывая,
Он встретил первую жену.

Она сама была полячка,
И просто прелесть, как жена,
Его несчастная землячка,
С ним очень счастлива жила.

В то время Вийка появилась,
И очень быстро подросла,
Но горе с мамой приключилось,
Под лед с бельем она ушла.

Два года в грусти одинокой,
Отец на женщин не смотрел,
Но век же не совсем жестокий,
И так изменчив наш удел.

Он вновь женился в одночасье,
И зажил новой жизнью клан,
Шел словно путник сквозь ненастье,
Брал все невзгоды на таран.

Шесть лет семья живет в расцвете:
Ухожен дом и огород,
Жена в заботах и раденьи,
Успешно все дела ведет.

А Вийка расцвела - девица,
И любит мачеху как мать,
Помочь готова - не ленится,
Попозже лечь и рано встать.

Отец и мачеха в смятеньи-
Им радость высшая дана:
Их как волшебное виденье,
Пленила Вийки красота.

И так бы все и шло как надось:
Дочь вышла б замуж, как и все,
И на заботу и на радость,
Красивых родила детей.

Дочь помогла остаться в вере,
Отцу как умерла жена,
И как могла, по крайней мере,
Хозяйство прежнее вела.

Но вот любовь раскатом грома,
Колышется в ее груди,
Она заполнила до стона,
Все, что сейчас и впереди.

Любовь ее не знала меры,
Ее пленила и сожгла,
И, после вам известной сцены
Жить Вийка больше не смогла.
Отец поднялся со скамейки,
Положил Вийку на кровать,
Во двор выходит без шубейки
И начал снасти собирать.

В делах беду забыть полегче,
Отец трудился как матрос:
Труп завернул, связал покрепче,
Взвалил на плечи и понес.

Покойна ночь и тишь сплошная,
Луна свет бледно-мутный льёт,
Старик идет, слегка хромая,
И чадо горькое несет.

У камышовой тихой бузы
Стащил челнок и внутрь на дно,
Положил якорные грузы,
И с полировкой весло.

Сидел он молча рядом с телом,
И в даль озерную смотрел,
Прощался с дочерью и небом,
Со всем, что оставлять хотел.

Тихонько лодочка скользила,
Среди шумливых камышей,
Отца и дочку увозила,
От всех знакомых и друзей.

Есть в тихо реченьке-старице,
Места покойные как сны:
Холодной, чистою водицей,
Бьет снизу там из глубины.

Отец, прося у Бога силы,
Железо к телу прикрепил,
И на веревке, как в могилу,
Труп в воду, плача, опустил.

Без шапки, жалкий, одинокий,
Он голову, склонив, стоял:
«Прости», - шептал, - что тут в истоках,
Тебя я дочь соборовал».

Исчез старик: никто не знает,
Что с ним случилось, где пропал?
Народ случайно вспоминает.
Весь этот горестный финал.

Его усилил странный случай –
Блондин, купаясь, утонул.
Как гром зловещей черной тучи,
Слух прокатился словно гул,

Он плыл на том глубоком месте,
Где прах покоился в воде:
Увидел Вийку, как невесту,
Зовущую его к себе.

Она как образ воспарила,
И стала над водой как джин,
Блондина шею охватила,
И так ушла под воду с ним.

Есть байки, что на той старице,
Их видели у топи той –
Они как голубые птицы,
Взлетают вместе над водой.

И как ненужное безделье,
Не верил я бы сплетне той,
Но видел, горлицы летели,
Воркуя дружно меж собой.

В одной из горлиц изумленно,
Я видел Вийкины черты,

Быть может, слишком утонченно,
Но той же яркой красоты.

В чертах грубее и позлобней,
Узнал я облик, чуждый мне,
Был это лик его загробный,
Он отражен в его душе.

А эти души-непоседы,
Кружатся часто над водой,
И разлюбезные беседы,
Ведут охотно меж собой.

Не спорю, с кем-то как в горячке,
Есть души или это бред,
Но в памяти моей полячка,
Живет уже десятки лет.

Живет как цвет весенний ранний,
Всей прелестью к себе маня,
Как плод запретный, но желанный,
Он часть души, он часть меня.

Как словно бы цветными снами,-
Есть или нет в них здравый толк,
Как сокровенными мечтами –
Я поделился - и умолк.

12.01-1.12 1991 г.

Зарецкая Вера Ивановна
(2.09.1925 – 4.02.2009)

В 1950 г. окончила Ленинградский сельскохозяйственный институт по специальности агроном-плодоовощевод. С 1956 по 1960 г. работала в Красноярской совпартшколе преподавателем по земледелию и плодоовощеводству. Жила в Минусинске, с 1960 по 1985 г. – научный сотрудник в Красноярском НИИ сельского хозяйства (КНИИСХ). Печатается впервые.

Стихи очень лиричные, образные.

Ты прав, зачем пытаться судьбу,
Когда без слов должно быть ясно,
Что я ждала шесть лет напрасно
И вот финал: «Я не приду...»
Что ж, не придешь, так не придешь,
Стенать и плакать я не стану –

Ведь все равно ты не поймешь,
Какую ты наносишь рану.
Тебе любовь не дорога
И вряд ли ты любить умеешь.
Носи почетные рога,
Которые уже имеешь.

Не понял ты, что для меня
Любовь была всего дороже,
И сердце, полное огня,
Как видно, не слышал тоже.
Когда оно к тебе рвалось
Сквозь версты, вьюги и запреты,
Когда от боли вдруг зашлось,
Ты и тогда не слышал это.

А мне хотелось, чтобы ты
Сумел опять в людей поверить,
Чтоб светлый огонек мечты...

.....

Чтоб зло исчезло без следа
В твоих словах, твоих поступках:
Вода останется водой,
Что сотни раз толчётся в ступках.

Не много пользы от того,
Чтоб человеку ранить душу.
Теперь не жду я ничего,
И твой покой я не нарушу.
Коль легче будет без меня,
Коль будет без меня теплее,
Уйду, ни словом не кляня,
Не брошусь, нет, к тебе на шею.

То чувство слишком велико,
Чтоб я могла его унижить.
Пусть будет очень нелегко,
Попробую еще раз выжить.

Ах, если б рука посмелее была,
Она бы творила такие дела! —
Портреты животных, портреты людей

Тогда б поселились в квартире моей.
Я столько их вижу во всём, что вокруг.
И это прозрение пришло ко мне вдруг.
И в смятой бумажке, и в мокром пятне
Внезапно они открываются мне.
И в каменных плитах жилья моего,
Где раньше не видела я ничего,
Теперь нахожу столько образов, лиц –
В тетради любой не хватило б страниц –
Всех наций и возрастов, и красоты ...
Всё это могло быть уделом мечты –
Бери карандаш и в блокноте рисуй.
И только от трусости зря не пасуй.
Такая находка досталась тебе,
Ведь это бывает не в каждой судьбе!
Где ж раньше ты было, везенье моё?
Ведь ты не сегодня проникло в жильё.
Загадка природы. Неведом ответ.
Как жаль, что в руке моей смелости нет!

ПЕРЕДАЧА «ФА-ДИЕЗ»

Огромный мир лежит вокруг,
В нём наша жизнь и увлечения.
А у меня с рожденья, друг,
В душе к прекрасному влечение.
И выше прелестей иных
Ценю я мир волшебных звуков –
Такая сила скрыта в них –
В них радость, боль, любовь и мука.
Нас в жизни музыка ведёт
На подвиги любви и славы,
И сердце то, что в них живёт,
Как будто в дорогой оправе.
И умолкает всё окрест,
Как будто всё вдруг растворилось –
В эфире снова «Фа-диез»
Желанным гостем появилась.

Ещё не отличалось небо
Окраскою от тёмных крыш,
Ещё не пахло свежим хлебом
И не звучали песни птиц.
И даже пса сторожевого
В округе голос не звучал –
Уставший от труда дневного,
Наш мирный город крепко спал.
Был час Быка, и даже звёзды
Застыли в сонной вышине
И кто-то возвращался поздно
В своём авто к родной жене.

ХИРУРГ

Посвящается
Анатолию Кузьмичу Мощенко

Он ничем не приметен с виду,
Не заметите броского в нем,
Но в больнице лишь раз увидишь,
Не забудешь всю жизнь потом.

Добрый доктор, с негромким голосом,
Улыбнется – светлеет вокруг,
С светлорусым коротким волосом,
С теплотой покоряющих рук.

Нет, недаром им скальпель вверили,
Наделенным таким волшебством,
Очень нужно, чтоб люди верили,
В то, что станет им легче потом.

Очень нужно, чтоб люди видели,
Что лучится тепло в глазах,
Чтоб в тревожной больничной обители,
Не сжился в их душах страх.

Чтобы видел больной участие
И тревогу в его судьбе.
Добрый доктор, такое счастье
Выпадает на долю тебе.

И больные за то признательны
И любовью полны сердца.
Позови, и придут обязательно,
Чтобы долг искупить до конца.

ГИМН ВЕСНЕ

Ты слышишь, пахнет в воздухе весной,
Хотя вокруг лежат еще сугробы.
И воздух стал, и каждый звук иной,
И, пробуждаясь, ждут ее чащобы.
И живое чувствует, что весна
Теперь уж не за дальними горами.
И ярче солнце, чище синева,
И чище вдруг становимся мы сами.
Чего-то сердце жаждет от весны
Блаженного, желанного, хмельного,
И по утру так сладки стали сны,
И по весне так молоды мы снова.
В полях уже поблескивает наст,
Чтоб солнце шире по земле разлилось,
Мир добрых чувств вновь открывает нас
И Афродита в сердце поселилась.
И сердце слышит в полной тишине,
Как все живое гимн поет весне.
Последний сон досматривают почки
На ветках кленов, тополей, берез
И скоро вновь их клейкие листочки
Нам будут сердце радовать до слез,
И выглянет желто-зеленый ежик
Прогретой вешним солнцем муравы...
Пусть вёсны счет годам моим умножат,
Пусть иней не покинет головы,
Я каждый раз и жду, и буду ждать их

С весенним пеньем озорных ручьев,
В нарядных, словно подвенечных платьях,
С вуалью легкой дымки облаков.
Я им, голубоглазым буду рада
И в песнях не устану воспевать.
Мне в жизни счастья большего не надо,
Чем с радостью их каждый год встречать.

КРЕДО

Не хочу, чтоб зло торжествовало.
Встану поперек его пути
И пока дышать не перестала
Как врагу не дам ему пройти.
Порох есть еще в пороховнице,
Есть еще снаряды и картечь,
И пока не смежены зеницы
Можно ли в бою себя беречь?!
И не ближних, правых защищая,
Посвиста и крика не страшись,
Пусть не для тебя спина чужая,
Коль в руках чужая честь и жизнь.
И не жди призыва о спасенье,
Если сердцем чувствуешь его –
Разве может быть сильнее веленье,
Зов сильнее сердца своего.

УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕК...

Памяти Гали Герасимовой

Ушел из жизни человек,
Прожив совсем короткий век.
Ушел с обидой на людей,
Оставив маленьких детей.
Ушел. Обратно не вернешь,
Обид обратно не возьмешь.
Сумел бы их обратно взять,
Над гробом не пришлось рыдать.

И у детей была бы мать.
Себя не стал бы проклинять
И мать детей - твоя жена –
Была бы снова к вам нежна
Как мало нужно было ей,
Чтоб не лишить тепла детей-
Лишь слово доброе и мир
Во имя тех, кто сердцу мил.
Но не нашел ты добрых слов -
И все закрыто на засов,
Ни слух ее, ни взгляд очей
Не внемлют теплоте речей.
А ты ведь знал, а ты ведь мог,
Чего бы не сумел, сам бог –
Слова те самые найти,
Чтобы беде закрыть пути.
Теперь кружится голова
И есть хорошие слова,
Да только некому сказать –
Ушла она - жена и мать.
А был ведь ты когда-то смел
И приласкать ее умел,
Сумел жениться, в жены взял,
Но одолеть не мог скандал.
И страшен, горек твой урок,
Но жаль, живущим невдомек
Остановиться на ходу,
Чтоб отвратить свою беду.

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

Не вам рассказывать, что в мире
Безбрежней нет сибирской шири,
Богаче края не сыскать
И люди – кедрачам под стать.
Здесь все в размахе океаном
Поля, леса, разливы рек.
Не зря здесь ищет неустанно
Земные клады человек.

И руд несметные запасы,
и нефть,
и уголь,
и гранит,
И драгоценные алмазы
Земля сибирская хранит.
Здесь черный бархат черноземов
Рождает тучные хлеба,
И с первой крупкою поземок
Приходит властная зима.
Она пугает лишь трусливых.
В ней столько свежей белизны
И столько радуг-переливов,
И столько в ней голубизны!
Пускай ядерн мороз январский,
Засевший в инее бровей,
Коль ты рожден с душою жаркой,
Ты будешь только здоровей.
Но коль в душе засела слякоть,
То ей кристаллами не быть.
Тем, кто о неге любит плакать,
В Сибири, нет, таким не жить.
А мы в крещенские морозы
Друзьям на праздник дарим розы,
А там, где есть зимой цветы,
Любые сбудутся мечты.
Пусть говорят: «Сибирь сурова».
Такое слышать нам неново,
Она наш труд взаимы берет
И все старицею вернет.
Я говорить, друзья, кончаю
Итог стихов моих таков -
Заздравный тост я предлагаю
За всех друзей-сибиряков.

* * *

Не мимолетною тоскою
Душа прикована к тебе.
Ведь до тебя подать рукою,

А я одна грущу теперь.

Не первый раз, не первый вечер
Гляжу я в сумрак сквозь окно,
Туда, где след твой снежный ветер
Запорошил уже давно.

А я все жду, как в сказке, чуда-
Вдруг сердца зов услышишь ты,
Вдруг ты появишься оттуда,
Из непроглядной черноты...

А снег все стелется и вьется...
Тебя все нет... Тебя все нет...
И только в сердце остается
Не запорошенный твой след.

ГИМН ЛЮБВИ

Жить без любви – равно, что жить в полмеры-
В полглаза видеть, в полгруди дышать,
В полслуха слышать, верить лишь в полверы
И полдороги в жизни прошагать.

Жизнь без любви – свеченье в полнакала:
И я бы тем завидовать не стала,
Кому вот так сто лет прожить дано –
Ведь жизнь – не то, что вам дано –

- Те дни, что прожиты бесстрастно,
Однообразной ровной чередой,
А те, в которых бьется ежечасно
Родник страстей, могучий и живой.

И он, даруя людям вдохновенье,
Оставил след глубокий на века.
Он обессмертил лучшие творенья,
Что создавала смертного рука,

Пусть учащенно, жарко сердце бьется,
Пусть от накала закипает кровь,
Пусть мыслей рой разгоряченный вьется
И все-таки, да здравствует любовь!

На зло и зависть сплетникам, ханжам,
Что за моралью прячут пустоту
И реплики бросают вслед за каждым,
И всех охотно мажут в черноту.

Им, видящим в любви других крамолу,
Едва ли испытать, ее дано,
Но ведь от комариных их укусов
Любовь не станет мельче все равно.

* * *

Маша-Машенька, Марья Андреевна...
Ах, давно ль это было, давно ль?!
Белорусские села, деревни,
Медсанбаты, людская боль.

Ах, давно ль началась дорога
В облачении белом твоём
И с тех пор ты всю жизнь в тревоге,
Тем священным горишь огнём.

Вспомни, как она началась,
Вспомни, Маша, свой Барнаул...
Лишь заря войны занялася,
Он лицом тебя к ней повернул.

Сколько верст прошагал, проехал,
Разве скажешь о том сейчас!
Было вам совсем не до смеха,
Ты порой не смыкала глаз.

А считала ли ты хоть, сколько
Человеческих душ спасла,
Сколько вынуто было осколков,
Сколько ты ночей не спала,

Сколько сделала тех перевязок
Там, где боги – хирург и ты,
Словно тоненькой ниточкой раций
Наводили вы в жизнь мосты.

Слышишь, вновь позывные жизни
Зазвучали в людских сердцах.
Нет таблеток таких «оптимизма»,
Просто к черту усталость и страх.

Не допела тебе, сестричка,
Слышишь грохот лихой грозы,
Да как стонут: «Сестра, водички...»,
Видишь росы скупой слезы.

Где теперь твой далекий Берлинск,
Казахстанская степь твоя.
Ты не спишь, а лишь тихо дремлешь
Эту память в душе тая.

Нелегко тебе быть солдатом
В твои двадцать с немногим лет.
Медсанбаты, в крови халаты,
На бинтах яркий крови цвет.

Дым пожарищ, тела убитых
И не выживших после ран.
В небе «Юнкерсы», «Мессершмиты»,
У тебя лишь всего наган...

Разве только наган, а сердце,
А желание жить и жить?
Дорогая сестра милосердия,
Ты должна войну победить.

РУКИ ЖЕНЩИНЫ

Не от твоей ли теплоты,
Что в сердце трепетном таишь ты,
Родились первые ручки
И встрепенулась песней птица?

Не от нее ли тает снег
И стала синева бездонней.
И родился ребячий смех
Не от тепла ль твоих ладоней.

* * *

Все же, горе забывая,
Я одно теперь пою,
И влюбленной молодежи
Лишь один совет даю:
Бросьте сладкие вы речи
И жасминовый уют,
Не влюбляйтесь с первой встречи,
Тогда из дома не бегут
Тридцать метров крепдешина,
Пудра, крем, одеколон,
Два бидона с керосином,
Ленинградский патефон,
Белой шерсти полушалок,
Фирмы «Мозера» часы,
Два атласных одеяла
И ...спортивные трусы.

РОМАШКА

Люблю прелестную ромашку
За скромный праздничный наряд,
За чисто-белую рубашку,
За каждый лепесток подряд.
Они как маленькие солнца
В густой зеленой мураве.
И тянет руки к ним притронуться

И приколоть на голове.
И нет чудеснее соседства
Ромашки с синим васильком,
Они зовут нас снова в детство,
В страну, где ходят босиком,
Туда, где пахнет земляникой,
Парным, душистым молоком,
Где пироги едят с черникой
И коронуются венком.

* * *

О, время! Не щадишь ты красоты,
Стираешь все безжалостной рукою,
И юности прекрасные черты,
И все, что взгляд пленяло красотою.
Ты помнишь юной эту вот сосну
И девушкою стройную березу?
Они твою напомнили весну,
Твои мечты, твои былые грезы.
А нынче стала взрослою сосна,
Уже в годах и старится березка,
Хоть, может быть, еще и хороша
Своей особой красотой неброской.
Но нет того задора у нее,
Когда тряхнув зелеными кудрями,
Коль кто-то грубо тронул вдруг ее,
Казалось, обожжет в ответ ветвями.
Ветвями лет ложится на нее
Тяжелый груз, порой сгибая плечи,
И у нее нелегкое житье —
В войну осколок тело покалечил.
И в непогоду кажется она,
Качаясь, стонет будто бы от боли...
На всем следы оставила война —
И на ее, и на девичьей доле.
А этот дом, что в землю врос,
Был молодым, веселым и обжитым...
И он немало бедствий перенес —
Его бока осколками пробиты.

Он щурится от света по весне,
Очки свои на солнце протирая,
Но молодым он помнится лишь мне,
У нас обоих голова седая.
И на лице его морщин не счесть,
Стареет дом, как и его владелец.
К чему же утешительная лесть,
Что мы еще сберечь себя сумели.
Но строят люди новые дома
И прорастают новые березки,
И рядом с нами молодость сама —
Задорные и шумные подростки.
Отдал же человек им красоту,
Чтобы она с годами не скудела,
Свою любовь и страстную мечту,
Отдал им все тепло души и тела.
Поверь, счастливей в жизни нет удела.

ТЫ КАК ВЛАГА...

Ты как влага, что в знойный полуденный час
Пересохшее горло свежит,
Ты как свет и тепло, ты отрада для глаз,
Ты дорога, что к сердцу лежит.
И рука, что ложится ко мне на плечо,
Словно ласковый солнечный луч,
Зажигает в душе тот нетленный огонь,
Что нельзя ни залить, ни задуть.
И как будто в пустыне, где кроме тебя
Нет другого вокрест родника,
Я как будто в пустыне, где кроме тебя
Нет иного вокрест огонька.
Не живительной влаги, которую пью,
Но от жажды сгораю опять.
Нет огня животворней, которым горю.
Только сможешь ли это понять?

* * *

Так мало дней, так много есть желаний,
Торопит жизнь, не время уставать.
Мечты, дела – одно других желанней.
И жажда жизни, жажда познавать.
Пусть не быть героем, и посмертно
Не остаться именам в веках,
Пусть будешь ты обычным самым смертным,
Переживя себя в людских сердцах,
Останься в них хорошим добрым словом,
Своей заботой, сердца теплотой,
Чтоб в трудный час придти на помощь снова,
Когда ты будешь за земной чертой.
Останься добрых рук твоих - твореньем
И мыслью всепокойного ума,
Чтобы подать совет в часы сомненья,
Когда придти не сможешь к нам сама.
Останься песней, радостной улыбкой,
Пожатьем крепких и надежных рук,
Березкой белоствольною иль липкой,
Чтоб не замкнулся смертью жизни круг,
Чтоб стала текла, как в жилах кровь когда-то,
В моторах сердце билось твое,
Смещая смерти настоящей дату,
Земное продолжая бытие.

* * *

Не знаю, для чего пишу...
Но не за тем, чтоб оправдаться.
Я перед жизнью не грешу
И не хочу ни в чем меняться.
Ведь я не идол, человек!
А человек порой так сложен...
И у него короткий век
И оттого - еще дороже.
И мудрено порой понять,
Что значат люди друг для друга.

За нас берется все решать
Осведомленная округа.
На все готов ее указ
И приговор, и осужденье,
И все решается без нас –
Ей безразлично наше мнение,
Ей важен взгляд со стороны,
Что для нее душа чужая.
Они во всем убеждены,
О нас лишь главного не зная.
И человек в плену молвы
Живет едва ль не от рожденья.
О люди! Если б знали вы
В какое впали заблужденье!
Кто дал Вам право попирать
Чужое право на свободу?
Ведь человеку выбирать,
Оно даровано от роду.
И будь Тургенев иль другой,
Но человек себе хозяин,
И волен сам себе любой,
Пусть даже вами презираем.
Жизнь может рассудить без вас,
Кто будет прав, кто ошибется.
И за ошибшихся за нас
Не вам ведь слезы лить придется,
Не вам ушибы растирать,
Не вам вытаскивать занозы
И сердце с кровью отдирать
От полюбившейся зазнобы!
Страшней ошибок – жизнь прожить,
С мечтой не встретившись своею,
Не осветить мгновеньем жизнь,
Чтоб вспоминать благоговая.
И в жизни сладок нам покой
Лишь после битвы и тревоги
И после трудной и большой
На долю выпавшей дороги.
И не кляню я жизнь свою,

С ее подъемами и спуском.
Как должное я признаю
Доставшуюся мне нагрузку.
И не виню других ни в чем
За неудачи и ушибы,
Пусть будет крут любой подъем,
Я все равно скажу – спасибо
За все, что выпало в судьбе.
За ожидания и разлуки,
За легкий шаг в моей ходьбе,
За чьи-то ласковые руки,
За все волнения и мечты,
За все сомнения и заботы,
За все пленявшие красоты...
О, жизнь моя, прекрасна ты!
И не суди меня, дружище,
Со всеми в лад или не в лад,
А для холодного кладбища
Равны - и прав, и виноват.
1970 г.

* * *

Ты приходишь жданно и нежданно,
То в мороз, то в сны, а то в ненастье,
И душа в тревоге постоянно –
Что несешь ты: счастье иль несчастье?
Ты смеешься – я тебе не верю:
Что в улыбке? – Доброта? Насмешка?
Что с тобой сегодня входит в двери?
- Светлый рай иль сущий ад крошечный?
И, признаться, никогда не знаю
В сердце, что твоим от глаз таится?
И тебя напрасно не пытаю,
Жду, когда захочешь сам открыться.
Сколько лет и зим уже минуло,
Сколько вьюг и ливней отшумело...
Вновь к зиме планета повернула,
На душу чуть-чуть похолодило.
Нет, меня не испугали вьюги,

Не от них закрался в душу холод –
Счастлив тот, кто, думая о друге,
Чувствует, что он как прежде молод.
Но мои растаяли надежды,
Сердце к сердцу попусту взывало –
Все осталось так, как было прежде:
Для тебя дороже я не стала.
Да, и любовь – двух бурных рек слиянье
В новую, наполненную силой,
Чтоб в третьей повторить сознание,
Тот огонь, что тек по нашим жилам,
Чтоб вручить кому-то эстафету,
Чтоб из жизни не уйти бесследно.
И сильнее чувства в сердце нету,
Без него богач, как нищий - бедный.
Ты не знаешь, до чего упрямо
Точит сердца женщин слово «мама»,
Нежность, запах маленького тела,
Тот накал доводят до предела,
И мужчина должен понимать –
Женщина – в потенциале мать.

* * *

Как же ты закроешься от жизни?
Как же суть ее перечеркнешь?
Дети все немножечко капризны,
До поры - беспомощны. Ну что ж!
Все, как есть, проходят через детство,
Кто из нас пеленок не мочил?
Жизнь свою, вручая нам в наследство,
Кто хоть раз для нас себя щадил?
Есть ли в жизни что-нибудь дороже,
Чем дитя, для матери его.
Пусть оно с любым оттенком кожи,
Нет дороже в жизни ничего!
Первый поцелуй и первый лепет,
Как признание первое в любви,
Вызывают в ней горячий трепет
И волнение новое в крови.

И для них, курносых и глазастых,
Белокурых, русых и иных,
Хочется счастливым сделать завтра,
Счастье в жизни раздобыть для них.
Мать себя когда хоть раз щадила,
Если вдруг ребенок заболел,
И куска когда не разделила,
Если ты свое давно уж съел?
Все сполна отдаст она ребенку,
Если надо, жизнь свою отдаст.
...Были все когда-то мы в пеленках,
Кто ж пеленок не мочил из нас?

.

ПИСЬМА

Не люблю я письма тощие,
Что наспех пишут мне знакомые!
Писать открытки много проще,
Но отдают они оскоминой.
Они – блюстители приличия,
Порой по форме очень правильны,
Что до меня, скажу, что лично я
Не принимаю их за правило.
Слова в них – самые избитые,
Из года в год не изменяются.
На трех строках друзья-знакомые
В своих щедротах изощряются.
И если б даты календарные -
Они, быть может, извинительны, -
То в дни иные благодарна я
Сердечным письмам и вестительным.
В которых ритмы жизни чувствуешь
На самом дальнем расстоянии,
Как будто у друзей присутствуешь
В кругу домашнем, на собрании.
Как будто, споря о прочитанном,
До истин вместе добираешься,
И можешь на друзей рассчитывать,
Когда в их помощи нуждаешься.

И эти письма, пусть нечастые
Своим теплом мне сердце радуют,
И каждое сочту за счастье я
И на друзей не подосаую.

СПАСИБО, ЖИЗНЬ

Спасибо, жизнь моя, тебе
За то, что я в своей судьбе
Узнала радость и печаль;
Что утро снова манит в даль,
Что дел всегда не перечесть;
За то, что было, то, что есть;
За землю, небо и цветы,
За сокровенные мечты,
За недокучливых друзей,
За добрых искренних людей,
Которых встретила в пути,
С кем в ногу я могу идти;
За то, что тьму сменяет день,
За то, что враг – тупая лень
Меня не в силах одолеть;
За то, что все хочу уметь,
Хочу увидеть и узнать,
Все пережить и испытать;
За то, что года времена,
Зима и осень, и весна,
И лето жаркое в цвету,
Вошли в желанную мечту;
И первый лист, и первый цвет,
И плуга в поле первый след,
И первый снег, и первый дождь
На первый поцелуй похож.
За счастье верить и любить,
За счастье доброе творить
И ненавидеть эгоизм –
За все тебе спасибо, жизнь!

Час назад держала я выпускной экзамен
И пекла свои стихи вместе с пирогами,
И сама не поняла, ты скажи мне, Коля,
В пирогах или в стихах не хватает соли?

Кто знает наперед, что будет завтра -
Разлука? Встреча? Мир или война?
Порою обрывается внезапно
Еще звучащая в ушах струна.

И наша жизнь, как снег на солнце тает.
И забывать об этом не дано,
Что счетчик дни безжалостно считает,
И лишь делам нас пережить дано.

Не верю, что привыкнуть к смерти можно.
Ей можно смело лишь глядеть в глаза.
Смерть одного становится ничтожной,
Во имя тех, кого предать нельзя.

Нередко люди, жертвуя собою,
Спасают человеческую жизнь
И закрывают смерти путь собою.
И ты, живой, им низко поклонись.

Ты принял от погибших эстафету
И ими не свершенные дела,
И ты не должен забывать про это,
Какой бы трудной ноша не была.

Пусть жизнь твоя тому порукой будет,
Пусть кровь погибших застучит в висках,
Изгонит мысли о себе и страх,
Коль за спиной твоей живые люди.

Совсем не нужно быть богатырем,
Чтоб жил в душе высокий дух могучий,
Была бы совесть нам поводом,
А проявиться ей найдется случай.

ФОНАРИК

Был неразлучный у меня дружок –
Фонарь карманный, маленький жучок,
Пусть он давал не очень яркий свет,
Но он уже светил мне много лет.
В осенней непролазной мокрой мгле,
Когда ногами ты прилип к земле,
Когда не знаешь, ты куда ступить, -
Он помогал дорогу находить.
И зимнею заснеженной порой
Мой друг-фонарик был всегда со мной
И шла моя уверенно нога,
Не увязая в рыхлые снега.
И по весне, когда вода поет,
И солнце разъедает снег и лед,
И всюду звучно чавкает земля
Мой друг, как прежде, выручал меня.
И скор, и легок был мой шаг,
Когда «жучок» горел в моих руках.
А он жужжал из всех «жучиных» сил
И он всегда дорогу находил.
Привыкла я как к другу к фонарю,
Но я его теперь тебе дарю,
Пусть будет этот маленький «жучок»
Путеводителем твоих дорог.
Дорога и длинна, и нелегка,
Когда идешь по ней без огонька.

ОГОНЁК

Давно погас последний свет зари.
На улицах зажглись фонари
И огоньки рассыпались впотьмах,
Как звезды на полночных небесах.
И в окнах зажигаются огни,
И с каждым часом множатся они,
Мигая и выстраиваясь в ряд,
Все ярче, все призывнее горят.

И человек уже не одинок,
Когда спешит в ночи на огонек,
Хотя вокруг свирепствует пурга,
Хотя с пути сбивается нога.
Как нужен людям этот огонек,
Чтоб не сбиваться в темноте с дорог,
Чтобы в любую лютую метель
Ни страх, ни мрак не заслонили цель..
И в людях тоже дорог огонек,
Чтоб он в минуту трудную помог
Тому, кто очутился вдруг в беде,
Тому, кто разуверился в себе.
Люблю огни, горящие во тьме,
И тех людей, они роднее мне,
Пусть даже с ними не знаком,
Кто светится хорошим огоньком.
А я иду вслепую без дорог
Мне некуда спешить на огонек.
А было то заветное окно,
В котором свет погас давным-давно.

ГОЛУБОЕ

Признаюсь перед собою,
Что люблю все голубое:
Синь снегов и неба просинь
В золотую чудо-осень,
Синь морей, лесные дали
В синеве густой вуали,
Незабудки голубые
Как глаза моей России,
Платье синее в горошек,
Василек в соседстве с рожью,
Синеву рассветов зимних
И костров далеких дымных.
Что же делать мне с собою,
Раз люблю все голубое,
Если вся моя планета
В платье синее одета.

* * *

Ни солнца, ни красок,
Ни звезд, ни луны,
Одни лишь столбы
Верстовые видны,
Да мутное небо,
Да серость дерев,
Да зимнего ветра
Тоскливый напев.
Уснула природа
Под грустную песнь.
Но скоро ей воды
Зашепчут: «Воскреснь!»
И птицы засвищут
Весенний напев,
И лопнут от радости
Почки дерев.
И дымом зеленым
Окутает даль
И сгинет бесследно
Пуховая шаль,
И утром на зорьке,
Крылатый гонец,
Весну возвестит
Прилетевший скворец.
10.01.1971г.

* * *

С тобой мы на зорьке расстались,
Едва заалел небосвод,
Но как удивительно долго
До вечера время идет.
Как медленно движутся стрелки,
И если б спросил кто меня
Сказала б, что целая вечность
Прошла со вчерашнего дня.

* * *

Посвящаю Е.П.

Ты обижаться на меня не вправе –
Я не могу порог переступить,
Который ты в душе моей оставил,
Поправ моей любви живую нить.

И знаю я, что ты не безразличен,
И слышу я твой голос в тишине...
Он до сих пор для слуха необычен,
Он до сих пор тревожит сердце мне.

Но где-то в сердце жив еще осколок
И где-то боль давнишняя жива –
Такая боль не утихает скоро
Лишь притаится как зимой трава.

И нужно быть настолько осторожным,
Чтоб боль с осколком вместе удалить,
Чтоб сделать вновь желанное возможным,
Чтоб вновь связать надорванную нить.

Найти слова, каким нельзя не верить,
Тепло найти, чтоб весь растаял лед.
Я пред тобой не стану лицемерить,
Что я не верю в это наперед.

ЗАБОТА

Как хорошо, что есть забота –
Повелевающий приказ.
Отбросить слово неохота
И не смежать до срока глаз,
И утром вместе с одеялом
С себя, снимая лени плен,
Забыв вчерашнюю усталость,
Не знать покоя целый день.
Как хорошо, что рук творенья,
Плоды пытливого ума
Дарят нам радость вдохновенья
И поднимают как волна.

И если ты помог кому-то,
Других чему-то научил,
И если ты хотя б минуту
Участье людям подарил,
То не напрасно день твой прожит –
Ведь в том, что людям помогло,
Ты сам себе признаться можешь,
Есть и твоей души тепло.
И хорошо, придя с работы
Под мирный и надежный кров,
Не зная покоя от заботы,
И утром к ним вернуться вновь.
И пусть заботами земными
Жизнь как сума начинена –
Мы что-то значим только с ними,
А без забот нам грош цена.

* * *

Можно много стран исколесить,
Обойти пешком краев немало,
Если ты боишься загрустить,
Словно челн у своего причала.

Есть в боренье прелесть и в пути,
В открываньи нового земного,
Но, успев пятьсот дорог пройти,
Человек к теплу стремится снова.

Хорошо, что где-то есть причал,
Спорить с ветром без нужды негоже.
Чтобы сил ты зря не расточал,
У тебя причал быть должен тоже.

СЛЫШИШЬ...

Слышишь, звучит
Песни мотив?
В сонной тиши
К звездам летит
Льется...

Слышишь, в груди
Сердце стучит
Словно волна
В крепкий гранит
Бьется?...

Слышишь, вдали
Поступь шагов,
Это весна
В гости спешит
Снова.

Сердце зажглось
Жаждой любви.
Пламя в крови
Высекло
Слово.

Шепот ветвей,
Запах с полей,
Шорох травы,
Вздых синевы
Слышен.

Белым стал сад,
Как в снегопад
Хлопья летят
С яблонь
И вишен.

Счастьем маня,
Песней звеня,
В зелени трав
Водит меня
Лето.

Юность моя,
Слышишь меня?
Где ты теперь?
Где ты теперь?
Где ты?

На елке смолистой, под жестким покровом
Созрело то семя, чтоб вырасти снова
Зеленой смолистой красавицей елкой,
В густых и пушистых пахучих иголках.

И семя унес на крыле своем ветер,
Чтоб новую жизнь зародить на планете.
И вспыхнула жизнь. И, за землю цепляясь,
Росла эта елочка, вверх поднимаясь.

Как всех несмышленных, зимою сначала
Метель ее шубой своей укрывала.
Потом подросла, чуть выносливей стала
И зиму в платке лишь под ветром стояла.

И все пересилив – и ветры, и вьюги,
Затмила красой всех подружек в округе,
Уж так-то пышна она, так-то кудрява,
Что лучше ее не сыщется, право.

И лето от лета она хорошела.
Вот если бы мать на нее поглядела!...
С какой бы любовью простерла к ней руки,
И ждала б, когда же появятся внуки?

Как радостно было той елочке милой,
Когда ей весеннее солнце светило,
И пели весенние песни на ветках
Веселые птицы, а осенью детки.

И солнышком щедрым любовно согрета,
Ждала она с радостью каждого лета,
И в сон, погружаясь, надеялась верно,
Что нового лета дождет. Непременно.

А вышло не так. А случилось иначе...
Весною пенек лишь смолою заплачет –

Ударил топор, что в руке был жестокой
И юная жизнь оборвалась до срока...

И ветер уже не шумит ее кроной,
И больше не быть ей нарядно-зеленой,
Не слышать ей больше весенних мелодий,
В зеленом уже не шуметь хороводе.

И больше собой не пленять уже взгляда –
За всю красоту ей одна лишь награда –
Ронять свои иглы в углу помещенья
И быть на пиру для гостей утешеньем.

Нарядят ее неживую в игрушки
И будет поминками чья-то пирушка.
А елочки те, что красою не блещут,
Весною опять на ветру затрепещут.

Но праздник прошел, наземь брошены елки,
На снег осыпает сухие иголки
И ветром колючим прибита к забору,
И стала безмолвным тяжелым укором.

О, люди! За что к красоте вы жестоки
И елку лишаете жизни до срока,
Ужель на земле красоте нет и места,
Что мертвою елочка стала невестой?

Не дорого ль стоит для взора услада?
Земную красу обворовывать надо ль?
Не лучше ль живую украсить нарядом
За ту красоту за живую в награду?

И сколько бы глаз восхищенно глядело,
И елкам счастливей не надо удела.

* * *

Не приходишь? Ну и что ж, не надо.
Я и это выдюжить могу.

Будет по делам твоим и плата,
Не останусь у тебя в долгу.

Не из тех, что быстро забывают,
Не из тех, что не умеют ждать.
Верю - в жизни всякое бывает.
Не поверю, если будешь лгать.

И любви навязывать не стану,
За тобой руки не протяну.
Если надо, ждать не перестану,
Если нет – при встрече не взгляну.

Не хочу ничьей быть утехой,
Коль в душе ни света, ни огня.
Но не буду никому помехой,
Если смогут жить и без меня.

* * *

Встречала в жизни я людей,
Что навсегда запомнились,
Встречала и таких людей,
О ком потом не вспомнила.

Одни, пожатием руки,
К себе привяжут накрепко.
С другими сохнешь от тоски –
Убьют всю радость намертво.

Есть же, что искренни до слез,
Радужны – дальше некуда.
Их сердце светится насквозь
И слово – лучше лекаря.

Такой последнее отдаст,
Рублем последним делится,
И так уверить может вас
На лучшее надеяться.

Что вы поверите в себя,
Поверите в хорошее,
Как будто заново любя,
Все то, что запорошено.

Другие верят не вполне
Чужой беде и радости.
Они, как лодка на волне,
Способны делать пакости.

Свой хлеб и соль с другими врозь
Они едят украдкою,
Чтобы делиться не пришлось.
Живу всю жизнь с оглядкою.

Такой, не думая, предаст,
Утопит без стеснения,
Кусок последний не отдаст,
Скорей возьмет последнее.

За шкуру так свою дрожит,
Как пескари премудрые.
И сам собой лишь дорожит,
Своей моралью нудною,

Они за каждый циркуляр
Всегда готовы прятаться,
На все им нужен формуляр...

.....
Простил бы тысячу грехов
Всем тем, кто ошибается,
И тем другим помочь готов,
Кто для людей старается,

Всем тем, кто верует в добро,
Душой, как солнцем делится.
А тем трусливым – клал тавро:
На них нельзя надеяться.

ТЫ ГОВОРИШЬ...

Ты говоришь, что скоро вновь весна...
На старом тополе вновь почки набухают.
Но счастья мне не принесет она,
Бог знает, где оно витает.
В усталой и мятущейся душе
Весенний воздух будоражат соки.
И хоть весною снова двадцать мне,
Увы! Не светит мне кумир далекий,
Мне не дано вдвоем встречать зарю,
Ловить лучи с улыбкою блаженной,
Хоть по весне я вновь любовь пою,
Но я одна, одна во всей вселенной.
И это пробуждение земли
Хоть будоражит, не приносит счастья –
Жизнь вновь своей весны не повторит.
Я не хочу взамен любви – участия.
В упрямом сердце боль и пустота.
Союза без любви оно не ищет.
Все без нее лишь тлен и суета.
Мир, полный солнца, - без любви – кладбище.

ПОЗЫВНЫЕ

Бегут по рельсам поезда
По всей стране огромной,
В их грузах уголь, нефть, руда
И с рыбою вагоны,
Все то, что нужно для людей,
Для их труда и жизни.
Бегут по рельсам поезда
Во все края Отчизны,
И множат, множат без конца
На тонны километры.
Стучат колеса, как сердца,
Бегут вдогонку ветры.
И останавливают бег
Зеленые вагоны,

Чтоб ехал с ними человек,
Стоящий на перроне.
И вместе с грохотом колес,
Во все концы России,
Весны несет электровоз
Привет и позывные.
И льются эхом по полям
Тех позывных раскаты:
«Привет полям, лесам, лугам.
Встречай весну, ребята!»
29.01.1971 г.

ОКСАНКА - РУЧЕЁК

Как звонкий маленький ручей
Оксанка говорлива.
И солнце брызжет из речей,
Как в вешних переливах.
Не усидеть на месте ей –
Ей все б бежать вприпрыжку.
Она, как маленький ручей,
Такая ж шалунишка.
Преград не ставьте на пути –
Не удержать, минует:
Ручью, попробуй, запрети,
Находчивость такую!
В ней солнца зайчиков не счесть.
Звонка Оксанка очень.
И только в сумраке ночей
Смолкает ручеечек.
29.01.1971 г.

* * *

Не ищи причин для ссор, не надо,
Я люблю тебя, но не держу,
И не нужно бурных сцен разлада –
Я для этой роли не гожусь.
А уйду без крика и без брани

Никого в обидах не кляня.
Ты свободен, знай это заранее:
Дальняя - не кровная родня.
Только помни заповедь простую:
Если рвать родство, то до конца.
Чистую доверчивость святую
Обретают только раз сердца.

* * *

Запомни надолго, товарищ,
Чтоб вновь о том не повторять:
Когда ты словом сердце ранишь,
Не нужно на других пенять.
Оно сожмется как от боли
И все запоры на замок,
И чувствам лучшим нет уж воли,
Все в горький спутано комок.
Все страшным холодом объято.

* * *

Как бы ни было больно,
Ты уйдешь добровольно.
Стисну зубы до боли –
Ты, как птица на воле.
Я ведь тоже не ветка,
И тебе я – не клетка –
Улетай, если душно,
Одуванчик воздушный!
Улетай, если тесно,
Если не интересно,
Если холодно рядом,
Если холоден взглядом.
Как бы ни было трудно,
Я стерплю свои будни.
Как бы ветры ни злились,
Им не сдамся на милость.
Если тяжело придется,
Если сердце зайдется,
Даже если устану,

Звать обратно не стану.
Будь со мною что будет...
Может кто-то полюбит,
Может счастье и встречу.
Ты не думай, мой милый,
Что лишишь меня сил.
И не вечен же ветер,
Не один ты на свете.

1971 г.

* * *

Наверное, все мы такие похожие,
Хоть в разных деталях, возможно, несхожие,
Девчонки с характером очень упрямым,
Что жаждут увидеть все самым лишь самым...
С любовью они не хотят торопиться.
Сердца их – как вольные сильные птицы –
Им нужен простор, а не тесная клетка,
И дуб великан, а не хилая ветка.
Пожатые руки их надежно и крепко.
Их слово порой резковато, но метко.
Они независимы и непреклонны,
Сердцами нежнее Сикстинской мадонны.
Ни время, ни горе сердца их не студит.
Они не боятся, что кто-то осудит.
В ошибках и чувствах не струсят признаться
И в девах они не боятся остаться.
А все потому, что не терпят размена
И знают любви настоящую цену.
Таких не сгибает, а давит измена,
У них не в привычках в любви перемена-
Уж если любить – до конца, без оглядки,
Душой не петляя, не прятаясь в прятки;
Любить не удобства, а сердцу созвучье,
Чтоб было в душе все и светлым и звучным,
Чтоб каждый твой шаг находил понимание,
Чтоб не было нужным ему оправданье,
Чтоб было такое большое доверье

Надежною самой и плотною дверью.
Такие – любовь признают лишь на равных.
И мужество, честность, считают в ней главным.
Уж если дарят они чувство большое –
Вы в этой любви не ищите покоя.
Они в ней мгновение каждое ценят
И сами ему ни за что не изменяют,
С такими любая осилится трудность,
Нытье не в характере, так же как нудность.
А если споткнетесь, любовь предадите,
То слов оправданья себе не ищите.
И в горе своем быть достойной сумеет,
Не бросится вам со слезами на шею.
Пусть червь вашей совести сердце вам гложет
Она вам уйти без скандала поможет,
Чтоб чувство не унижить скандалом,
Горевшее самым высоким накалом.
Не даром вбирала она, словно губка,
Слова, выраженья, смех ваш и шутки,
И ночью, когда вам спалось безмятежно,
Глядела на вас и влюбленно, и нежно.
Забвенью она не придаст то, что было,
Волною измены те чувства не смыло –
Не вычеркнешь то, чем жило твое сердце.
Такому – в себе ли, других ли – не верьте!
Но тем и сильна она, тем и красива,
Что помнить хорошее, надобна сила,
Не меньшая, чем вам в ошибках признаться,
Чтоб зло над добром не могло возвышаться.
Любовь сохранит она в сердце такую,
Как будто ее ты и нынче достоин.
Для тех, кто любить не умеет иначе,
И жизнь, и мгновение многое значат.

* * *

Слов нет. К чему слова, когда не верят?
Они молчат. А сердцу тяжело.
Я не из тех, что лгут и лицемерят.
Не обращаю доверия во зло.

Мне не хотелось докучать, но все же,
Я не могу не написать.
Любое откровение дороже
Желания спокойно умолчать.
Не все ведь в жизни познается сразу.
Не все слова мы произносим вслух,
И что в душе – не все доступно глазу
Не вдруг поймешь, кто враг тебе, кто друг.
О, нет! Врага в тебе не открываю,
Но человека нелегко поймешь.
Я столько раз в словах людей встречаю
Елейную, ласкающую ложь.
Но открывалось это все не сразу,
Порой воды немало утечет,
Пока душа по каплям, раз от разу
Всю эту мерзость вместе соберет.
И вот тогда глядишь, себе не веря, -
Да где же раньше голова была?
Каким словам обидно-лживым верил!
Но разве есть запрет на те слова?
Прошу простить за это отступление,
Вернусь к тому, с чего я начала.
Я знаю, что любовь – не преступление,
И не сегодня это поняла.
И знаю, что насильно мил не будешь –
Кто мог бы нам любовь вдруг навязать?
Такой любовью разве счастлив будешь?
О том могла б история сказать.
Но есть ведь столько на земле примеров
Во все ее века и времена,
Когда любовь спасало чувство веры,
Хотя она была обречена.
Когда впадали люди в заблужденье,
Ища иной любви, иных сердец,
И приходило горькое прозренье,
Что сам себя обворовал гордец.
С тобою нам уже не по семнадцать,
Попробуй же осмыслить и понять –
Смогла бы я над чувством посмеяться?

Смогла бы душу я твою предать?
Молчала я... Но ведь порой молчанье
Хранит в себе все лучшие слова.
Я говорю совсем не в оправданье.
Подумай – и поймешь, что я права.
И если нелегко тебе сказать их –
Они еще весомее тогда,
Ведь слезы, если людям показать их,
Всего лишь чуть соленая вода.
Не думала, что так тебя обижу,
Но верила, что я тебе нужна.
И по тебе, и по себе я вижу,
Была б тебе я добрая жена.
Я не хвалю себя.
Не ошибаюсь.
Сказать слова мне эти нелегко –
Как будто я в грехе смертельном каюсь.
Мне очень жаль, что ты так далеко.
Ничто не станет для меня привычкой –
Такой уж я, как видно, человек.
Не просто в жизни подобрать отмычку
К тому, чтоб в счастье пребывать весь век.
Еще меня одна беда тревожит,
Которую тебе трудней понять:
Смириться сердце с тем никак не может,
Что Наде ты найдешь другую мать...
Глаза туманит влажная завеса
(Прости за откровение мое!),
Но если б мать сейчас могла воскреснуть,
Сама бы мне доверила ее.
Она бы не случайно так решила,
Я в этом глубоко убеждена –
Известно ей, какая сила любви
В душе моей заключена.
Боюсь, ты не поймешь моей молитвы
За это дорогое существо...
Ты знаешь, словно я на поле битвы,
Где жизни защищаю естество.
Я откровенней писем не писала.

Таких еще не отправляла, нет.
Не Надя ли моей любви начало,
Ее тревоги, радости и свет?
Я не знаю, кто из вас дороже.
Пусть не в пеленках это существо,
Оно меня и тянет, и тревожит,
И вижу в нем душе своей родство.
Не знаю я, поймешь ли чувство это,
Поверишь ли ему ты до конца,
Но я ждала, когда Надюша «вето»
Сама решится снять с души отца.
Ты мог понять, с каким благоговеньем
В тот вечер говорила про нее.
Во мне достало б выдержки, терпенья,
Чтобы ничем не оскорбить ее;
Чтоб поддержать все добрые начала
И к матери посмертную любовь.
И верю в то, что дружбу я б снискала
И явь была добрее всяких снов.
Но у меня, как утро перед казнью...
Как будто мне подписан приговор.
А новый день желаньем жизни дразнит
И смотрит сердцу пистолет в упор.
Лишь спуск курка – и больше нет биенья...
Нет света солнца... и желаний нет...
И я гляжу в последний раз в оконце
И вижу обжигающий рассвет...
Не отдавай другим мою Надежду,
Мое желанье, Веру и Любовь!
Взгляни на сердце – нет на нем одежды...
В нем не вода пульсирует, а кровь.

* * *

Думала - развеется, забудется.
Думала - сама себе прощу.
Не гадала – сбудется ль, не сбудется...
Отчего ж сегодня я грущу?
Отчего простить себе не в силах
Вечера прошедшего того?

Будто бы себя приговорила
Тихой грустью взгляда твоего.
Знаю, мы по возрасту не дети –
Инеем присыпаны виски.
Только ведь еще никто на свете
Не избегнул жгучей той тоски.
Не казни молчанием суровым,
Попытайся истину понять:
Лучше повторить тот вечер снова,
Чем в снегах февральских потерять.

* * *

Прости, что сегодня не будет стихов –
Что ж делать, коль время такое!?
Но помни, что нрав мой не столь уж суров
И нет в моем сердце застоя.
Я слышу: Земля миновала рубеж
И бег свой к Весне устремляет –
К поре вдохновенных и дерзких надежд,
К поре, когда все окрыляет:
И первая щедрая россыпь лучей,
И струны поющие всюду,
И в сердце звенящая громко капель,
Творящая сущее чудо.
Ручей через сердце твое пробежал,
И тают последние льдинки.
Румяный Апрель на коне проскакал,
Смотри – обозначил тропинки!
Ах, сколько сегодня зеркал на земле,
И в каждое солнце глядится.
Хмель в воздухе бродит, как пиво в тепле,
И дома теперь не сидится.
Чирикает сердце, как тот воробей,
Что в лужу блаженно ныряет...
А небо все ярче и все голубей,
А солнце все жарче пылает.
И вот уже май за апрелем-гонцом
Спешит к нам в убранстве зеленом
Таким озорным и зеленым юнцом,

Таким до безумства влюбленным.
И путает время, смещая года,
И делает вновь молодыми
И тех, у кого отросла борода
И волосы стали седыми.
Ах, май-озорник, в честь тебя на Земле
Все почки стреляют из пушек,
И песни слагают в ночной тишине,
И сон безмятежный нарушен.
Тебе, непоседа, и цвет медуниц,
И кружево белых черемух,
И первые молнии чьих-то ресниц,
И первые гулкие громы,
Подснежников иней и ландышей цвет,
И все ароматы Земные,
Затерянный в полночи сдвоенный след
В просторах отчизны – России.
Веселое время людских перемен -
Дань сердца тебе посвящаю,
Желая как можно поменьше измен,
И только лишь тех, что прощают.

* * *

Соседку спросишь: «Как дела?»
Та скажет: «Дочка родила!»
Какой внушительный ответ! –
Давно ль ей было десять лет!?
О, боже, как бегут года! –
Как быстротечная вода,
Как тот весенний ручеек –
Возник и вдруг ушел в поток.
А мы все те же меж собой,
Все так же молоды душой –
Нам все еще за тридцать лет,
Нам также ярок вешний цвет
И невдомек, им молодым,
Мы нравиться еще хотим,
Смеяться, петь и в блике дня
Светиться яркостью огня;

Хотим, чтоб все нам шло к лицу,
Как дочкам, что идут к венцу.
О, сердце женское, гори,
Чтоб ты светилося изнутри,
Пылай, как в юные года,
Гори-сияй моя звезда.
Пусть младость не увидишь ты,
Минувшей юности черты,
Но ты нам на слово поверь –
Не закрывает юность дверь.
Пусть нам за пятьдесят уже -
Она живет у нас в душе.
И в каждой жив душе кумир -
На том стоит извечно мир.

* * *

Уставший от дневных дорог
Прилег под куст бродяга-ветер.
Ступает сон через порог,
А лунный лик и чист, и светел.
Редеют в окнах огоньки.
Стихает говор человеческий.
А мне не спится от тоски,
От грубости щемящей речи.
Ужель обидою других
Свое ты сердце услаждаешь,
Не веря верности других,
Святое в жизни забываешь.
Колодец чист, не плюй в него!
Ведь может всякое случиться,
Тебя, быть может, самого
Судьба пошлет к нему напиться.
Хочу, чтоб были настоящими
Дела, и чувства, и слова,
Высоким помыслом горящими,
В грядущий день меня манящими,
В рассвет, занявшийся едва.
Хочу любви самозабвения,
В труде о времени забыть,

И дум своих хочу свершения,
И каждый миг с тобою быть.
Хочу в сердцах посеять доброе,
Улыбки к жизни пробуждать,
В час испытаний волей твердою
И боль, и слабость побеждать.
Хочу, чтоб бедами и радостью
Делились люди как друзья.

* * *

Качает ветер на волне
Уснувшую звезду.
И стало холодно луне –
Дрожит в ночном пруду.
Роняет тополь, как слезу,
Последний, желтый лист.
Утратил лес свою красу –
Стал гол, и тих, и чист.
Осин багрянец догорел,
И шум в полях умолк,
И завершили трактора
Святой не легкий долг.

* * *

Я не знаю сама,
Почему, отчего
Не желала б я в жизни
Теперь ничего,
Кроме этих вот губ,
Кроме этих вот рук,
Кроме этих томительных мук.
Мне заботы мои
Не согнули бы плеч,
Губ и сердца тепло
Я сумела б сберечь,
Только ты сохрани
Чистоту наших чувств –
Без нее мир покажется пуст.
Нет, вставала заря

В это утро не зря
И в окошко мне солнце
Светило не зря.
Пели песни ручьи,
Пели песни скворцы
И звенели в душе бубенцы.
Словно кто-то волшебный
Мне миг подарил,
Словно кто-то надежным
Крылом окрылил.
Поднял в высь, в синеву,
Прямо к солнцу понес,
Через россыпь предутренних звезд.
То ли было во сне,
Толь пригрезилось мне...
И легко, и тревожно
В ночной тишине.
Где же руки твои,
Где же губы твои?
Почему не поют соловьи?
Где же ты? Где же ты?
Отзовись! Отзовись!
Вновь, как добрый волшебник,
Из сказки явись.
Слишком мало нам счастья
С тобою дано,
Но оно не умрет все равно.
Что же, что ж ты наделал,
Проказник-апрель!?
По бумаге с ресниц
Зазвенела капель...
Сбереги, сохрани
Чистоту наших чувств,
Без нее мир покажется пуст.

НАШИ ГОДЫ

Если б я была царица,
На приказы мастерица,
Моя первая мечта –
Отменила б паспорта.
Не считайте годы, люди,
Больше возраста не будет,
Не пеняйте на года,
Будьте молоды всегда.
А еще б другое дело
Я б исполнить повелела,
Запретила б зеркала
И счастливою была б.
Чтобы женщины, мужчины,
Не журились на морщины,
Чтобы свой короткий век,
Жил счастливо человек.
Спрячу зеркало подальше,
Коль приказов не строчу,
В нем скопилось столько фальши,
Ему верить не хочу!

Головин Владимир Андреевич

(1919-2002), доктор сельскохозяйственных наук, почётный профессор КрасГАУ

Родился 27 октября 1919 г. в с. Шейн-Майдан Атяшевского района, Мордовской АССР. В 1953 г. окончил зоотехнический факультет Молотовского (ныне Пермского) сельскохозяйственного института имени Д.Н. Прянишникова. В 1956 г. окончил аспирантуру по кафедре частной зоотехнии в том же вузе, с 1957 г. – к.с.х.н., с 1977 г. – д.с.х.н.

Работал в КСХИ с 1956 г.: старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедры разведения животных и генетики.

С 1971 г. – старший научный сотрудник, заведующий отделом скотоводства Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства (КНИИСХ). С 1972 г. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук (НИИСХ) в Солянке Красноярского края, заведующий кафедрой кормления сельскохозяйственных животных и председатель ГЭКа в Рыбинском сельхозтехникуме. С 1976 г. – заведующий кафедрой разведения животных КСХИ. С 1978 г. – снова заведующий отделом скотоводства КНИИСХ. С 1981 по 1983 г. – заведующий лабораторией скотоводства Красноярского отдела СибНИИТИЖа.

Основные научные направления: исследование особенностей и улучшения симментализированного скота Красноярского края, чёрно-пёстрого скота Красноярского края, красного степного скота. Им опубликовано по скотоводству около 90 научных работ, 19 статей в журналах, 9 брошюр.

Награждён: значком «Отличник социалистического сельского хозяйства» и медалями: «За доблестный труд», «Ветеран труда», «Красная Звезда», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией», «Жукова», знаком «Фронтовик». Занимался общественной деятельностью, был членом научно-технического общества, общества охраны природы, Совета депутатов исполкома Центрального района города Красноярска.

Прекрасно рисовал. Им создано около 500 живописных и графических работ, иллюстрировал Астафьева, Черкасова, Чмыхало, Богдановича и других авторов. Писал рассказы, повести («Бурелом», «У Синей реки», «Гир – сын Агу»). Стихов написано много о себе, о природе, о разных людях, событиях. Очень любил писать книжки в стихах для детей, сам их иллюстрировал.

Я - РУССКИЙ

Пусть упрекнут, что старомоден,
Что с нашим веком не в ладу,
Мол, наш народ многонароден,
Как клумба в холеном саду.
Не признаю канонов плена!
Горжусь рождением, жизнью всей,
Что от десятого колена
Я русский до мозга костей.
Я русский, русич, россиянин,
Потомок исконных славян,
Что Русь веками отстояли
Обильной кровью свежих ран.
О них, о россиянах, слава
Дошла до нас из тех глубин,
Когда Олега, Святослава,
Славянских лапотных дружин
Страшились половцы, хазары,
Страшился алчный Цареград...
В огне междоусобной свары
Встает Москва, как стольный град.
Москва, поднявшись на холмах
В глуши, на берегах Неглинной,
Снискала уважение и страх
И мужеством, и стойкостью былинной.
Каких нашествий не видали

Москва и Русь! Каких племен!
В каких пожарах не пылали!
Кто шёл с мечом, мечом сражён.
Ища защиты и свободы
От иноземной кабалы,
Стекались малые народы
Под щит России, щит Москвы.
И в нашем братстве многоликом
По праву старший русский брат.
Он кровью, мудростью великой
То право окупил стократ.
Его душа нарастопашку.
Он ради братьев всей страны
Снимал последнюю рубашку,
Теперь снимает и штаны.
Неурожаи, недороды
Или ещё какое зло –
Живёт он плоше всех народов,
Что принял под своё крыло.
Я без натяжки, без натруски
Судьбою русской награждён,
Ведь далеко не всякий русский,
Кто русской матерью рождён.
Я не кривил душой и честью
Ни ради почестей, ни благ
И шёл на смерть со всеми вместе,
Когда пришёл в Россию враг.
Я русский, чем горжусь спокойно.
Не широко, не броско жил.
И оттого, что жил достойно,
Имел не всё, что заслужил.

Я ПО НОЧАМ ТЕПЕРЬ МОЛЮСЬ

Что поколения до нас
Святого в душах накопили,
Резней огульной – класс на класс –
В кровавых реках утопили.
Разворошен угар страстей,
Дремавших от палеолита,

Во имя бредовых идей
Параноической элиты.
В разгуле стали и свинца
Все попрано, что было свято.
Сын поднял руку на отца,
А кровный брат – на брата.
В стране, возросшей на крови
И межусобном буреломе,
Нет сострадания, нет любви
И нет согласия в каждом доме.
А над Россией снова тучи,
Едва огарочек свечи
Потушит мимолетный случай –
Засвищут пули и мечи.
А что потом? Подумать страшно!
И, разрушая и губя,
В междоусобной рукопашной
Мы сами истребим себя.
Я никогда не верил в бога,
Но за тебя, святая Русь,
У грани страшного порога
Я по ночам теперь молюсь.
Чтобы помог, в ночи холодной
Надежды свет не угасил.
Чтобы у нищей и голодной
Хватило у России сил.
Чтобы нашла она тропинку.
Прошла, не обнажив меча,
И крови малую росинку
Не пролила бы сгоряча.

ПОПРОЩАЮСЬ ПОЯСНЫМ ПОКЛОНОМ

Жаль, пока поехать не могу –
Немочь одолела ветерана.
Но клянусь, в саянскую тайгу
Как-нибудь приеду рано-рано.
На груди рубаху распахну
Я сисимской свежести навстречу,
Загляжусь в прозрачную волну,

Забреду в березовые свечи.
Под знакомым кедром постою –
Не забыл меня еще, быть может,
И приветствием росистую хвою
Легкое волнение растревожит.
Знаю, что ушицу не сварю –
Речка обезрыблена вчистую.
Но чаек на травах заварю,
Возле переката заночую.
Посижу у костерка без сна.
Под волшебный говор переката...
Снизойдут покой и тишина
В душу мне, измятую когда-то.
С дальними хребтами и с рекой
Попрощаюсь поясным поклоном,
Молча горло пережму рукой,
Чтоб тайгу не будоражить стоном.

В ЛЕСОСЕКЕ

Морозом скована тайга.
По плечи человеку
Ее засыпали снега.
И все же в лесосеку
С утра машины привели
Упрямые ребята,
И падают на грудь земли
Деревья в два обхвата.
Стальные звери-трактора
Приземистой осанки.
Воды напившись у костра,
Двинулись, как танки.
До крыши в снежной целине
Охапкой прут, скаженные,
На металлической спине
Хлысты многосаженные.
Клешнявый кран без суеты
(рукастая машина!)
Кладет на лесовоз хлысты,
Как хворост, как лучину.

А онемевшая тайга,
В полон попавшей ратью
Роняет в саваны-снега
Поверженных собратьев.
Я допускаю, может быть,
Для дела очень нужного,
Но разве можно бить и бить,
К тому же безоружного?

Головин В.А. **Кизирский порог**. 1987 г., карандаш, бум., 41 × 55 см.

ЖАРКИ

Почему-то сроки коротки
У всего живущего красиво.
Долго ли горят сибирские жарки?
Но все лето царствует крапива.
Может, оттого, когда жарки цветут,
По лугам палами пламенея,
Их охапками все рвут и рвут,
От восторга сладкого немея.

А крапиву всякий обойдет.
Если кто-то прикоснется все же,
То слова такие вдруг найдет,
Что и повторять-то их негоже.
Так и человек иной дарит
Теплоту души, шутя, любя.
Диво ли, что рано он сгорит,
По частям другим раздав себя?

Я ВЕРЮ В ТЕБЯ, ПОТОМОК

Под лозунги и барабанный бой
Первостроители придуманного рая
Горланили, довольные собой,
Мудрость рулевого воспевая.
Верил одураченный народ,
Что в суматохе каждой пятилетки
Великого движения вперед
Страна отмеривает важные отметки.
Однако знали многие обман,
А мы, лишённые такого знания,
Цвет Родины, как прокаженный клан,
Тиранам отдали на растерзанье.
И вот теперь, на склоне дней,
Гнетет нас запоздалое прозренье –
Ростки свободы Родины своей
Не защитило наше поколение.
И оттого в стране развал и крах,
Что беззаконье крепло год от года,
Что гибли миллионы в лагерях
Так называемых врагов народа.
Нам ничего уже не изменить,
Хоть сердце рви тоской и покаяньем.
Удел наш – в унижении дожить
На пенсионном нищем подаяньи.
И думать: может, через малый срок
Помянет нас потомок круто,
Что прятались трусливо в уголок
Мещанского грошового уюта?

На это можно возразить вполне:
Израненные мы и те, что пали
В неслыханно чудовищной войне,
Россию и Европу отстояли.
Но я тебя, потомок, не сужу,
Что поколение наше обвиняешь,
И не злорадствую, мол, ладно, погляжу,
Каких ты сам дровишек наломаешь.
Я верую, что будешь ты умней,
Не попадешь в заложники к генсеку,
Ты будешь справедливее, сильнее
И будешь жить как должно человеку.
Я верую: минуют беды все,
Промчатся бури и дожди косые,
Поднимут Русь и в силе, и в красе
Деяния сынов моей России.

В ПАМЯТЬ О ВЫСОЦКОМ

«Не скажу о живых.

А мертвых мы бережем» - В. Высоцкий

Певец-бунтарь ушел из жизни,
Он смело пел, о чем молчали все.
Не признан и не защищен
В своей Отчизне,
Как на ничейной полосе.
И пел он не в глуши, пел на Таганке,
Хрипел, больное сердце рвал.
Исполнил долг, как легендарный Данко,
И с песней на губах упал.
Он не убит, как Лермонтов и Пушкин,
Не всунул шею он в удавку-поясок,
Как Маяковский, вороненую игрушку
Он не нацеливал сам себе в висок.
И все же – он убит.
Сказать попутно:
В России нашей (как ни лицемерь!)
Всегда талантам было неуютно.
Нисколько не уютней и теперь.

Головин В.А. **Шиповник**. 1998 г., двп, масло, 12 15 см.

КАПЕЛЬКИ РОСЫ

На кружевах из паутинки
Повисли бисером росинки,
Цветами радуги все сразу
В лучах сияя, как алмазы.
Такой узор достойно даже
Хранить бы вечно в Эрмитаже.
Но как в природе все непрочно!
Недолгой жизнью непорочной
Сияют капельки росы –
Минуты, может быть, часы.
Все, что природой создано,

Увы! На смерть осуждено.
И чтоб достойно умереть,
Сумейте душу обогреть
Своим сиянием кому-то,
Хотя б на миг, хоть на минуту.

ВЕТЕРОК

Ночь блуждая в перелесках, ветерок
Под дождем осенним вымок и продрог.
Кабы лето, он березовой листвой
Мог укрыться до рассвета с головой.
А теперь она пожухла и мертва,
Как морозами убитая трава.
Постучал в окно бездомный ветерок –
Может, пустят обогреться за порог?
За окном моя любимая живет,
У нее не сердце – мрак и лед.
И не ведал он, бродяга, что она,
Как и осень, неприступно холодна.
Под окошком, слез горючих не тая,
Тихо плакал то ли ветер, то ли я.

НА ПРИВАЛЕ

В затишье боя, у Днестра,
Пока нехитрый суп-пюре варили.
На отдых разместившись у костра,
О родине солдаты говорили.
И, как нарочно, все из разных мест:
Пермяк, кавказец, украинец.
Один хвалил тайгу, другой девчат-невест,
Кавказских скакунов – наездник-кабардинец.
Волжанин и якут вступили в спор.
Волжанин козырял раздольной песней...
Я промолчал. Напрасный разговор!
Моя Сибирь любых краёв чудесней.

ЛОЖАТСЯ ОБИЛЬНЫЕ РОСЫ...

Ложатся обильные росы
На буйные травы низин.
Вплелись в изумрудные косы
Рубинные гроздья рябин.
Толпой прибежали к дороге
Берёзки с холмов за селом,
Точёные белые ноги
Кисейным прикрыв подолом.
И ветерок шаловливый,
Роняя жемчужины рос,
Ласкает, хмельной и игривый,
Упругие груди берёз.

ПОЗОВИ

Знаю, что не миновать разлуки,
Что всему приходит свой черёд.
Дай пожму тебе на счастье руку.
Кто и что тебя в грядущем ждёт?
Знаю, что не всякое ненастье
Стороною можно обойти.
Встретится тебе не только счастье,
Встретится и горе на пути.
И когда в житейской круговерти
Встретишь неминучую беду,
Только весточку пришли в конверте,
Позови, и я всегда приду.

СКАЗАНИЕ

На дальнем зимовье заснеженной ели
Саянские сказы слагали метели,
Послушать сказанья за двери я вышел
И имя твоё в этих сказах слышал.
Таёжным распадком среди кедрочей
По камням катился хрустальный ручей,
Он весело пел и звенел без помех,
В том звоне слышал я девичий смех.
А в волнах ручья, что чисты, как слеза,
Увидел твои голубые глаза.
Под солнцем саянским свежи и ярки
Пожаром в лугах полыхали жарки.
Из этого бурного моря огня
Теплом твоих губ опалило меня.
Где солнце сквозь ветви рассыпало блики,
Собрал я пригоршню лесной земляники,
Стоял, упоён ароматом её,
А чудилось в нём мне дыхание твоё.
Сырые туманы, студёные росы
Трепали берёз золоченые косы.
Трещали морозы, ложились снега,
Весенние воды топили луга...
Я мерил по жизни крутые дороги,

В висках серебром отмечались тревоги.
Напрасно толкуют, что, дескать, седины –
Мужания знак, украшение мужчины.
На трудных дорогах убавилось сил,
В душе поистратился юности пыл,
Когда я в осеннем туманном рассвете
Тебя наяву, мою Золушку, встретил.
И ты повстречалась со мной не девчонкой,
И беды тебя не минули сторонкой.
Но всё ж ты милее, чем виделась мне
В саянских сказаньях, в мечтах и во сне.
На дальнем зимовье заснеженной ели
Не сказы, а быль напевали метели.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛУСТАНОК

Я мать любил, Россию и тайгу.
Но матери давно уже не стало.
О ней что помню, свято берегу.
Терзаюсь, что берёг при жизни мало.
Перед Россией я, как все, должник
И должником останусь до могилы.
Россия – родина. Её живой родник
Питал меня и мудростью, и силой.
Что от России взял, не всё сумел отдать,
Хоть за неё был ранен и контужен.
Люблю Россию, как родную мать,
Люблю её, но ей уже не нужен.
Больной и старый инвалид,
Схожу на притаёжном полустанке,
Мой рюкзачок провизией набит,
В нём лески, поплавки, обманки...
Сажусь на камень у подножья скал
И только мыслями лечу, как птица,
За белоголовый перевал...
Но и с тайгой пришла пора проститься.
С тоской гляжу в её седую даль –
Измученный, истерзанный подранок.
Мне в жизни ничего уже не жаль,
И недалёк последний полустанок.

У РУЧЬЯ

Ты звени себе, а я послушаю.
На знакомом камне посижу.
Лишь подступит немочь болью-стужею,
Всякий раз сюда я прихожу.
Ты звенел, как и теперь, беспечно,
Когда вовсе не было меня.
Я умру, тебе резвиться вечно,
Так же радостно сверкая и звеня.
И с чего тебе бы отуманиться?
Каждый, кто твою прохладу пил,
Знал, что чистотою не обманется,
Жажду утолив, набрался сил.
Подлеца, убийцу или вора,
Даже чёрта, если б захотел,
Щедро ты поил, но без разбора
Для святых или разбойных дел.
Оттого и волны синеглазы,
Оттого хрустально светел смех,
Никого не обделив ни разу,
Пел ты одинаково для всех.
Мы друг друга не поймём, наверно:
Ты даришь прохладу, я – тепло.
У меня в душе бывает скверно,
У тебя до донышка светло.
У меня по жилам кровь живая,
Не вода холодная течёт.
Нелегко мне оттого, что знаю
Я любви и ненависти счёт.
Но твою весёлую беспечность
Выменять за жизнь я не хочу.
Без борьбы и счастья что мне вечность?
Хоть за них я дорого плачу.
Ты звени себе, а я послушаю,
На знакомом камне посижу.
Лишь подступит горе болью-стужею,
Я сюда зачем-то прихожу.

ВАЖНЫЙ ОСЁЛ

Напрасно думают: осёл и глуп и прост.
Ослу доверили однажды важный пост.
И вот осёл
Дела уверенно повёл.
Обставил кабинет себе особый
И важность на себя такую напустил,
Учёные такие речи говорил –
Осла в нём распознать попробуй!
И стали многие оказывать ему
Почёт не по ослиному уму.
Вышестоящий лев
Был стар годами и, порядком одряхлев,
Заботами не утруждался,
Ослу во всём он доверял
(Вернее доверять предпочитал).
Осёл так в должности высокой и остался.
Мы к басне не даём пока морали,
Поскольку ни осла, ни льва ещё не сняли.

ПЕТУХ - ОРАТОР

Чтоб мыши не наделали греха,
Какой-то зав назначил Петуха
Стеречь зерно в общественном амбаре
С хохлаткой в паре.
Зерно, заметьте, было не простое,
А семенное.
Возможно ль!
Петуху вдруг доверять зерно!
Другой столь ненадёжной стражи
И преднамеренно не сыщешь даже,
Но...
Заметил зав давно:
Петух-оратор
Среди хохлаток первый агитатор.
Он ни одной кампании не проглядел,
Всегда у дел.

И в полночь, и в полдень, и на утренней заре
Его знакомый голос во дворе
Звенел, переливался.
Короче, активистом наш Петух считался.
Когда ж потребовались к сроку семена,
В амбаре – ни зерна!
Оратор-говорун доверьем облечён
Нередко лишь за то, что он
Горланит по любому пустяку:
“Ку-ка-ре-ку”!
Таких частенько и за промахи не бьют,
За то, что вовремя поют,
А помнить надо бы – Петух хоть и речист,
Да на руку нечист.

КОЗЁЛ – ПРОТИВНИК АЛКОГОЛЯ

Козёл учёный на лужайке
О вреде пьянства лекцию читал.
Аудиторию собрал
Он от Медведя и до Зайки.
Дословно приводить здесь лекцию Козла,
Пожалуй, ни к чему.
Но нужно должное отдать ему –
Конспект листая аккуратно,
Вопрос он изложил научно и понятно.
К тому же лекция читалась с жаром
И, вероятно, не пропала б даром.
К примеру, скажем, доводы Козла
Ошеломили старого вола.
Но на другой же день, когда с работы шёл,
Увидел удивлённый вол:
Мертвецки пьян козёл.
Уткнувшись в лужу носом,
Он спит в обнимку с пьяницей Барбосом.

ВОЖДЯМ

Когда был человек почти что зверь
(Дубина, шкура и пещера в круче),
Вождей не возносили, как теперь,
А был он самый ярый и могучий.
И коль сместить вождя замыслил кто-нибудь,
Схватив смолистые пудовые дубинки,
При соплеменниках, открыто, грудью в грудь
Соперники сходились в поединке.
Жестокость, – скажем мы. – Суровый век.
Наш предок и раздет, и безоружен.
Чтоб выжил он, пещерный человек,
Для племени такой был вождь и нужен.
Позднее меньше на вождей везло.
Интриги, заплетённые умело,
Убийство в спину, яд, любое зло
В борьбе за власть пускали в дело,
И власть и титулы уже нужны
Не для того, чтобы служить народу,
Не ради процветания страны,
А низменным страстям в угоду.
Переберите в памяти вождей
Известных нам минувших поколений –
То изверг, то ханжа, невежда и злодей
Народом правили. И раз в столетье – гений.
И гении являлись лишь тогда,
Когда народ в беде, и быть вождём – не благо.
Когда нужны и мудрость и отвага,
А не чванливое величье без стыда.
Но пели каждому вождю хвалу
И гением бессмертным величали.
Однако сразу возводили и хулу,
Как только прах его сжигали.
Вожди, вожди, ни шепоту проныр,
Ни восхвалениям, ни почестям не верьте.
При жизни для народа ты кумир,
А по делам рассудят после смерти.

ПОЛОВОДЬЕ СНЕГОВ

Снег и снег, густой и спорый.
Половодие снегов
Расплеснулось на просторе
За пределы берегов.
Пух лебяжий, мех песцовый –
Белопенные снега.
Горностаевой обновой
Приукрасилась тайга.
Ели в праздничные тоги
До вершин облачены.
Спит медведь в своей берлоге
Под снегами до весны.
На заснеженной опушке
У излучины Тубы
Промысловые избушки –
Под сугробом до трубы.
Но плывёт густой и спорый
Снег охапками с небес.
Всё смешалось: небо, горы,
Скалы, пропасти и лес.
Поразвесил снег воздушный
Кружевную пелену.
Но холодный он, бездушный,
Если ты в его плену.
Белизной невинной снега,
Пешеход, не обманись.
И в избушку для ночлега
Раньше сумерек вернись.

В СТЕПИ

Шею изогнув дугой,
Молодой и сильный,
Ходит месяц золотой
По степи ковыльной.
Протыкают ночи тьму
Синие иголки.

Как не силюсь, не пойму –
Звёзды или волки.
На курган от тёмных сил
Налагая табу,
Древний предок водрузил
Каменную бабу.
Видно, здесь, среди могил,
Вождь – степняк раскосый –
Кровь горячую пролил
В утренние росы.
И от тех кровавых рос
Ковылей метелица
Космами седых волос
По кургану стелется.

СОЮЗ ЕЛЬЦА И ЛЕБЕДЯ (сказка-басня)

Пятый год, как наш елец
Танки двинул на дворец,
Власть в державе захватил,
Море в лужу обратил,
Мелочёвке в этой луже
Жить становится всё хуже.
Не укроешься нигде
От акул в такой воде.
Воровство, коррупция,
Разбой да проституция.
Глянешь: даже там и тут
Хищники друг друга жрут.
А правителя ельца
Стерегут в стенах дворца
Тысяч сорок караула-
Щуки, судаки, акулы.
На окраине ерши
Захватили камыши,
Разделить хотят на части
Море, что в ельцовой власти.
Нынче лебедь и елец

Вроде спелись наконец,
Чтобы враз в разбойном море
Учинить порядок вскоре,
Басню дедушки Крылова
Испытать желая снова,
Щуку заменил елец,
Рака даже на крылец
Царедворцы не пустили,
Оплевали, оскорбили,
Не допустим, мол, возврата:
“Он же пятится назад!”
Лебедю велел елец
Смутам положить конец,
Но не вышло бы конфуза
Из таковского союза.
Ведь означенные лица
Молчуны, как говорится.
Года три, я полагаю,
Надо этим краснобаям
Огороды городить,
Чтоб хоть что-то обсудить.
Не случайно же ельцу,
Как монаршему лицу,
Не было б какой промашки,
Речи пишут на бумажке
Замы, помсекретари,
Крючкотворы и хмыри.
Сам он вдруг такое скажет,
Мол, сейчас на рельсы ляжет.
Или скажет о Чечне:
«Положу конец войне
Дня за три или четыре,
Сидя здесь, в своей квартире».
В общем только врать умеет
И при этом не краснеет.
Что попишешь? Виноват...
Но правитель дубоват.
С ходу он не скажет сразу
Даже путаную фразу.

Помычит, прищурится,
Минут десять хмурится.
Выдавит с трудом полслова
И мычит, нахмураясь, снова.
Если ж ляпнет смаху что-то –
Ни в калитку, ни в ворота!
Лебеда позвал елец,
Раскусив, что тот подлец,
По присловью: свояка
Видит свой издавека.
Ну а голоса, конечно,
Пригодились, делом грешным,
Без того бы и ельцу
Путь закрыли ко дворцу.
Надо знать бы, что елец
Не простака, не оголец...
Лебеда, наверно, снова
Ждёт трагедия Руцкого.
На тарелочке весов
Тот подкинул голосов,
А потом елец бедняжку
Упечатал в каталажку.
Ну а нам, ядрёна мать,
Остаётся только ждать:
В долгом времени иль вскоре
Обратят клоаку в море.

ЗЕМЛЯНИКА

Цветёт на склоне земляника
В зелёном кружеве кудрей,
А зайчик солнечного блика
В глаза заглядывает ей.
Целует жёлтые реснички,
Ей не укрыться никуда.
И у смущенной землянички
Алеют щечки от стыда.

НИЧТО НЕ ВЕЧНО

Ничто не вечно, греки древние сказали.
Мы это многократно доказали.
То, что недавно называли “рвачество”,
Теперь зовём борьбой за качество.
За что летели головы подряд,
Теперь – семейно-групповой подряд.
Вчера поукрупняли хутора,
Сегодня говорим: разукрупнять пора.
И в мыслях, и в делах туда-сюда порхаем,
Сегодня хвалим, завтра хаем.
Как куклами с тряпичной головой,
Играет нами генеральный нулевой,
А тем, кто не вертелся по указке,
Свернули попросту салазки.
И всё ж не знали мы такой напасти,
Как от президентской власти.

РОССИЯ – РОДИНА МОЯ

*Люблю Россию я, но
странною любовью...*

М.Ю. Лермонтов

1

Под стук колёс в вагоне-ресторане,
За столиком картинно развалясь,
Юнцы безусые с монетою в кармане
Судачили, мол, жизнь не удалась.
“Чо, кореш, толковать? Расея!
Вот там, за етим... как ево? За рубежом...
Мизинцем, глазом поведи – лакеи
Бегом тебе и виски, и боржом.
И девочки!.. Какие хошь.
Гостиницы, отели, пляжи...
А баксы? Пистолет да нож!
Один налёт – пять лет живёшь,
И может, десять даже”.

Я этак не сужу. За этой заграницей
Лакействовать бы мне и этим болтунам.
А, может, хуже. С “И”и “S” в петлице
Топить в крови Вьетнам.
Я этак не сужу. Россия,
Где жили мой отец, и дед, и мать,
“Где осени такие золотые,
Просторы глазом не обнять!”*

Головин В.А. **Медвежья свадьба.** ДВП, масло, 23 × 34 см

Где зимы выюжные, стозвонные морозы,
Что только россиянам по плечу,
И скромные красавицы берёзы...
Нет! Родины другой я не хочу.

* Есенин С. Я люблю тебя, родина кроткая.

2

Люблю российские неброские просторы,
Напор и чистоту таёжных рек,
Седые кедрачи, распадки, горы...
По нраву мне российский человек –
Приветливый, гостеприимный,
Не знает устали в труде
И без героики картинной
Поможет, выручит в беде.
Отважных сыновей России
Свершенья ратные не раз

Соседям избавленье приносили
В далёком прошлом и сейчас.
Твёрд россиянин и в несчастье,
Но жаль моих мне земляков,
Что терпят у верховной власти
Так часто подлецов и дураков.
Быть может, за стихи такие
Я полной мерой заплачу.
Всё ж над народами России
Бандитской власти не хочу.

3

Кровь проливали не напрасно
В четырёхлетнем яростном бою.
За мать Россию в той войне ужасной
Мы не щадили даже жизнь свою.
Жаль, не суждено в Берлине было мне
В мае водрузить Победы знамя.
Но, как и многие, я на войне
Отмечен и свинцом, и орденами.
Кто на Руси рождён, работал, жил –
Россия дорога им. Всё же
Кто за неё полжизни положил,
Она стократ ему дороже.
Я с той войны калека. Инвалид.

На пенсии остаток дней влачу.
В России беспредел и униженный стыд,
Но родины другой я не хочу.
Больную мать не бросит сын в беде,
Коль он не растерял сыновьей чести.
Я россиянин, потому везде
В успехах, в горестях – с Россией вместе.

Мелькают за окном леса, луга, озёра
И россыпи притихших деревень.
Сибирь! Сибирь!.. Московский поезд скорый
Мчит по Сибири третий день.
То с ходу гулкие мосты пересекает
Под разъяренный рельсов перестук,
То, будто в пропасть, в выемку ныряет
Или на насыпь вылетает вдруг.
Разъезды, станции мелькают мимо.
Еще свисток заглохнуть не успел,
А поезд – всё вперёд неутомимо –
Уж за разъездом где-то просвистел.
Стою я у окна и радуюсь раздолью,
Обилию лесов, лугов, полей.
И сердце сжало непонятной болью
За россиян – живущих здесь людей.

ГЛУХАРЬ

Смаху замерла куница
У сплетенья тальника, –
Краснобровая царь-птица
Села возле родника.
Хищница к ручью с пригорка
Промелькнула через гарь...
Настороженно и зорко
Поднял голову глухарь.
Тишине лесного царства
Доверять он не привык.
Вдруг какое-то коварство

Он почуял. В тот же миг,
Осыпая снег и иней,
С шумом крылья размахнул
И в морозной дымке синей
За распадком утонул.

Головин В.А. Истоки реки Сисим. Двп, масло, 22 × 32,5

О РЫБАХ И РЫБЁШКАХ СИБИРИ

Сорожка¹

Краснопёрая сорожка
Ловит мух и разных блошек,
Потому ей нравится
У побережий плавать.
У воды плодятся мошки,
Комары, сороконожки,
То есть насекомые —

¹ Сорожка, сорока, чебак — местные названия плотвы из семейства карповых.

Для плотвы лакомые.
Мошка в воду упадёт,
Тут её сорожка ждёт.
Быстро схватит, и тогда
Всколыхнётся здесь вода,
Волны побегут кругами...
Часто видели мы с вами:
Поверху хватает мошку
Серебристая рыбёшка,
Это есть как раз сорожка!

Головин В.А. Деревня Переясловка. 1998 г., двп, масло, 21 × 37 см.

Окунь

Окунёк зеленобокий
У обрывчика с осокой,
Краснопёрый, полосатый,
И колючий, и горбатый.
С сеголеток чуть не час
Не спускает жадных глаз.
За травой хоронится,
На плотву охотится.
Заезвается малёк —

Не промедлит окунёк.
Вмиг проглотит огольца,
Хоть плотвичку, хоть ельца.
Окунёвая уха
Очень даже не плоха.
Окунёвы малолетки
Всё ж разбойничают редко,
Промышляя насекомых.
Только окунь взматерееет,
Сразу будто озверееет –
Первый хищник водоёмов.
16.10.1998 г.

Щука

В наших реках и озёрах
Щука – первая обжора.
Ест плотву, ельцов, ершей,
И налимов, и лещей.
Очевидцы говорят,
Что глотает и щурят,
Крыс, лягушек и мышей,
Карасей и пескарей –
Всё годится в пищу ей.
Всё глотает. Всё подряд,
Даже уток и утят.
Замирает всё живое,
День к закату клонится.
И выходит для разбоя
Хищная разбойница.

Налим

С виду распознать, друзья,
Трудно, рыба иль змея.
Кожа скользкая, как мыло,
Сплюснутая голова –

Настоящее страшило!
Длинный ус. Один, не два.
Рот широк, глаза – как точки,
Тело гибкое, как плеть.
Спит под камнем или кочкой
День-деньской. Начнёт темнеть,
Он выходит на охоту
(Не плывёт, по дну ползёт!).
Черви, трупы, кто-то, что-то –
Всё идёт налим в рот.
Чем ненастней и темней,
Тем налим активнее.
А вода, чем холодней –
Он неумомимее.
У него и икротёт
В холода. Под Новый год.

Хариус

От Урала до Востока
В крупных реках и протоках,
Где вода и холодна,
И на доньшке видна
Каждая, как есть, соринка,
Мелкий галечник, песчинка,
Рыба хариус живёт.
По притокам вверх идёт
Эта рыба ежегодно,
Когда реки полноводны,
В ручейки на икротёт.
Там она жирует лето
По таёжным речкам где-то.
Поздней осенью упрямо
В реки катится и в ямы.
Эта рыба и красива,
И по вкусу хороша,
И в засоле просто диво,
И наваристей ерша.

Гольян

Это мелкая рыбёшка.
Меньше пальчика немножко.
Серая, невидная,
Но небезобидная.
Хоть она невелика,
С годовалого малька,
Очень ценных рыб, огромных
Истребляет в водоёмах.
В икрёмёт гольяны просто
За день жрут икринок по сто.
А из них вполне могли б
Народиться тонны рыб.
Да таких, что будь здоров! –
И сегов, и осетров.
Только-только снег сойдёт,
У гольянов икрёмёт.
То есть продолжение рода
У гольяньего народа.
Сна и отдыха не зная,
По ручьям гольянов стаи,
Будто на большом параде,
В ярком свадебном наряде
Брачный совершают ход
В ежегодный икрёмёт.

Карась

Где осока, ряска, грязь,
Там и водится карась.
В зимние лихие стужи
Выживает он и в луже.
В ил залезет, до весны
Спит себе и видит сны.
Серебристый, золотистый –
Всё равно карась костистый.
На старицах у Тобола
Всюду ряска и рогоз.

Головин В.А. **Река Рыбная Красноярского края. Кувшинки.**
1997 г., холст, масло, 43 × 53 см.

У паромного прикола
Карасищи, как поднос.
На костре в походном стане
Их мы жарили в сметане.
Карасище здоровенный.
Кости как в баране в нём,
Обсосать их нет проблемы
В темноте, не то, что днём.

Язь

На плотву походит язь,
А костлявый, как карась.
Со спины и с головы
Поупитанней плотвы.

Вот плавники такие же,
Но светлые, не рыжие.
На уде упрямо бьётся,
Рыбаку не вдруг сдаётся.
Его ловят ради спорта,
А трофей второго сорта.
Хоть язи-богатыри
Весьят килограмма три.

Осётр

Не плотва и не пескарь,
А по праву рыбий царь!
Заливное осетра
Или чёрная икра –
Повседневная закуска
На столе у новых русских.
Для других же осетрина
Недоступна, как и вина,
Что привозят из-за моря.
Даже северянин с горя,
Крадучись от егерей,
По ночам, без фонарей,
Эту рыбу ловит редко.
Может, раз за пятилетку.
А в низовьях Енисея,
Против бывшей Мангазеи,
В центнер с лишнем осетры,
В них по два ведра икры.

Таймень

Богатырь сибирских рек
Измельчал в двадцатый век.
По три центнера бывали!
А теперь уже едва ли
Килограмм на двадцать пять
Удаётся в год поймать
Одного по всей Сибири...
Года три или четыре,
Может, пять тому назад
Там, где Дивногорский град,
Хапнул на блесну чертяка!
На полцентнера, однако.
Рыба сильная! Красиво
На истоки в икромёт
Плёсами идёт игриво,
По дорогам – напролёт.
Мы построили плотины,
Гидростанции. Но вот
В загородках, как скотина,
Эта рыба не живёт.
Ей простор широкий нужен,
Быстроструйная вода,
И, как стёклышко, к тому же
И чиста, и холодна.

Пелядь

Пелядь – сиговой породы
Чистых северных озёр.
Любит ключевые воды
Или с ледниковых гор.
Вот в Туве на Чегытае
(Сам ловил, то не слова),
Экземпляры попадают
Весом килограмма два.

Только с глубины огромной,
Ну, а ближе к берегам
И улов, конечно, скромный –
Пелядишки в двести грамм.
Есть и в Туруханском крае
Пелядины старницы.
В них заморов не бывает,
Лёд до дна не промерзает,
Хоть зима там долго злится,
Потому, что и в ночи
Бьют в них донные ключи.

Нельма

Рыба деликатная
И в ухе приятная.
И в копченье хороша
(Балычок или теша!).
А пирог из нельмы – чудо!
Рыбы чуть ли не в полпуда
Вырастают иногда.
В позапрошлые года
Нельмы в реках и озёрах
Было больше не в пример.
Но пропала то ль в заморах,
То ль повывел браконьер.
Нельму ловят не иначе,
Так, случайно! На удачу!

Лещ

Рыба стайная. Пуглива.
Плоская, как камбала.
В море нашем по заливам
Всё придонье заняла.
Меньше карася костиста,
Поприятнее язя.
Но в лещах бывают глисты –
В строганину их нельзя.

Ловятся лещи на «донку»
С лодки и на глубине.
На червей, на хлеб, подёнку.
И добычливо вполне.
Часто по два килограмма,
А бывают до семи...
На прикорм пшено и манку
Или комбикорм возьми.
И сачок пренебреженно
На рыбалку захвати.
Клюнет вдруг чудака отменный
Килограммов до пяти.

Сиг

Вот сибирского сига
В Енисее до фига.
К Туруханску от Имбата
Пойма вся сигом богата.
Ловят чаще впрок, в засол.
В зиму северянин
Без солёной рыбы стол
Накрывать не станет.
Здесь варёная картошка
Да солёная рыбёшка –
Неизменный рацион
И теперь, и испокон.

Головин В.А. **р.Берёзовка**. 1999 г., двп, масло, 29 × 49 см.

Прочие рыбы

Приходящие

Омуль, ряпушка, зубатка
В Енисей однажды в год,
Как всегда по распорядку,
Заплывают в икромёт.
После икромёта вскоре
Вновь идут на север, в море –
Непременно косяками.
Так из года в год веками.
Жители окрестных сёл
Ловят рыбу на засол
Всевозможными снастями:
Неводами и сетями,
И блесной, и вентерями.
Но об омуле забота:
Чтоб совсем не загубить,
Стали с головы по счёту
По лицензии ловить.

Осёдлые

По запрудам и речушкам
На червя или на мушку
Ловятся пескарь, елец,
Ёрш, верховка и голец.
Ловятся зимой и летом...
Надо пояснить при этом:
Как живцы, незаменимы
Ёрш колючий – на налима ...
Впрочем, можно всех подряд
На налимов и щурят.
А ельцов солить годится,
Жарить то ж! Ершей – в ушицу!
По навару из ерша
Ушка больно хороша.
Если же в навар ершистый
Положить и осетрины,
Можно мыслить без греха:
Будет царская уха!

Головин В.А. Анашенский залив. Красноярское море.
1995 г., двп, масло, 42 × 64 см.

УТРО

Луг-ковёр цветами вышит.
Речка-лента на лугу.
Ветерок едва колышет
Ивняки на берегу.
Как фарфоровые вазы,
В речке лилии стоят,
А росинки, как алмазы,
Щедрой россыпью горят.
Бойко носятся стрекозы.
Чёрный шмель в траве
 гудит,
И застенчиво берёза
В воду-зеркало глядит.
1978 г.

ДОРОЖКА

Вьётся ленточка-дорожка
В голубую ширь полей ...
Мимо нашего окошка,
Возле старых тополей,
По откосу у забора
Опускается к реке,
За рекой, вдоль косогора,
Вьётся, вьётся вдалеке ...
Без конца, как зыбь
 морская,
(В целый день
 не перейдёшь!)
Обступила золотая
Тропку узенькую рожь.
Хорошо росистым утром
По полям тропой идти,
С листьев брызги
 перламутра
Осыпая на пути.
1978 г.

Сурин Николай Александрович
доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Академик, директор КНИИСХ, действительный член Национальной и Сельскохозяйственной академии наук Монголии, член Президиума Сибирского отделения Россельхозакадемии, Совета селекционеров страны, руководитель крупнейшего в Сибири селекционного центра, член двух спецсоветов по защите докторских и кандидатских диссертаций. Им создано 13 сортов ярового ячменя, написано три монографии и 180 статей. Награждён медалью «За трудовое отличие», почётным Знаком Национального фонда «Общественное признание».

Родился 23 февраля 1937 г. в Воронежской области. С 1957 г. вся жизнь связана с Сибирью. В 1962 г. окончил КСХИ.

Стихи писал всегда, много о природе, о селе и о русском характере.

ОДА ЯЧМЕНЮ

О, ячмень, ячмень!
Еще давние предки
Восхваляли твою богатырскую силу!
Не твоим ли зерном люди Спарты
И могучие гунны, славяне,
Свои грозные войска вскормили?
Не оно ли в беде было пищей богов,
В дни тяжелых годин и в дни празднества.

И не с ним ли на брани заклятых врагов
Прогоняли в заморские княжества?
Не тебя ли, ячмень, в дни великих побед,
Как священный огонь, на алтарь возносили?
Не из твоего ли зерна буйно пенится
Пиво русское и заморское?
Не оно ли тогда вдохновляло на бой
Разудалое войско Псковское?
Пиво пенное в меру хмельное,
Пьют и буйные и степенные.
Словно душу твою и усталую грудь
Благом сладостным заволакивает.
Ох, и здорово, что ячменные
Есть и пиво и каша перловая.
Не напрасно же Петр,
Царь наш, батюшка признанный,
От перловки той был в восхищении.
Не сравнить кашу ту ни по вкусу, ни сытости
Ни с пшеничной, ни с пшенной, ни с гречневой.
И прекраснее блюда для русского витязя
Подавать на стол было нечего.
О, ячмень, ячмень!
Как красив ты, когда колосишься.
Утром в поле зайди,
На него погляди,
То невольно красой поразишься.
Словно грозный отряд - пики всюду торчат,
Ости в росах на солнце сверкают.
И как будто опять в битву жесткую рать
Русь в далекий поход провожает.
А поспеет когда и наступит страда.
Станет поле ни с чем несравненное.
И как звезды, мерцая, горят в небесах
Золотые колосья ячменные.
О, ячмень, ячмень!

К 170-летию СИБИРСКОЙ НАУКИ

В хибаре русской,
Веленьем царским,
Указом Омским
Здесь храм науки
Заложен был!

Года летели,
Мели метели,
И многие из тех,
Кого воспели,
Давно лежат
В земной постели.

Здесь след в науке свой оставил
Небезызвестный Скалозубов.
Он именем своим прославил
В веках сибирскую науку.
Сверкнул талантищем Таланов
На утренней заре сумятежного века,
Но смог пигмей, гордясь зловещим правом,
В изгоя превратить Большого человека.

Прошли года - прекрасный миг творений,
Пора раздумий и тревог,
За поколениями сменялись поколения,
И лишь наука все дерзает в долг.

А вместо той хибары утлой
Как сказочный дворец возрос,
Сибирский храм сельхознауки –
Достопочтенный СибНИИСХоз.

С Лысенко здесь творил когда-то
Колосс Сибири Высокое,
Он был лысенковским сатрапом
И славу НИИСХОзу тем принес.

Озимая пшеница - вот проблема,
Которую решал он много лет!

И Рутц пришел ему на смену –
Такой седеющий брюнет!

Но покорить природу сортом,
Особенно Сибирскую зиму –
Скажу вам прямо: это просто
Не удавалось никому.

Макарова и Катин-Ярцев
Внесли весомый вклад в казну науки,
Недаром сам Терентий Мальцев
При встрече жал им крепко руки.

Вознесся ввысь дворец селекционный
Камиля гордость и надежда!
Он этим памятник себе воздвиг нерукотворный,
Который никогда не возводился прежде.

Народ весьма здесь интересный,
Кипит, бурлит в огне страстей,
Открыв в Сибири мир чудесный,
Сорта выводит всех мастей!

А во главе Камиль Азиев –
Потомок древнего Кучума.
Могуч, талантлив, не спесивый,
Он здесь осел и не кочует.

Творить сюда с желаньем пылким,
Рванулась братия с СибАКи:
Известный Рейтер, Рутц и Цильке
И со степей «бараевских» - казаки.

Все закрутилось, завертелось –
Синицын, Зыкин, Сусяков,
Немало им хлопот досталось,
Им в радость труд и чужд покой!

Смищук, Федулова, Богачков
Отнесены к плеяде «серых».
Недавно Коля Аниськов
За дело с ними взялся смело.

Не стало больше Богачкова,
Ушел Ильин, на пенсии - Синицын.
И больше не горят порой ночью,
Как прежде, яркие теплицы.

Но жизнь течет веленьем Божьим,
Страда сменяется страдою,
Все реже вспоминаем мы о прошлом
И чаще в даль глядим с мольбою.

Друзья! Спасибо вам огромное
За хлеб, за труд, за постоянство.
При жизни стали вы героями –
Мы рады вам! Ура! За наше братство!

Коллеги, верьте - не напрасно
Мы жар в своих сердцах носили.
Судьбой нам дан удел прекрасный
Служить на благо всей России!

г. Омск, 1998 г.

**В память о выдающемся селекционере
академике П.Ф. Гаркавом**

Когда в мечтах своих собрался
Ему во всём я подражать,
Он с нами навсегда расстался,
Рук благодарных не успев позать.

Ушёл из жизни тихо и спокойно,
Как тихо и спокойно жил.
И в этой жизни, до обиды скромной,
Дела великие вершил.

Своим примером сотворил он бога
(А в этом веке стать им мудрено).
Но разве сделать столько много
Кому-нибудь ещё дано?

Твой светлый образ, близкий нам до боли,
Покрытый тонкой сеточкой морщин,
Ещё не раз в своей мы жизни вспомним
И в памяти твой голос воскресим,
Пропитанный землёй и горьким потом,
Прожжённый солнцем, и, залог тому,
Талант твой соколиным взлётом
Увековечил гимн уму.

Ты нас прости за всё, что не успели,
Как раньше по-отечески прощал.
И не взыщи – пока ещё не спели
Ту песню, что при жизни завещал.

НЕ ГНИСЬ

**Посвящается академику РАСХН, сибир-
скому садоводу
Хабарову Станиславу Николаевичу**

Решив проблему непростую,
Ежеминутно не молись.
Запомни фразу золотую:
Ни перед кем и никогда
Не гнись!

И если вдруг тебе покажется,
Пропало все, за что дрались,
Прошу тебя, мой друг, пожалуйста,
Начни сначала и
Не гнись!

В стране, где ханжество и хамство,
Как пауки в клубок сплелись –

Не жди от них ни счастья, ни богатства
И перед этой нечистью
Не гнись!

Ты выше их по мудрости на вечность
И оттого от них подальше сторонись.
Старайся сохранить талант свой, человечность
Не забывай завет друзей –
Не гнись!

Ну а когда дела твои с цветущим садом
В единую гармонию слились,
Когда судьбы иной - ты скажешь:
«Мне не надо». Я снова повторю.
Не гнись!

Не отвергай просящих подаянье,
В кругу друзей не очень заносись,
Будь сам собой в любом научном званье
И никогда ни перед кем
Не гнись!

Так пусть таким тебя запомнят дети,
И даже те, кто раньше родились,
Попробуй дать им дельные советы
И каждому сказать:
Не гнись!!!

**В память о Шагене Мкртчане,
академике,
директоре Алтайского института
животноводства,
моём близком друге**

В жизни друга найти,
Как о боге мечтал,
Другом этим был ты,
Дорогой Мкртчан.

Хрипловатый твой бас
Почему замолчал?
Иль тебе не до нас,
Дорогой Мкртчан.

Бессердечно зачем
Мне накинул печаль?
Я виновен ли чем,
Дорогой Мкртчан?

Может, мало вина
Пили мы по ночам?
Нет, не в этом вина,
Дорогой Мкртчан.

Ты ругался любя,
Никогда не кричал,
Таким помню тебя,
Дорогой Мкртчан.

А кого не любил,
То рубил ты сплеча.
Я тебя не забыл,
Дорогой Мкртчан.

Твой приветливый взгляд
Сноп добра излучал,
Ты всегда был нам рад,
Дорогой Мкртчан.

А когда ты ворчал,
На тебя не серчал,
Все обиды прощал,
Дорогой Мкртчан.

На Котуни не раз
Ты меня привечал.
То был звёздный наш час,
Дорогой Мкртчан.

Окрылённый судьбой,
Предаюсь я мечтам:
Скоро встречусь с тобой,
Дорогой Мкртчан.

ДРУЖЕСКАЯ ЭПИГРАММА

**П.Ф. Гаркавый – академик РАСХН,
который
считал, что если он выведет
высоколизинговый
сорт ячменя, другие сорта не будут иметь
никакого значения**

Наш патриарх, Фомич Гаркавый,
У моря Чёрного живёт.
Создал сорта – не знают равных,
Ещё там что-то создаёт.

В лизин поверив без эмоций,
Увидев где-то Хайпроли,
С коллегой Веней Наволоцким
С пути селекцию свели.

ДРУЖЕСКАЯ ЭПИГРАММА

**Э.Д.Неттевич – академик РАСХН,
автор «всех сортов зерновых культур».
Немчиновка, НИИСХ.**

Неттевич – парень даровитый,
И в ячмене он знает толк,
Но с ЦМС спрошу я без обиды:
Ты почему, мой друг, замолк?

Ты почему с пшеницей дружишь,
Как все мы вместе с ячменём?
Ты почему гречиху любишь
А занимаешься овсом?

ДРУЖЕСКАЯ ЭПИГРАММА

**В.С.Сусякову – селекционеру
по пшенице из СибНИИСХоза,
которому я оппонировал кандидатскую
и докторскую диссертации.
Пребывает в нищете**

Я оппонентом Сусякова
Был дважды и приму за честь
Ему сказать, что рад бы снова
С готовностью ответить «Есть»!

Как муравей, без отдыха он пашет
От утренней зари и до заката.
Не многословен, лишнего не скажет,
А по уму походит на Сократа.

Он видит то, чего другим не видно.
Пшеничным языком умеет говорить,
А если поворчит – то не обидно,
Но больше любит он молчком творить.

Куда стремишься, сортовой создатель,
Что в жизни ты хорошего нашёл?
В селекции ты истый прорицатель,
А до другого – просто не дошёл.

Остался нищим и растоптанным Россией
За честный и благословенный труд.
Такого безобразья и насилья
В истории не знал научный люд.

Ну а от нас прими ты благодарность
За хлебный каравай, за человечность,
За то, что людям ты приносишь радость,
За бескорыстье и сердечность!

ДРУЖЕСКАЯ ЭПИГРАММА

**А.Е.Юдину – знаменитому селекционеру
Сибири, Тулунской ГСС, моему
искреннему другу**

За терпенье твоё, за настойчивость,
За твой труд, за находчивость,
За дела твои, друг мой искренний,
Поклонюсь тебе низко-низко я.

Я горжусь тобой и завидую
Белой завистью, с чувством радости,
Что есть друг у меня, друг талантливый,
И душою богат и влиятельный.

Я пшеницу твою среди всех узнаю,
Она всюду пылает талантищем,
Пополняет она, несомненно, казну
Того воза, что с Зоей вы тащите.

А за это за всё, что ты в жизни достиг,
Отвалили тебе чудо-пенсию,
Чтобы жил не тужил и остаточный миг
Ты прожил ты счастливо и с песнею.

ДРУЖЕСКАЯ ЭПИГРАММА

**В.П.Костыро – селекционеру по гороху
и гречихе из Тулунской ГСС**

Потомок древнего тулунца,
Он здесь родился и возрос,
Женился здесь и здесь согнулся, Седой щетиною
оброс.

Шумлив порой и дерзок в меру,
С характером, скажу, строптивым.
Но мною отнесён к плеяде смелых,
Костырко Виктор самым первым.

Он след оставил здесь солидный,
В сортах прославив ум и честь.
Учёным стал довольно видным,
Сортов его не перечесть.

ДРУЖЕСКАЯ ЭПИГРАММА

**С.И. Грибу – академику, селекционеру
по ячменю, Республика Беларусь**

Гриб Станислав – отличный парень,
И ростом не обидел Бог.
Всё просит, просит Слава Бога,
Чтоб выводить сорта помог.

Топ-кроссы, кроссы и беккроссы
Проделал он несметно раз.
Теперь все методы забросил
И ухватился за ДИАС.

ДРУЖЕСКАЯ ЭПИГРАММА

**А.А.Соколу – доктору
сельскохозяйственных наук,
селекционеру по ячменю из Зеленограда
Ростовской области, который
очень ценит авторство своих сортов**

У Сокола, я видел, ячмени,
Растут озимые и яровые,
С остями есть и есть без них
И есть, скажу вам, просто диво!

Вообще, он парень даровит,
Всё толком он с тобой обсудит,
И если ты его захочешь разозлить,
Скажу я вам, что авторства не будет.

К 90-летию ТУЛУНСКОЙ ГСС

Вы первые в Восточной Сибири,
И здесь был создан самый первый сорт.
Здесь многие учёные творили,
И именами их прославлен Ваш народ.

Здесь первые взошли ростки научной мысли.
Зелёный факел был потомками зажжён.
Отсюда лучшие идеи вышли,
И вот с тех пор почти что век прошёл.

Вы, рыцари труда, невидимого фронта,
Создавшие надёжный сортовой заслон,
Вы, люди Тулуна, особенного сорта
И вам за это наш земной поклон!

ВЕСНА

Запарилась Земля, заневестились
Закудрявилась ива в лесу
И березка кудрявая свесила
Распушенную ветром косу.

Воздух свежестью так и плещется,
Надышаться никак не могу
И травинки зеленые нежатся
На недавно пожухлом лугу.

Задымились остожья у рощи,
Сизой дымкой пахнул ветерок.
Стало как-то легко и тревожно
На душе от нахлынувших строк.

И жучки, пробудившись, довольные
С сизоватым отливом в лучах,
Друг за другом снуют беспокойные,
Словно блики в журчащих ручьях.

Раскудахтались куры в округе,
Видно, рады пришедшей весне.
И мужик примеряет подпруги
На плешивом линялом коне.

Распоясалась птичья братия,
Сколько радости в их голосах!
Каждый день зеленее наряды
На опушках, в садах и лесах.

ИВАН

Я, Иван, рождён в России
Под чудесным небом синим,
Родился я под крещение —
В день божественно священный.

В детстве раннем бил баклуши,
Ночевал у бабы Груши,
Мамке с папкой был я в тягость —
Испытал не раз их ярость.

Я, Иван, исконно русский
И женился на Маруське,
За её Марусью службу
Не терял я с нею дружбу.

Есть сестра - зовут Палашка,
Есть и братец - Емельян,
Теща есть - раззява Глашка,
Но, а главный то — Иван!

По росейскому обычью
Я имею силу бычью,
Если в драку вдруг ввяжусь,
Знают все, как я дерусь.

Поколоть дрова люблю я
И в поленницу сложить,

Ну, а после с Емельяном
По деревне покружить.

Родила мне мать - Маруська
Ваську, Петьку, Гришку, Нюську.
Сразу жизнь пошла с изъязом
От родившихся баранов.

Васька с Петькой стали драться,
Гришка с Нюською ругаться,
Все измазаны как черти.
Не забуду их до смерти.

А Маруська дело знает:
Год пройдет - опять рождает,
Вроде б это ни к чему,
Но опять же - почему ж?

Не сказать, что я пьянчуга,
Я не вор и не хапуга,
Все в деревне уважают,
С детства Ванькой величают.

Но, бывает, отчубучу,
Натворю делов я кучу,
От стакана самогонки
Из воронежской свеколки.

Часто лёжа на прилавке,
Без особенной смекалки
Соображаю, - кто я есть,
Кто мой дед и кто мой тесть.

Почему меня Иваном,
А братеню Емельяном
Поп назвал так при крещеньи
Без особых возражений?

То, быть может, до огласки,

Имена он взял из сказки,
И назвал меня Иваном,
А братеню Емельяном?

Так цари не назывались,
Хоть и русскими казались,
Лишь один был - Калита,
Вот был царь, вот это да!

Был еще один - рогозный,
Его звали Иван Грозный.
Когда был Иван на троне,
Люди знали: враг не тронет.

Поразмыслив вместе с дедом,
С моим давешним соседом,
Все ж вдвоем мы порешили -
Все Иваны хороши!

От царя и до болвана,
Все подходят под Ивана,
Но какой Иван ни есть,
Он опора, он и честь.

Царский кончился обряд,
Их сменил генсеков ряд.
Началась тут кутерьма,
Не житуха, а тюрьма.

Ну а жить Ивану надо,
Хоть дерут с него нещадно-
За корову, за кобылу
И за прочую скотину.

За хибару, за дороги,
Стали требовать налоги,
Причитая - потерпи,
Ты на верном, Вань, пути.

Как-то летом для порядка,
Во дворе полол я грядки,
Вдруг в какое-то мгновенье
Я пришел в оцепененье.

Бабы враз заголосили,
Заорали, что есть силы,
Подбежал сосед шальной:
«Слышал? Фриц пошёл войной!»

На Россею гад ползучий,
Он на нас уж дюже злючий,
Захотел землицы русской,
Не хватает ему прусской...

Не успел домой вернуться,
Глядь - повестка у Маруськи,
Где написано: когда,
Надо прибыть и куда.

Заревела тут Маруська
Вместе с Гришкою и Нюской,
Засопели Васька с Петькой,
С незамужнею соседкой.

«Ладно, будя вам реветь», –
Заревел я как медведь.
Мельком глянул на жену
И поехал на войну.

Едем день, а может боле,
Всё цвело во чистом поле,
Я как будто бы пьяной,
И не пахнет здесь войной.

Прибыл поезд наш куда-то,
Шум и гам, снуют солдаты.
Нас построили в отряды
И пошли ... вперед, на запад.

По пути мы услышали
Как орудья грохотали,
Неспокойно на войне,
Как на адовом огне.

У деревни окопались,
Ждать вражину мы собрались,
Отдохнули, покурили,
Кой о чем поговорили.

Вдруг земля как затрясётся,
Глянул, танк на нас несётся,
А на танке крест фашистский
И совсем от нас он близко.

Засвербел я весь от страха,
Аж в штанах почуял влагу,
Все ж схватил горючью смесь
И по рылу танка-хрень!

Сразу вспыхнул, задымился,
Вздрогнул танк, остановился,
А из башни словно крысы
Выползать начали фрицы.

Ну а мы из автоматов
Стали бить фашистских гадов,
Три атаки мы отбили,
Много танков погубили.

Но, а немцев и не счесть.
И свои потери есть.
После боя чуть вздремнули,
Разбудил меня патруль.

-Ты Иван? Быстрее к начальству,
Он сейчас в четвёртой части...
Побежал я в штаб четвёртой
Весь в грязи, похож на чёрта.

Встал у входа, честь отдал,
Как положено предстал.
Генерал ко мне подходит,
На меня с восторгом смотрит.

- За геройское сражение
Ты достоин награждения.
Приподнес стакан спиртяги
И медаль мне «За отвагу».

Первый бой - всегда он трудный,
Да и немец - враг занудный,
Мы его не испугались
И всегда достойно дрались.

Воевал за Будапешт,
С боем брали крепость Брест
И закончили в Берлине,
На неведомой чужбине.

Вся война прошла в походах,
Ведь на то и есть пехота,
Сапогов с десятков пар,
Я, наверно, истоптал.

Сколько раз ходил в атаку,
Вызывал врага на драку,
Врукопашную сражался,
Фрицам чёртом я казался.

Раз начальник приказал,
Языка чтоб ночью взял,
На задание я ушёл,
Вскоре ихний штаб нашёл.

Долго ждал и так, и сяк,
Вдруг, гляжу, идёт толстяк,
При оружие и мундире,
Видно был он командир.

За такой трофей при взводе
Мне вручили второй орден.
Гаркнул я и честь отдал.
Это ж орден, не медаль.

Раз с дружкой из нашей роты,
Той же матушки-пехоты,
Мы отправились на пост
Охранять понтонный мост.

До утра мы просидели,
Петухи уже пропели,
На траве роса блестела,
Скоро смена подоспеет.

Не успел я потянуться,
В свои мысли окунуться,
Вдруг заметил, что-то вьётся,
Немец с ношею крадётся.

Вот он рядом проползает,
Часовых не замечает.
Залегли и стали ждать,
Что б живьём фашиста взять.

Метра два когда осталось,
Я подумал- один справлюсь.
На него я прыгнул сзади,
Оглушить хотел не глядя.

Но успел он оглянуться,
От удара увернуться,
Не раздумывая враз
Саданул мне промеж глаз.

Ах ты, стерва, немчура,
Врезать мне теперь пора,
Размахнулся что есть сил
И по-русски угостил.

Фриц, хоть был он здоровяк,
Сразу сник и враз обмяк,
Видно я перестарался.
Сел с ним рядом. Отдышался.

Мы связать его решили,
Повели, чтоб допросили.
Он хотел, пройдя наш пост
Подорвать понтонный мост.

Был и ранен я осколком,
Как? Когда?- Не знаю толком.
Лишь проснулся в лазарете,
Говорят, нашли в кювете.

А когда зажили раны,
Призван был в другие страны,
Их народ освобождать
И фашистов добивать.

Наконец мы победили,
Нас в вагоны посадили
И сказали: «Кто живой,
Возвращайтесь домой».

За военные годы Щедро
Ваню наградили,
Ордена есть и медали,
Да и то не все отдали.

Всю войну Иван солдатом
Прошагал. И в сорок пятом,
Наконец, пришёл домой.
Весь в наградах и живой.

Подошёл к родному дому,
Сердце ёкает как молот,
Быстро двери отворил
И в дверях так и застыл.

На печи лежит Маруська
Вместе с Гришкою и Нюской,
Васька с Петькой, что постарше,
Друг у друга что-то тащат.

На полатах спит младенец,
Белокурый- просто прелесть!
И по росту и по роже
На Ивана дюж похожий.

Как увидели солдата,
Закричали: «Батя, батя,
Батя наш пришёл домой!
Весь в наградах и живой».

Подскочили все к Ивану-
Дале сказывать не стану.
А Маруська с перепугу
Заорала, что есть духу:

- Ваня, Ваня, муженёчек,
Дождалась тебя дружок.
А потом заголосила,
Зарыдала что есть силы.

Прибежали враз соседи,
Старики, старухи, дети,
Вскоре всё село собралось,
Аж Маруська напугалась.

Кто с бутылкой, кто с едой,
Кто с улыбкой, кто с бедой,
Всем хотелось посидеть,
На Ивана поглядеть.

Во дворе столы накрыли,
Ели, пили, говорили,
А потом и в пляс пустились,
Только к ночи разошлись.

Расспросили у Ивана,
Воевал как, про медали,
Немцев как на запад гнали
И про то, о чём не знали.

Утром рано покрестился,
Как обычно похмелился,
Огляделся, побряхтел
И отправился в артель.

Председатель той артели
На погоны поглядел. —
Хоть и не был командиром,
Будешь, Вань, ты бригадиром.

И с тех пор Иван на службе,
Он с людьми в ладу и дружбе,
А порой наедине,
Вспоминает о войне.

Вот бил фрицев, жив остался,
Хоть и много с ним сражался.
Почему же так хреново
Жизнь в стране настала снова.

Почему при коммунизме
Жить верхам дано при жизни,
Остальные словно быдло,
Разве только мне обидно?

Эх, Россия, ты не любишь
Свой народ, а только учишь:
Как платить налоги надо,
Как работать без зарплаты.

Мне-то многого не надо,
Я — мужик другого склада,
По своей иль божьей воле
Уродился хлеб бы в поле.

Издеваться над народом
Вы привыкли. Год от года
Жизнь становится трудней
И бедней, бедней, бедней.

Вам совсем детей не жалко,
Коль послали их под палкой
И в Чечню, и в Дагестан,
И на смерть в Афганистан.

Опосля вы отпевали
Материнские печали,
У надгробий ребятишек,
Навсегда закрытых крышкой.

Эх! Судить бы вас тогда
Всенародно, господа,
Сколько горя принесли вы
Нашей матушке-России.

И очнувшись от раздумий,
Тотчас наш Иван надумал:
Все сомненья описать
И в Москву письмом послать.

Ох и был переполох:
Президент в больницу слёг,
Но оставить без вниманья
Он не мог письмо Ивана.

Дал задание разобраться,
Кто Иван, откуда взялся,
Область, дом, село, деревня,
По чьему писал веленью.

Срочно на ноги подняли
Всех, кто был и знал Ивана.
На общественных собраниях
Все Ивана обвиняли.

Сняли Ваню с бригадиров
И притом предупредили:
«Если ты, козёл вонючий,
От рожденья хрен ползучий,
Ещё раз концерт устроишь,
Нас надолго ты запомнишь».

Перевели его на лето
Мыть в конюшне туалеты.
Он работы не чурался,
До сих пор там и остался.

Ведь он был рождён в России
Под чудесным небом синим,
Родился он под крещение,
В день божественный священный.

Антоник Галина Николаевна
директор музея КрасГАУ с 2000 года.

Работала с 1995 года старшим преподавателем кафедры культурологии.

Родилась и выросла в Красноярске. Рисованием увлекалась с детства, окончила с отличием художественную школу, получила образование дизайнера, затем училась в Омском государственном педагогическом университете – диплом с отличием по специальности педагог-художник-искусствовед.

По её авторским эскизам, чертежам, проекту и концепции оформлен музей КрасГАУ, состоящий из двух частей: «История вуза» и «История земледелия и крестьянского быта Приенисейского края с начала XVII до начала XX века». Музей является гордостью агроуниверситета. За свою работу в вузе награждена внутривузовскими нагрудными знаками Трудовой доблести третьей степени» (2003 г.), Отличия второй степени (2007 г.), благодарственным письмом от Законодательного собрания Красноярского края (2007 г.), благодарственным письмом от Культурно-исторического музейного комплекса за музейные мероприятия. Опубликовано 8 научных работ, имеет одно авторское свидетельство.

Живопись, а особенно акварель, привлекает тонкостью, нежностью, изящными оттенками, возможностью передать через цвет, краски и их сочетание настроение и состояние природы, окружающего мира. Изучение истории, русской культуры даёт основу для её отображения, интерпретации легенд и преданий - в искусстве.

Цикл работ «О Тобольске» состоит из пяти живописных работ.

В сказаниях о древнейшей столице Сибири – Тобольске – переплетается судьба новгородцев, гиперборейцев, Тимофея Ермака и хана Кучума, лжецаревича Димитрия и Угличского колокола, русского писателя-сказочника Ершова, написавшего сказку о Коньке-Горбунке, и чертёжника Ремезова, создавшего там Гостиный Двор, наместника Тобольской губернии и тех воевод, которые строили единственный в Сибири Тобольский Кремль, «ладьи-кочи» – для дальнейшего продвижения по сибирским рекам в глубину «сибирской земли». Цикл работ «о Тобольске» – это результат глубокого изучения истории Сибири. Выполнены живописные работы в стиле исторического символизма.

Антоник Г.Н. «Тобольск» (Цикл) «Пред страной Мрака»,
акварель, гуашь, бумага (смешанная техника), 50×50 см

Страной Мрака называли ту землю, где «мерцающий полумрак», именуемый зарёй, которая бывает дважды в году. «...Как бы хрустальная искристость, как бы иссиня-чёрный мазок, и как бы золота груды. То цвета ветки коралла, то как бы белый отблеск, здесь златоцветный, там подобный смарагду, местами подобный жемчужной нити...», - описывали северное сияние очевидцы в «Ведах».

На высоком берегу Иртыша был построен первый и единственный в Сибири Тобольский Кремль. Гордость сибирской столицы, белокаменный, с колокольней, Софийским собором, Ивантьевской церковью, Гостиным двором, домом наместника и тюрьмой, где томились потом декабристы. В водах мутной реки погиб во время сражения в далёком шестнадцатом веке Тимофей Ермак.

Антоник Г.Н. «Тобольск» (Цикл) «Опальная столица»,
акварель, гуашь, бумага (смешанная техника), 50×50 см

Когда-то был Тобольск столицей всей Сибири. Правил в тех местах наместник московского царя, имевший автономию. В дальнейшем потеряла статус столицы.

Кремль располагается на очень высоком Алафейском плато. Выше птичьего полёта белокаменные стены с башнями. Над Софийскими воротами возвышается Рантерея – место, где хранилась сибирская казна. Подъём из нижней части города, посада, по софийскому взвозу насчитывает 198 ступеней. Рядом – мощёная узкая дорога, ведущая в Тобольский Кремль.

Антоник Г.Н. «Тобольск» (Цикл) «Ладейный град»,
акварель, гуашь, бумага (смешанная техника), 50×50 см

Южная башня была первой, которую построила дружина Ермака, разобрав ладьи после того, как прибыла на место летней стоянки хана Кучума и основав острог. Поэтому и название первоначальное у этого города было – Ладейный град. Внизу под горой текла речка Вагай, цвели заросли на топях и болотах, где до сих пор водятся стрекозы размером с ладонь.

Антоник Г.Н. «Тобольск» (Цикл) «У Лукоморья»,
акварель, гуашь бумага (смешанная техника), 50×50 см

«...зайдуче луку моря – горы, упёршиеся в тот изгиб морского берега, который образуется ... Обской губой и устьями Печоры», - писано в «Живописной России» XIX века.

Перекрёсток всех дорог – водных и сухопутных, морских, северных и южных – для торговых караванов с Юга и Востока. Знаменитый чертёжник Ремизов проектировал башни и стены Тобольского Кремля. Выстроил и сказочной красоты Гостиный Двор, куда свозили золото, шелка, меха и камни-самоцветы, стекался торговый люд. Здесь, в Тобольске, жил в девятнадцатом веке поэт-писатель Ершов, сложивший известную сказку про Конька-Горбунка. Здесь много легенд и преданий.

Антоник Г.Н. «Тобольск» (Цикл) «Святые ворота»,
акварель, гуашь бумага (смешанная техника), 50×50 см.

С восточной стороны Тобольского Кремля расположены Святые ворота, получившие своё название после того, как через них провезли Угличский колокол с «отрезанным ухом» и языком, возвестившем о лже-царе Димитрии, захотевшем властвовать на Руси. В эту далёкую «страну мрака» сослали опальный колокол. В Кремле для него была построена специальная башня с постаментом. Рядом с воротами – просвирня и Восточная башня, самая широкая и вместительная. За ней простирается Алафейское плато.

Антоник Г.Н. Этюд к циклу «Тобольск». «Святые ворота»,
28×40,5 бумага, акварель.

Антоник Г.Н. Этюд к циклу «Тобольск». «Софийский взвоз»,
24,5×36,5 бумага, акварель.

Антоник Г.Н. **Этюд. «На берегу Енисея»,**
24×36,5 бумага, акварель.

Антоник Г.Н. **Этюд. «Весна. Облепиха на даче»,**
24,5×34,5 бумага, акварель.

Зеленов Константин Владимирович
старший лаборант

Работает на кафедре биологии, охотоведения и воспроизводства ресурсов дичи Института прикладной биотехнологии и ветеринарной медицины.

Произведения публиковались в журнале «День и Ночь», краевых и городских газетах, в коллективных сборниках «Терем- теремок», «Милости просим», «Родственные связи». Автор книг «Явления и деятельность лжехристов» и «Прострелы».

Родился и вырос в Красноярске. Учился в Красноярском командном речном училище, работал в Бассейновом управлении пути, Красноярском техническом участке, на землеустроительном караване, мотористом на шаландировщике. Служил в Вооруженных Силах и силовых ведомствах СССР и Российской Федерации. Участвовал во многих боевых действиях и спецоперациях. Был неоднократно ранен, контужен. Офицер в отставке, подполковник, инвалид 2 группы. В 2004 г. закончил Высшие Богословско-Пастырские курсы. Служил псаломщиком в Свято-Иверском храме при детской Краевой больнице РПЦ МП. В 2006 г. перешел в РПЦЗ, в этом же году рукоположен в сан священнодиакона. В 2007 г. вышла его книга «Явление и деятельность лжехристов». В 2007 г. был рукоположен в сан священноиерея.

Стихотворения и заметки публиковал в периодической печати, в том числе «Сегодняшней газете», «Вечернем Красноярске», «Красноярской газете», а также в изданиях «Казачий Монокъ», «Сполохъ», литературном журнале «День и ночь». Первым поэтическим сборником отца Константина стала книжка «ПРОСТРЕЛЫ».

Живет в Красноярске, служит настоятелем храма в Торгашино.

КАЗАКИ

Господь, Отечество и Царь!
Три самых верных аргумента,
Поэтому и жизни лента
Для казаков бежит как встарь.

России верные сыны,
Потомки воинов Христовых,
Для Вас морали рубежи
Инструкций не имеют новых.

Вы как и прежде господа!
Не за копейку, за идею.
За Веру, Русь и за Царя,
Готов поспорить, честь имею!
2003 г.

ДОМ

Мой тихий дом меня принять не хочет,
Что сделал я хорошего ему?
Деревья вырубал я прошлой ночью,
Я пихту в палисаднике пилю.

Откуда эта варварская смелость?
Безумный неоправданный порыв.
В душе пеньков обрубленных замшелость,
Как оправданье – это нервный срыв.

Скрипят по-прежнему худые ставни
Старушечьим хрустящим говорком.
И утки, прилетающие в плавни,
Им вторят, вдруг ныряя топорком.

Мой старый дом, стоящий на опушке,
Обласканный вниманием берез.
Медведь грызет теперь мои ватрушки,
Посапывая в свой сопливый нос.

Сюда вернусь, приду- и очень скоро,
Чуть крадучись, валежником шурша,
Я прут возьму, служивший здесь опорой,
И выгоню медведя, не спеша.

И он уйдет, не обернувшись даже,
Подумав только: «Снова псих пришел»,
И на душе уже не будет гаже,
А станет как-то даже хорошо.

Я все исправлю, высажу деревья,
Я брошу птицам что-нибудь поесть.
Я вырву старые угрюмые коренья,
Как будто в этом доля счастья есть.

Дом заскрипит, меня не принимая,
Растяжно скажет просто: «Уходи».
Теперь от вас я просто отдыхаю,
Ты дверь мою покрепче затвори.

И я уйду растерянно побитый,
С надеждой оправдание моля.
Мой новый путь пока еще размытый,
Дорога в нем туманна и пуста.

Так жалко, с новым местом не знакомый,
Бреду я, истерично хохоча,
А в доме этом поселятся гномы
И прочие живые существа.
2007г.

В суматохе волнения
Нет здесь плотских границ.
Есть духовное рвение,
Как у ангельских птиц.

Трассерами летящие,
Покидаем мы мир,
В небо мы восходящие
Заполняем эфир.

В суете раствориться
Нам не будет дано,
Нам осталось смириться
Да прощенье одно.

Будет кто-то молиться
И за нас на земле,
Будет кто-то стремиться
К Богу, а не к войне.

И сомненье застывшее
В скорби сумрачных лиц,
Мы оставим как высшее
Назиданье тупиц...

Автоматы сложили
Мы у шрамов границ,
Смотрят вслед нам живые...
Да глазницы бойниц.

2005г.

Тут снегом заметает крест и купол сбитый,
А летом зарастает весь погост.
Глазницами пустыми смотрит храм разбитый,
Но предстоит здесь нам Иисус Христос.

Молитвы огонек все теплится нетленный,
На медных ликах строгостью застыл.
Стоит народ коленопреклоненный
Незримо. Он тут замучен был.

Сомкнулись облака над старенькой церквушкой,
Истлевших досок кислый аромат
Немытых полстолетья седенькой старушкой...
Все ждет в оцепенении поворот назад...

2004г.

СТАРОВЕРЫ

В сторонку отложил кадило,
Вздыхнул усталый протопоп.
Его по жизни покрутило,
Мотало, било, не сломило...
Он двоеперстно крестит лоб.

Их жгли в скитах, гноили в ямах
За веру крепкую в Христа.
Они крестили лбы упрямо,
Слагая два своих перста.

Молитвы лестовкой считая,
В тайге глухой молился люд.
Лампада теплится святая,
Нас с веры правой не свернут.

Храня заветы Аввакума,
И веру старую храня,
Седые старцы правят думу,
На лики строгие глядя.

Благословенные молитвы
Читает старый протопоп.
Не сломленный и не убитый,
Он двоеперстно крестит лоб.
2004 г.

О, ты, мятежная душа!
О чем мечтаешь?
В волненье трепетном кружа,
Что источаешь?

Рутину мира не понять,
Летая в небе.
А нужно ли о ней страдать,
На самом деле?

Ты же не черствая, душа!
Ломай устои!
И с болью праведной кружа,
Все, что простое.

В движенье мы найдем любовь,
Стремление к свету.
А тьма уступит вновь и вновь,
Нам площадь эту.

В молитве чистой, как роса,
Предстанем Богу.
Дрожат, волнуясь, голоса
Перед дорогой.

А свет все ярче впереди
И все прекрасней.
Лети, молясь, не упади,
Не отступайся!
2006г.

Предназначение Луны,-
Холодным светом
Она расставит фонари,
Над теплым летом.

Покроет землю всю вокруг
Посредством меток.
Земли несет подвижный круг,
Ее лишь деток.

В холодном свете фонарей
Луны мерцанье.
И мошकारа летит туда
Как на закланье.

Луна расставила давно
Свои пределы,

И крутит грешный шарик наш
Как бы хотела.

Разбейте пару фонарей,
Зажгут их снова.
Летите, мошки, побыстрей,
Вам ведь не ново...

2006г.

Как вы прекрасны, плачущие лики,
В молитвенном бесстрастии своем.
И от свечей играющие блики,
С проникновенным знаньем обо всем.

И я опять стою в несовершенстве,
Коленопреклоненно, весь в слезах,
С молитвой о дарованном блаженстве
И вечной жизни в райских небесах.
2006г.

Ты для строптивых и недужных,
В делах запутанных ненужных,
В прельщенье радужных страстей...
Спаси, Христос, своих детей!!!
2006г.

В КОЛОКОЛЬНЫЙ ПЕРЕЗВОН

Бом, бом, бом – колокола...
Надо веровать в Христа.
Не разменивать спасение
У честнейшего Креста.

Бом, бом, бом – зовущий звон,
Возле храмов льется он,
Принесите Богу душу
В колокольный перезвон.

Бом, бом, бом – оставь безверие
И молитвенно ступай,
Через страстные сомнения,
К Богу, истине, шагай...

Будут взлеты и падения,
Без упорства нет побед.
Будет много искушения,
И засилье новых бед.

Переливы колокольные
И молитвенный настрой...
Рухнут гады все безвольные
Рухнет тьмы незримый строй.

Бом, бом, бом – оставь безверие
И молитвенно шагай,
В покаянии спасение...
И молись, не забывай!

2007г.

Господь к нам всем благоволит,
А мы – упрямые слепцы.
Жить надо так, как Бог велит,
Как преподобные Отцы.

Не надо мудрствовать лукаво
И схему жизни сочинять.
Метаться влево или вправо.
Завет необходимо знать!

И руководствуясь Писанием,
Земную жизнь проходить,
Духовным мира созерцанием,
Молиться, верить и любить.

2007г.

ПАМЯТИ ИГОРЯ СУХАНОВА

Не думаешь и не гадаешь,
Как скоротечен век,
И ты совсем не ожидаешь,
Опять уходит человек.

Ах, сколько было планов, брат,
Какие светлые дела!
Но нет у нас пути назад,
А ты уходишь навсегда.

И с каждым днем все тяжелее,
Потеря душу теребит,
Но станем мы чуть-чуть мудрее,
Бог любит тех, кто Богом бит.

Мы будем о тебе молиться
Со светлой скорбью на устах,
К тебе молитвенно стремиться,
Мы верим, ты на небесах.

И ты за нас проси у Бога,
Тебе ведь легче в этот час,
У нас же впереди дорога...
Господь спасенье нам подаст.
03.12.2007г.

Вот так бежишь, куда, зачем?
А времени всё нет -
В строю надуманных проблем,
Сквозь сумасшедший Интернет.

Со склона - в омут головой! -
К решению бездушных тем,
И вид ужасно деловой,
И мысль зажата в жесткий шлем.

А так бы просто посидеть,
Попить вина, поесть шашлык
И у камина разомлеть,
Накинув плюшевый башлык.

Но жизни кружит колесо,
Покуда не настал конец,
И очень грустное лицо
Наденет у одра венец.

И поздно будет есть шашлык
И пить веселое вино.
Истлеет плюшевый башлык,
Захлопнется моё окно.

Мне будет страшно вдруг понять:
Ведь всё, что было, - просто тлен!
И трудно будет поднимать
Меня с негнущихся колен.

Холодной жабой пот со лба
Соленой струйкою бежит...
Как, оторвавшись ото дна,
Мне свой умерить аппетит?

Пока не поздно, оглянусь,
Начну разматывать клубок.
Пока есть время, я вернусь,
А мне поможет только Бог!
2008г.

МОНАСТЫРЬ

За монастырскими стенами
Молитва плавная течет,
За Богородицы стопами
Монашка старая идет.

И подвиг их в миру не знают,
Ограда скрыла их от глаз,
Здесь часто Бога поминают...
Не как ты хочешь, как Он даст!
2008г.

ЗЕЛЁНЫЕ ТЕТРАДИ

Мои зеленые тетради,
Что там у вас внутри лежит?
Чиркаю я, безумства ради,
Чтоб свой умерить аппетит.

С упорством диким графомана
Перевожу бумагу я,
И виртуальная нирвана
Заменит правду бытия.

Желанье есть, еще б уменье
Не помешало занять,
Через невежества затмение,
Хотелось многое успеть.

Раскрыть порочные преграды,
Разбив хрустальные врата,
И видеть то, что видеть рады,
Где нас встречает пустота.

Заполнить чашу до предела
Живым бесстрашием Христа
Поможет нам молитвы дело
Под сенью честного Креста.

Мои зеленые тетради,
Хранители моих оков,
Вы исправляйте, Бога ради,
Как я безумных дураков!
2008г.

СУЕТА

Суетою заполнено время,
Как пылинками пылесос,
И нести никудышное бремя
Нам приходится будто всерьез.

Суета проникает сквозь поры,
Душит массу прекрасных ростков.
Выбивает платформы опоры,
Тянет вниз неразумных щенков.

Нам задуматься, остановиться...
Суета затмевает наш ум.
И приходится с этим мириться
В окружении суетных дум.

Разорву я затменья оковы,
Цель поставлена, только шагай,
С суетою бороться не ново.
Не сдавайся и не отступай!
2008г.

Жизнь идет с каждым днём все быстрее,
Отмотать эту пленку нельзя,
Ты стараешься жить, не робея, -
Но вот в вечность уходят друзья.

Очень хочется здесь, в этом мире,
Чтобы было побольше добра,
И слова бы приятные Ире,
Говорил я почаще с утра.

Жизни вихрь закружит - и что же?
Дышишь вроде, и вроде идёшь...
Ты работаешь, борешься тоже,
Бога просишь, а значит, живёшь!
2008г.

Какие там еще задуманы фантазии,
Которые хотелось записать?
Не может в мире места быть для автоназии
Не может человек за Бога все решать.

Ходили пятками по битому стеклу,
Топтали заскорузлой кожей угли,
А нам хотелось - молотком, и по окну,
И это вам не просто шугли-мугли...

К чему серьезно подходить, к чему не очень,
Чего носить, а что отдать в утиль.
Раздать бы всё, да под покровом ночи,
Включая новый свой автомобиль.

Но (каюсь) слаб, и не могу иначе,
Так хочется на Бога уповать,
Молиться и любить, учиться и, тем паче,
В смирении духовном пребывать.

2008г.

ВЕСНА МЕЧТАЕТ

Затянулась весна, и дождинок хрусталики пыльные
Собирают песок, не завязший в железных зубах.
Неба грязь акварельная как у художника стильного,
В авангарде погрязшее, низко висит на домах.
Кошка серая, тоже какая-то драная,
Парень в кепке грустно портвейн сосет.
Тетка толстая, вечно во всем виноватая,
С капитаном усатым под ручку куда-то идет.
Пыль несет этот черный расслабленный ветер,
Покрывая пространство такой омерзительной мглой.
Дворник снял, не пылить чтоб, оранжевый модный жилетик,
Машет попусту ярко-зеленой метлой...
Посмотрел я в окно, может, тоже пройтись прогуляться?
Чтоб не дворник один создавал этот сказочный мир.
Только в белый костюм надо будет тогда наряжаться,

Чтобы дворнику в пик устроить безумия пир.
На зеленой метле и в оранжевой яркой рубахе,
Рядом - в белом, жуящий песок на зубах,
С ним закружился франтами, будто простые бродяги,
С нами толстая тетка да тот капитан, что в усах...
Размышлять у окна, это очень и очень приятно...
Дворник сплюнул и, видно, в кандейку погреться пошел,
Там, где сухо, тепло, по-житейски уютно, опрятно,
Да к тому же уже в самый раз самогон подошел.
Тетка смылась, за ней уползли офицеры...
Только парень с портвейном да кошка с тоскою в глазах.
Сочинять у окна можно просто, конечно, без меры,
В заповедном пространстве и милых мечтательных снах.
2007 г.

Через ваннные комнаты,
Через рваные вены,
Кровь забрызгала, вспомните,
Воспаленные стены...

Мы ругаться не думали,
Мы бояться устали,
Вы сегодня не ели,
А вчера вы не спали.

Вы к соблазнам несправедным
Подготовили совесть,
Кто в спокойствии каменном
Доживет эту повесть?

Кто стрелою стремительной
В воск вонзится подтаявший
И раскаюсь, сомнительно,
Убежит, не раскланявшись.

Уж не вы ли, милейшие,
Нас дурачить изволили?
Для спасенья скорейшего,
Их из жизни уволили.

Так смешливыми бликами -
В небо к кущам невидимым,
За суровыми ликами,
За знаменьем спасительным,

Через ваннные комнаты,
Через рваные вены,
В покаянии искреннем,
Вы пройдете сквозь стены...

2005 г.

Порубаны, истерзаны, избиты,
Наполненные доверху шипеньем скользкой плоти,
Мы лезть пытаемся из проржавевшего корыта,
И смысл движенья нашего в безумнейшей работе.

По стенкам - сгустки крови, будто запеканка,
Засалены рубахи киселем несвежим,
Вгрызаемся мы в жизнь траками от танка
И вены поперек ножом спокойно режем.

Наклонность мироздания нас несет куда-то,
Чем резать ноги о стекло и бритвы...
«Натружены» и мерзостно рогаты,
Нам смотрят вслед прошедшие все битвы.

Мы в суетных страстях все тонем хлипких,
Болото смрадно тянет нас в пучину.
Нам в оправданье не хватает мыслей гибких,
Способных развести смертельную трясину.

Где бы застыть как липкий холодец,
Где притвориться старою корягой?
Но черный смерч готовит нам иной конец,
И в мгле его мы сгинем за пустой отвагой,

В попытке подтянуться хоть чуть-чуть,
Увидеть свет забрезжившего круга...

Но легиона тьма ломает к жизни путь,
Становится бессильна та потуга.

Осколки страстные в бесстыдстве красивы,
Не оторвать глаза, но холод лижет шкуру,
И с ними обходительные вы,
Своим невежеством обляпанные сдуру...

Наш шаг вперед мучителен смертельно,
Там два назад - и в пропасть долгий путь.
Но как нам хочется всем вырваться безмерно
И, разорвавши путы, в небо упорхнуть.

Тому вперед рутинная работа,
Лишь только Духа не хулите вы,
Мы все, со скорбью, все - Его забота,
Отрепье, воры, мерзкие лжецы...

Сквозь коридоры гадких искушений,
Порой в зловонии гнилостных грехов,
Ломая ногти, мы скребёмся к цели,
Сдирая с плотью страсти из оков.

Порубаны, истерзаны, избиты,
Наполненные доверху шипеньем скользкой плоти,
Мы вылезти хотим из проржавевшего корыта, -
И Дух Святой благословит движение в работе!

А черный легион над Господом не властен,
Нам только не сдаваться и ползти.
И не криви душой, тогда увидишь счастье,
Спасение и райские сады!
2007 г.

В те измерения не закрывать дверей,
Уж лучше рушить все устои здесь
И не бояться призрачных теней,
Сбивая с них напыщенность и спесь.

Крамолы нет в движеньях мимолетных,
Безумен их стремительный полет.
Мы смотрим вдаль с улыбкой беззаботной,
Скрывающей серьезности налет.

В тех измерениях совсем другие вещи,
Волнуют наше бедное нутро.
Как будто металлические клещи,
Рвут из меня сознание мое.

Я лишь хочу идти своей дорогой,
Мой путь тернист, но не ведет в тупик.
Чем слыть вполне успешным недотрогой,
Боящимся попасть опять в час пик.

Металл хрустит, над ним склонился молот,
Его страдания нам не передать,
Сквозь равнодушия застывший холод,
Добром друг друга надо согревать.

И лишь тогда в летящем нашем мире
Просящему подставите плечо,
Не думая о сказочном кумире,
Реальное творите вы добро.

2007 г.

В какофоническом пространстве
Безумство звуков режет ум.
Пищанья пошлого лукавства
Не отведут греховных дум.

Самообман себе дороже,
А лицемерие - как стяг,
Не заслонит тебя, о Боже,
Решив закрыть твой белый флаг.

Рождённый свыше, чтящий Бога,
Лишённый дьявольских оков,

К спасению ведет дорога,
Таких блаженных чудаков.

Жить по евангельским заветам,
Стремиться надо каждый миг.
Небесных слушаясь советов,
Ты Божью истину постиг.

Кружась в мирском круговороте,
Грехи оправдывая зря,
Не забывайте о работе,
Молитву Господу творя.

Один лишь выход - покаянье,
В смирении на небо путь.
За веру будет воздаянье,
В любви безмерной Бога суть.

В какофоническом пространстве
Давайте истину искать,
Порабощение в лукавстве
Молитвой будем исправлять.

2007г.

Когда лукавое безумство
Христианский затмевает ум,
А искажение Писания
Несёт раздразн тревожных дум,

Нам надо к Богу обратиться,
К молитве повернуть сердца,
В сто раз настойчивей молиться,
Искать спасенье до конца.

Двух истин не бывает в мире,
Целительна она одна,
Где узкий путь, спасенье шире,
Как нам принять ее сполна.

Не дремлет дьявольское око,
Князь ставит новый свой капкан,
И рвётся вдруг, где что-то плохо,
И падаешь во вражий стан.

Себя обманывая часто,
Ломаем этим веры наст,
Лукавый хрюкает напрасно.
Не как ты хочешь, как Бог даст!
2007г.

Разорвать устои жизни
Рифмой грубого стиха...
О поруганной Отчизне
Вспоминайте иногда.

Что в безумствиях погрязла,
Безобразием полна,
В путях дьявольских увязла,
Наша бедная страна.

Мы, её больные дети,
Подлечиться бы должны,
Чтоб на том, на Божьем свете.
Нам ответить за труды,

За любовь к земле родимой
И отеческим гробам...
Боже милый, доброй силой
Отведи наш мерзкий срам.

Дай нам силы для молитвы
И смирение даруй,
И духовною палитрой,
Наши страсти зарисуй.

Чистым помыслом христианским,
Укрепи нас, Бог Отец,

Чтобы дьявольские козни
Поутихли, наконец.

Разорвав устои жизни
Рифмой грубого стиха,
О поруганной Отчизне
Помолитесь иногда...
2007г.

АВТОЭПИТАФИЯ

В психоделических мечтаньях
И хрусте битого стекла,
Запутавшись в чужих названьях,
Вы не забудьте про меня.

И третий тост подняв, как надо,
Припомните, что где-то был,
Ел, пил, сражался, не был гадом
И очень Родину любил!

И будет просто мне приятно,
Стаканы подняли друзья.
Вам, как и мне, всегда отрадно,
Жить - просто Родину любя!!!
2007 г.

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ ВЫРИЦКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Как на заклание ведомый агнец
В селеньях северных болот,
Молился Богомудрый старец
За мир христианский и народ.

И удивительная кротость
Из голубых струилась глаз,
И Богом данная склонность
Варнавы мудрого наказ...

Он с юных лет молился Богу,
Душа стремилась в монастырь,
Но мира тернии дорогу
Прошел христианский поводыр.

Лишь в годы страшных испытаний
И в богоборческий расцвет
Он воплотил плоды мечтаний
И иноческий дал обет.

Духовный подвиг сквозь преграды,
Наветы, козни сатаны,
И прозорливость как награда,
И Духа дивные плоды.

Отправлен, вроде, на лечение
В болотно-комариный край,
Молитвы плавное течение,
И там готовит людям рай.

Народ стекался за советом,
Река их в Вырицу текла,
И, озадаченный ответом,
Он уходил от старика...

В сосновом крае шла молитва,
Крушила бездуховный наст.
И старца правило-твердыня:
Не как ты хочешь, как Бог даст!

Сквозь немощь лютую болезней
Наш Богоизбранный сосуд
Своим духовным наставлением
Указывал на Божий суд.

Он по примеру Серафима
В годину страшную войны
На камне Духа исполином
Громил отряды сатаны.

Предвидя час кончины скорый,
Друзей в молитве он собрал
И, уходя, примером строгим
Им путь к спасенью указал.

Чтобы ходили на могилку
С молитвой, верой дорогой,
Он всем в духовную копилку
Подаст глоток воды живой.

Чтобы ходили за советом,
Река течет, до сей поры,
За мудрым Батюшки ответом
И за молитвой от беды.

В предстательстве стоит пред Богом,
С молитвой вечной на устах,
Для нас невидимых чертогах,
В селеньях горних - небесах.

2007 г.

Бросая на гвозди душу,
Ломая гнилую сущность,
В борьбе этой я не струшу,
Лишь вспеню я грязи косность.

На крыльях меня подняли,
Не жгите вы их в движении.
А что Вы вчера украли,
Лежащим в изнеможении?

А новое так порочно,
И старое все прогнило,
Бороться со всем заочно
На это меня хватило.

Чтоб утром, открыв кингстоны,
Уйти в темноту пучины,

Не слыша больные стоны,
И отвести кручину.

Плевать я хотел на бурю,
Несущую те пороки!
Не зря же, в бою рискуя,
Мы отодвинем сроки.

Нам Богом дано спасение,
Всем ясно, к чему стремиться,
Осталось лишь угрызение,
Что мало пришлось молиться.

Пока же на этом свете
Готовимся к жизни вечной.
Ответы готовим эти
К вопросам про бесконечность.
2007 г.

Меня примет тайга
В изумрудного леса объятья.
Не достанет безверья пурга,
А молитвенный щит защитит от проклятья.

Артёмов Михаил Егорович

кандидат технических наук, профессор

Работает на кафедре «Эксплуатация и ремонт машинно-тракторного парка».

Родился 12 декабря 1930 г. в селе Таловка Большемуртинского района Красноярского края. Окончил факультет механизации Красноярского сельскохозяйственного института в 1961 г., аспирантуру в 1969 г. в ЧИМЭСХ (г. Челябинск).

Работал с 1943 года на разных работах. С 1950 по 1953 год служил в группе Советских оккупационных войск в ГДР.

После демобилизации работал и учился в школе рабочей молодёжи. В 1954 г. окончил семь классов, поступил в Пензенский сельхозтехникум, но окончив первый курс на повышенную стипендию, вынужден был вернуться к родителям. Стал работать электромехаником в Таштыпском леспромхозе и самостоятельно готовиться к экзаменам.

В 1956 году в Больше-Арбатской средней школе, с разрешения отдела районного народного образования, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. В этом же году сдал экзамены в Красноярский сельскохозяйственный институт на факультет механизации сельского хозяйства, который окончил в 1961 г. и стал работать главным инженером Зыковского совхоза Берёзовского района Красноярского края. В 1963 г. перешёл на работу в Сибирский филиал Государственного научно-исследовательского технологического института (ГОСНИ-

ТИ). С 1964 по 1967 г. работал заведующим группой, с 1968 по 1978 г. – заведующим головной лабораторией Сибирского филиала ГОСНИТИ по ремонту зерноуборочных и силосоуборочных комбайнов.

В 1969 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В 1972 г. присвоено звание старшего научного сотрудника. С 1979 по 1992 г. – заведующий кафедрой эксплуатации машинно-тракторного парка Красноярского государственного аграрного университета (избран по конкурсу), с 1993 г. – профессор этой кафедры. В 1984 году присвоено учёное звание доцента. В 1992 году присвоено учёное звание профессора.

Основное научное направление – технология ремонта и эксплуатации зерноуборочных и силосоуборочных комбайнов. Опубликовано 143 работы (из них 110 – научно-производственного и 33 – учебно-методического содержания, в т.ч. семь книг и десять брошюр)

Изобретатель СССР, имеет патент и шесть авторских свидетельств на изобретения.

Награжден медалью «Ветеран труда» и памятной медалью «50 лет начала освоения целинных земель».

ЛЕСНАЯ ПОЛЯНА

У речки «Серебрянка»,
Среди берёз плакучих,
Проглянула полянка,
Как солнышко из тучек.

Густой и сочной травкой,
Как изумруд зелёной,
Оделась та полянка
Весеннею обновой.

Над травой душистой
Туман плывёт, как вата,
Воздух свежий, чистый
Пахнет мёдом, мятой ...

А солнышко лишь глянет
Сквозь веточки пушистые
Полянка засверкает
Росою серебристою.

Как-будто кто бусинок
Насыпал понарошке:
На листиках лесинок,
На травке, на дорожке ...

И защечечут птички
Восходу солнца рады:
Скворцы, чижи, синички
Ему поют в награду.

За то, что греет жарко,
За то, что чудным летом,
Залита вся полянка
Июньским ярким светом.

Трещит, звенит кузнечик,
Зелёный непоседа,
А желторотый птенчик
Пищит, чуть слышно, где-то.

Кругом видны верхушки
Цветочков белых, красных,
Как детские игрушки,
Из магазинов разных.

Пчела жужжит летая,
С цветочка на цветочек,
Нектар с них собирая
В свой длинный хоботочек.

Вот бабочки порхают
Причудливых окрасок
И фей напоминают
Из милых детских сказок.

Чем выше солнце всходит,
Тем тише птички трели,
Как-будто кто выводит
Их нежно на свирели.

Ветки берёз качает
Нежно ветерочек,
Словно мать ласкает,
Своих милых дочек.

Всё кругом прекрасно:
Речка «Серебрянка»,
Небо сине-ясное
И цветущая поляна.

А как чудесно летом
На лесной полянке
Друг за другом следом
Бегать в догонялки.

Будьте чаще, дети,
На лесной поляне!
март 1967 г.

ОПЯТА

На опушке, у пенёчка,
Под желтеющей травой
Разрослись вокруг грибочки
Большой, дружною семьёй.

В жёлтых шляпках. На макушке,
Разместившись чинно в ряд,
Понатыканы веснушки,
Как на лицах у ребят.

А на хрупкий стебелёчек,
В самых слабеньких местах,
Надет нежный поясочек
С бахромою на полях.

И растут, прижавшись тесно,
Словно верные друзья,
Те грибочки, как известно.
У берёзового пня.

А вы знаете, ребята,
Как зовут грибы?...опята!
24.03.1967 г.

ИСПОВЕДЬ РЫБОЛОВА

Я не рыбак, а только рыболов,
Люблю бродить по речке с удочкой,
Вдыхая запах полевых цветов,
Лесною наслаждаясь музыкой.

Я променяю мягкую постель
На жёсткий берег у костра,
Чтоб слушать, как тоскует коростель
И кулики свистят по вечерам.

Готов сидеть всю ночь я напролёт,
Колдуя над заброшенными донками,
И слушать колокольчик как зовёт
И жилка как звенит между поклёвками.

Люблю встречать рассвет я на реке.
Как ватой, всё подёрнуто туманами,
Но уже гаснут звёзды вдалеке:
Горит восток огнями алыми.

Лишь робкий луч блеснёт на берегу.
Природа, как ребёнок, пробуждается,
Роса алмазами сверкает на лугу
И жаворонок в небе заливается!

Люблю сидеть с друзьями у костра,
Из котелка хлебать уху стерлядскую
И слушать байки чуть не до утра,
Под эти, под сто грамм рыбацкие.

НА 40-летие АГРОУНИВЕРСИТЕТА

О, Альма-Матер! Сорок лет
Ты славно пахешь ниву знаний.
Учить студентов – твой завет
Благослови их путь дерзаний.

Ты научи их, Альма-Мать,
Творить, любить и ненавидеть.
И независимыми стать,
И дальше, и яснее видеть.

А педагогов научи,
Как выжить на зарплату эту?
Грузить ли ночью кирпичи!?
Иль продавать «Комок»-газету?

На паперть, может, выйти нам
И протянуть с мольбою руки?
К заморским ль двинуть берегам,
Чтобы продать плоды науки?

Иль голодовкой попугать
Главу совместно с президентом?
Или пуститься бастовать
Вместе с российским студентом?

А может вновь смириться нам
Как это много раз бывало?
При штиле – кланяться властям,
При шторме – лезть под одеяло.

Там прошлое с тоскою вспоминать,
Мечтать о будущем спросонки,
А настоящее отчаянно ругать ...
На кухне за бутылкой самогонки.

30.10.1996 г.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Да, жизнь прожить – не поле перейти!
Всё было: штиль и штормы как на море,
И лёгкие, и трудные пути,
И славы дым, и радости, и горе!

И всё ж прекрасна жизнь! Я жить еще хочу!
Пока ещё я никому не в тягость,
О недугах своих я в основном молчу,
Не омрачать чтоб близким в жизни радость.

А день придёт, когда подступит старость
И жизнь тошнее станет мне, чем смерть.
Когда во всём почувствую усталость
Тогда согласен буду умереть.

И час придёт, когда глаза закрою
Холодный мрак сгустится надо мной,
Поплачут близкие, обмоют и зароят,
И я уйду на вечный свой покой.

И через сорок дней моя душа пред Богом
Предстанет, чтоб за всё держать ответ:
Пусть судит Он по-божески иль строго –
Я в жизни нарушал его завет.

Пусть будет ад, как лошадь я и дальше
Продолжу крест тяжёлый свой нести ...
Но там же все равны! Там нет пороков, фальши.
Да разве это ад? О Господи, прости!

Ад здесь, особенно для немощных и старых,
Для большинства в стране с названьем кратким Русь!
В стране правителей чванливых и бездарных ...
Но я здесь прожил жизнь – жалею и горжусь!

Жалею, что Отчизне не принёс я славы,
Как большинство в стране бесправен был и глуп,

Не выстроил дворец, не посадил дубравы,
Не прыгнул выше всех, не взял «тройной тулуп» ...

Горжусь, что пережил я шесть вождей советских,
И страх, и голод, даже вшивый зуд,
И что в разгроме страшных орд немецких
И мой есть непосильный детский труд!

17.01.1995г.

НОВЫЙ 2000 ГОД

Ещё мы годик, слава богу, отмотали
От жизни, что отмерил нам Творец.
Мы знаем – на год ближе к смерти стали,
Не знаем лишь, какой ждёт каждого конец.

Какой бы ни был он, я лишь прошу у Бога:
Грехи все прошлые мне, Господи, прости.
Ещё лет ...надцать дай встречать зарю востока
И праведные укажи пути!

Ещё прошу, чтобы остаток жизни
Я прожил на ногах и разум сохранил,
Был зрячим и не стал с годами я капризней,
И никого бы не обременил!

Чтобы последний день на этом свете
Был солнцем освещён и дождиком омыт,
И чтобы на оставленной планете
Друзьями долго не был я забыт.

Бастрон Андрей Владимирович
кандидат технических наук, доцент

Родился 9 декабря 1958 г. в городе Копейске Челябинской области.

В октябре 1981 г. после окончания факультета автоматизации сельскохозяйственного производства Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства по распределению был направлен на кафедру общей электротехники КСХИ в связи с открытием факультета электрификации и автоматизации сельского хозяйства.

В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал заведовать кафедрой электроснабжения сельского хозяйства. В 1998 г. получил звание доцента.

Автор более 200 публикаций, в том числе: две монографии, семь учебных пособий с грифами СибРУМЦ и МСХ, 38 изобретений.

Первый стих написал еще в школе. Стихи, а точнее рифмы по поводу (к восьмому марта, Рождеству, дням рождения друзей и коллег), активно стал писать, соревнуясь с Галиной Ивановной Цугленок.

ГИМН ЭНЕРГОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

**(Ремейк песни монтажников из
кинофильма «Высота», подражая
Ф.Я.Изакову)**

Мы не врачи ветеринарные,
Но сожалений горьких нет,
Ведь мы электрики аграрные
И шлем Вам пламенный привет.

Мы изучив основы техники,
Узнали главный в ней секрет:
Всему глава электротехника
И в том сомнений вовсе нет.

Бываем летом мы на практике,
Монтаж опор нас не страшит,
Всегда в когтях для профилактики -
Простите нас за грозный вид.

Нас дергал ток, обмотки лопали
И транспортер нам мял бока,
Коровы вынужденно топали,
Движок меняли мы пока.

Декан нас сделал патриотами,
Мы полюбили факультет,
Мы даже балуемся нотами
И сожалений горьких нет.

22.12.1993 г.

ОЛЕГУ КОНСТАНТИНОВИЧУ НИКОЛЬСКОМУ

**на память
о работе председателем ГАК**

Гулял он по Вене и знает Стамбул,
Но больше всего полюбил Барнаул.
А край тот великий, здесь кладезь умов:
Шукшин здесь родился, творил Ползунов.

Иван был из первых Российских светил,
Из тех, кто науке всю жизнь посвятил.

Тернист его путь, но снова и снова
В дорогу зовет паровоз Ползунова!

Олег Константинович полон творческих сил,
Служенью науки он жизнь посвятил:
Он доктор, профессор, открыл свой Совет,
Теперь аспирантов выводит он в свет.

Пока заслужил он признание в науке,
Познал он сомненья и творчества муки.
Поверим сединам и скажем, друзья:
Кто служит науке - живет тот не зря!

29.06.2000 г.

Валентина Александровна Иванова
кандидат исторических наук, профессор

С 1991 г. работает проректором по непрерывному образованию Красноярского государственного аграрного университета, за исключением трёхлетней работы (2001-2004 гг.) председателем комитета по взаимодействию с органами социальной защиты администрации Красноярского края. В 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию в Академии госслужбы в Москве, в 1994 г. избрана доцентом кафедры профессионально-педагогической подготовки КрасГАУ, которую возглавляла четырнадцать лет.

Имеет звания «Почетный профессор КрасГАУ», «Почетный гражданин Шушенского района», член-корреспондент Академии качества, кавалер ордена «Слава нации» первой степени (2007 г.). Является членом комиссии по вопросам помилования при Губернаторе Красноярского края, членом краевого грантового совета, членом краевой межведомственной комиссии по профориентации и психологической поддержке населения и членом комиссии по молодежной политике Правительства Красноярского края. Опубликовано 62 научные работы, в т.ч. 4 книги, 5 брошюр.

Душа раз в год должна умыться
И лучше в озере Белё.
Скрести себя, весь день молиться,
Просить, чтобы прощение пришло.

Как трудно, чтоб тебя простили,
Ещё трудней самой прощать.
Обиды душу окружили,
Попробуй всех добром встречать.

Спасибо, озеро родное,
Что научило чище жить.
С души ушло всё мутное, хмельное
И к небу протянулась нить.

Ох, робко, лето, ты приходишь:
Вчера лишь обнадёжило и вновь
Порывом ветра грусть наводишь,
Дождём грозя, выстуживаешь кровь.

Сибирь ничем не испугаешь!
Без солнца всё же счастья нет.
С восторгом каждый луч встречаешь,
Творя молитву: Бог дал свет!

Раскрылись первые пионы
И стал нарядней скромный двор.
О, так роскошны их бутоны,
Что птиц запел нестройный хор.
Нас лето щедро одаряет
Цветами, нежностью травы.
И сердце мудрость понимает:
Люби людей, добром живи.

Облака плывут, облака.
Мчатся вдаль, как серые птицы.
Пусть дорога вверх далека,
Но светлы у туристов лица.
Припекает солнце дорогой,
Мелкий дождь по лицу скользит.
Нам до базы шагаты недолго.
Дождь прошёл, душа в горы летит.

Летний воздух тягуч и сладок,
В дрёме сосны в лесу стоят.
Хоть пришло время гроз и радуг,
Далеко до осенних опят...

Бог землю создавал недолго,
Даря планете горы и леса.
Течёт в России где-то Волга,
А нам досталась дикая краса.
Здесь душу сохрани невинной,
Спеши в гармонии с природой жить
И ночью ласковой и длинной
Вокруг костра о вечном говорить.
Как же сберечь творенье Божье –
Саяны, лёгкие Земли?
Жить просто, мудро, осторожно,
О, если б земляки могли!

Самая красивая дорога
Из Тывы в Хакасию бежит.
Триста километров так немного,
Если сердце к красоте лежит.

Вот глаза закрою и взлетаю,
Над тайгой, Саянами кружить.
Вновь вернусь. И не одна. Я знаю,
В городе без гор так трудно жить...

Простите, Саяны, простите,
Сегодня уходим от вас.
Но ждите, Саяны, нас ждите,
Чтоб встречи приблизился час.
Вернемся, Саяны, вернёмся,
И в тёплую воду войдём.
А помнить мы вас не устанем
Под снегом и долгим дождём.

Верстовые столбы –
Это вехи судьбы.
Верстовые столбы –
Это флаги судьбы.

Кто любил, тот летел
За судьбою своей.
Даже ног не жалел,
Что там ног! Зим и лет!!

Не боялся ночей,
Ни тайги, ни зверей,
Став без длинных речей
У желанных дверей.

Как больно сплетни ранят,
До сердца плеткой достают,
Да так, что слёзы в горле комом встанут,
Дышать свободно не дают.

Трясутся языки, как листья
Осины горькой на ветру.
Всех беззащитных сходу чистя,
Лишь повторяют: Я не вру!
Очнитесь, люди, скоро утро
Осветит правду на земле.
Господь отпустит в мир нас мудро,
Оставив ложь в ночи и мгле.

Родительский день – это память
О предках, ушедших в века.
Мы свечи за них будем ставить,
И дума о каждом легка.

Всем имя родителя свято,
Так вспомни сегодня о нём.
Пусть выросли наши ребята,
Мы в церковь и с внуком придём.

Нежнейшая зелёная трава
Взошла вокруг берёзы.
И встали комом все слова,
В глазах не сохнут слёзы.
Как мало родину мы ценим,
Жизнь завершая, вспомним сон:
Отцовский дом, крыльцо и сени,
И платья первого фасон.
Опять весна по свету бродит.
Берёзы чертят синь небес.
Года уходят и приходят.
Но будет небо, плёс и лес.

Сухое древо не цветёт,
Отростки только отпускает.

Любовь так поздно не придёт.
А старый друг уж не узнает.

Теперь для внуков будем жить.
Их нежной святости касаться.
Ведь добрым быть - детей любить,
Иначе – добреньким казаться.

Страшно ли одиночество?
Ложный ответ: нет.
Моей Судьбы Высочество
Всегда не жалело бед.

Страшнее беды не бывает
В тридцать остаться одной,
Поэтому сердце рыдает
Всю жизнь по тебе, родной.

Светлый лик Богородицы
Навсегда он со мной.
Светлый лик Богородицы
Вёл Отчизну на бой.
Светлый лик Богородицы
Закрывал всех собой.
Светлый лик Богородицы
Хранит в жизни земной.

Флоренсова Белла Сергеевна

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Работает на кафедре технологии переработки и хранения продуктов животноводства КрасГАУ, заслуженный педагог Красноярского края, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Автор более 100 научных статей, рекомендаций, комплексных программ сельскохозяйственному производству.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

У меня расцвели веснушки,
Небо смеётся в моих глазах.
Это проделки весны-хохотушки -
Радуга пляшет в руках.
Тают сосульки - кап-кап-кап,
Сердце бормочет – тук-тук-тук
Туфельки вторят им - так-так-так,
Значит весна вокруг.
Солнечный зайчик скользит по лицу,
Ветер целует волосы мне.
Лужам весенним я напою
Песенку о тебе.

Тают сосульки - кап–кап-кап,
Сердце бормочет – тук-тук–тук,
Туфельки вторят им - так–так–так,
Значит, весна вокруг.

1964 г., Красноярск

За горами синими,
За горами дальними
Город моей юности,
Город моей гавани.

Там Зима-Снегурочка
В полушалке снежном
Обошла все улочки
В паре с буйным ветром.

Ели там как кружево
В королевстве снежности,
Голова там кружится
От любви и нежности.

1962 г., Москва

Капли дождя как бусинки,
Нанизанные на ветки,
Тронешь и мокрый насквозь до нитки.
Кто говорит – «промозглость, грязь»,
Кто говорит – «весна с дождями».
А я говорю весне: «Не плачь!
Разве можно лить слезы целыми днями».
Скажи, кто обидел тебя, весна,
Кто заставил тебя нахмуриться,
Кто лишил тебя солнца, тепла
И стоишь ты, как мокрая курица?
Стала холодной каплей тучной, моя весна,
Дружбу водишь с дождями,

Закуталась в грусть и ветра.
А помнишь, была ты смешная, рыжая
С искринкой в глазах голубых,
В тысячу солнц весенних разбрызгана
В апрельских веснушках моих.
Что ж теперь случилась, весна?
Что за печаль туманная?
Где твое солнце, где нежность тепла,
И, наконец, любовь окаянная?
Давай, весна, не будем грустить.
Зачем без причин печалиться.
Начнем прямо завтра с утра «искрить»
И пусть весь мир нам с тобой улыбается!
1962 г., Москва

Я помню море не бархатно-нежным,
Не тёмно-зеленым, не сине-безбрежным,
А бурным, бушующим.
Разбойником черным с неведомой силой,
не побежденным,
И волны казались свинцовыми, тучными,
Готовыми выплеснуть море кипучее.
И море билось о камни прибрежные,
Лизало песок языком темно-синим,
Смывало мысли мои несмелые,
Ломало, крушило всё взмахом единым.
Я этому морю мечты отдавала
И руки тянула к нему за поддержкой,
Взаймы соль волны лицом ощущала
И теплоту шального ветра.
1960г., о.Сахалин

Кускова Елена Сергеевна (1911-1997)

старший преподаватель

Работала в КСХИ с 1959 по 1969 год, после этого ушла на пенсию. Преподавала почвоведение, геологию, минералогию, вела практические занятия со студентами. Участвовала во всех почвенных экспедициях по Красноярскому краю. Одна из её учениц – профессор Колесняк Антонина Александровна.

У автора стихотворных строк Кусковой Елены Сергеевны была необычная и трудная судьба. Родившись в 1911 г. в семье врача Кускова Сергея Константиновича, она пережила первую и вторую мировые войны, гражданскую войну и две революции, осталась оптимисткой и типичным русским интеллигентом. С точки зрения Советской власти у неё была плохая родословная. Дочь врача, внучка управляющего приисками, правнучка золотопромышленника по отцу, по матери – внучка владельца винокуренного завода. Счастливое детство закончилось в 1919 г., когда пришлось в 6 лет с семьёй преодолеть путь из Сарапула Вятской губернии до Красноярска. Школу в те годы реорганизовали и взбаламутили экспериментами, так что ей повезло с частной школой у Всеволода Афанасьевича Смирнова, где сумели заложить действительно фундаментальные знания. Далее – биолого-почвенный факультет Томского университета, аспирантура, но в момент её окончания научного руководителя репрессировали, тему «врага народа» закрыли, и защита не состоялась.

Началась Великая Отечественная война, всех мужчин-сотрудников кафедры почвоведения забрали в армию, а женщин распределили по другим научным учреждениям. Маме выпала работа на Убинской опытно-мелиоративной станции, расположенной среди болот между Новосибирском и Омском, где

стояли восемь одиноких домиков и заместителем директора по науке был Николай Васильевич Орловский, мой будущий отец. В 1948 г. отец защитил докторскую диссертацию, и в 1950-м вся наша семья оказалась в Барнауле, где отец и мать работали в сельхозинституте на кафедре почвоведения. Далее они продолжили работу на кафедре почвоведения Красноярского государственного аграрного университета.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне», медалью «Ветеран труда».

Ушла из жизни Елена Сергеевна в 1997 году, прожив 86 лет в мире и согласии, не сломавшись, несмотря на трудности, выпавшие ей на жизненном пути.

С.Н. Орловский

УБИНСКАЯ ОМС

На краю болота, на равнине белой,
Затерялось наше скромное жильё.
Нет нигде ни кустика, не увидишь деревца,
Лишь сугробы снежные, всё белым-бело.

В пору лета знойную от жары не скроешься,
А прохладным вечером комары грызут.
В ночь сырую осени и весною грязною
Грязью солонцовою ноги не пройдут.

Эти восемь домиков, в солонцах затерянных,
В Барабе ученым дали свой приют.
Это всем известная станция Болотная,
Где с морковкой сладкою буряки растут.

Здесь живут, работают, спорят и завидуют
И с нуждою борются двадцать пять семей.
Пишут диссертации и труды научные,
А учёных зависти в мире нету злей.

Верховодки засоленные и пресные,
Испаренье на окраинах болот
И другие вещи неизвестные
Всех втянули в свой водоворот.

Что важнее - почвы засоленные,
Иль влиянье верховодки на овес?
Усыхания изученье углубленное,
Или выезд с орошением в колхоз?

Как решить, когда рН не сходятся?
На УОМС СНИИГиМ идет войной.
Предводители на копьях борются,
Подчиненных всех зовут на бой.

Бой кипит и языком, и перьями,
Все оружие пустили в ход.
Так живут, работают и борются
На равнине, на краю болот.

1942 г.

Коротаев Валерий Тихонович

кандидат технических наук, доцент

Родился 31 августа 1928 г. в г. Чусовая Пермской области. В 1946 г. поступил в Челябинский политехнический институт, который закончил в 1951 г. После окончания института работал на Челябинском тракторном заводе главным инженером, затем поступил в аспирантуру, которую успешно закончил с защитой диссертации. После аспирантуры работал инженером на Долматовской и Юргомыжской МТС.

В Красноярск приехал в 1963 году и поступил на работу в КСХИ на должность доцента кафедры сельхозмашин, затем работал директором Студгородка, и с 1995 года – комендантом павильона механизации. Стихи начал писать с 1955 года.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Передо мной чудесный сад.
В нём старинный отчий дом,
Резной, ажурный палисад
Веранда с низеньким крыльцом.

Повсюду стройными рядами,
Одевшись в праздничный наряд,
Как девы с пышными кудрями,
Берёзки с липками стоят.

В роскошной зелени своей
Благоухает всё вокруг,
Выводит трели соловей,
Тюльпаны с розами цветут.

Спешит, торопится к реке,
Свиданью радуясь ручей,
На чистом розовом песке
Играя радугой лучей.

А по лугу, как я когда-то,
Мальчишки в зареве огней,
Лучей восхода и заката,
Пасут стреноженных коней.

На речку быструю, сторонкой,
Играя длинною косой,
Бегут девчата с песней звонкой,
Босыми, нежною росой.

Одна из них мне улыбнулась,
Махнула издали рукой,
Как будто к сердцу прикоснулась
И мой нарушила покой.

Я в море счастья окунулся,
Любви лучами озарён.
И вдруг толчок — я вмиг проснулся,
Увы, то был лишь только сон.

МАТЬ

Слово мать — великое, простое,
Что мы с пеленок начинаем понимать.
Недаром существует выражение такое
Со словом «Родина» его отождествлять.

Мать самая близкая, родная,
Ее родней не отыскать.
В муках, которая рождая
Сыновей и дочерей отечества умеет воспитать.

И в дополнение следует сказать:
Мать – женщина, что наравне с мужчиной
Может любить, творить и управлять,
Тому к труду любовь является причиной.

В годы суровых испытаний за станком стояла,
За штурвалом степного корабля,
С фронта похоронки получала
И победу приближала как могла!

Борясь, как рядовой, и в роли командира
Сейчас, сегодня, в будни наших дней
За мир и дружбу всех народов мира
За светлое счастье матерей!

Мать самая родная. Все в этом правы!
Нигде не отыскать ее родней.
Достойна уважения, почестей и славы
Поколений бывших, нынешних – грядущих дней!

ЛЮБОВЬ

Без любви жить трудно – счастье нужно!
Невозможно жить – лишь только иногда,
Но чтоб любовь была предательской и лживой –
Не поверю никому и никогда.

Любовь – величайшее чувство,
Захватывающее без остатка.
Любовь – это жизни искусство
И не простая ее загадка.

В любви есть и грусть и радость,
Бывает и горько и сладко,
Порю в ней пылкая страсть
Появляется враз, украдкой.

Любовь – это сердца ключ и шаман,
Огромная кузница счастья
Это оружие и талисман,
Защищающий в дни ненастья.

Любовь – это я и ты,
И две половины вместе
Единые духом, к вершинам в пути,
Без зависти черной и лести

СНЕГОПАД

Бурно снег пушистый
В пляске озорной
В воздухе кружится
Как пчелиный рой.

На земле бесшумно
Скрытною рекой
Скатертью ажурной
Ложится на покой.

На солнце ярким нежным
Жемчугом горит,
Дорожным хрустом свежим
О многом говорит.

Говорит о настоящем,
Будущем, былом
И падает все чаще,
Уж бело кругом!

РОДНОЙ КРАЙ

Край России – сибирских владений,
Что отрогом был ранее в ней,
А сейчас край огромных свершений
И великих надежд наших дней.

Этот край и суровый и нежный
От мхов тундры до сказочных роз,
Великанов кудрявых и сосен таежных
И румяных красавиц берез.

В массивах тайги бесконечно петляя
По широким просторам лугов и полей,
ЛЭП опорами мощно шагает
И течет богатырь «Енисей».

Расцветай, родной край, наш гигантский
Урожаем лугов и полей,
Светом жизни семей гидростанций
Жаром домен высотных огней.

ВОСХОД СОЛНЦА

Люблю я при утра рождении
На прогулке в дальний путь
Следить за восхождением солнца
Его природою вокруг.

Отмеряя путь шагами,
Смотрю на ярко-жаркий круг,
Что дарит жизнь земле лучами
Вселенной наш хороший друг.

Любуюсь на его движение
На небосклоне голубом,
Как удивительно к зениту восхождение
И к горизонту спуск потом.

Это явление, бесспорно,
С лучами жизненными в нем
Бесподобно, плодотворно,
Повторяясь, день за днем.

ЦВЕТЫ

О! Мир цветов – как ты прекрасен!
Чудесен же ковер живой
Богатством запахов и красок
Чарующий волшебник твой!

Сколько в нем жемчужин ярких,
Блеск ресниц их огневой
Пленит наш взор в садах и парках
И вдоль дорожки полевой.

Море радостных волнений
Особо юною весной,
Надежд, раздумий, вдохновений
Цветы приносят в край родной.

И само собой понятно,
Знаю я и знаешь ты
Очень радостно, приятно
Когда в душе цветут цветы!

И есть суровой на планете
Памяти войны цветы
Народов всех, всех стран на свете
Всегда об этом помни ты!

УТРО

Прохладная свежесть, раскинув свой взор,
Багряное солнце встает из-за гор.
Чудесное зрелище солнца восход
Невольно сводит ваш взгляд в небосвод.

Там синь голубая, бескрайний простор
И дымки причудливой формы узор,
Там солнце и ветер, и месяц среди них
Чудесно гуляют в просторах своих.

Озера и степи и нивы хлебов
Давно уж очнулись от сонных оков.
Холмы, перелески и рощи берез
Уносят нас вдаль, в мир раздумий и грез.

Сколько прекрасного всюду вокруг
Нам дарит природа, наш истинный друг.
И сколько же зелени, птиц и цветов,
Благородных лесов и роскошных лугов.

Пусть природа всегда льется песнею жизни
Над счастливою крышей твоей и моей,
В золотых лучах солнца рождается утро,
Слышен крик журавлиный над морем полей.

ТРУД

Во благо труд – великое творение.
И как в народе говорят – без труда ни «тпру», ни «ну»
И на душе всегда тепло, царит удовлетворение.
Во многом этим мы обязаны ему.

ЗДОРОВЫЙ БЕГ

Здоровый бег в веках рожденный,
Ему режимы все покорны:
Тяжелый, резкий, напряженный
Легкий, плавный и спокойный.

И не только важно то,
Какой он – медленный иль быстрый,
Порой захватывающий дух, волнами вздымая

грудь

Порождая воздух чистый,
Важна природа, что вокруг.

И очиститель бег аорт
Путем громадою движения
На естественный курорт
Путевки льготные дают
Своего назначения.

Бежишь и дышешь глубоко,
Полон бодрости и духа.
Бежать намерен далеко
На сердце радостно и глухо.

А ветер злится и бушует,
Шумит, пугает и грозит,
Свистит, свирепствует, ликует
И еле слышно говорит.

Вернись, дружок,
В свое подворье,
Далеко финиш, близок старт,
Побереги свое здоровье
Ты уже порядочно устал.

Посвящается КрасГАУ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Юбилей десятков лет,
Поразмыслив, между прочим,
Коль из ста – большой букет.
А из тысячи – не очень.

Здесь и розы с шипами,
Одуванчики с пыльцой.
Здесь и эдельвейс с горами,
Здесь и лотос с паранджой.

Любовь здесь, и печаль, и радость,
Льется счастье рекой и боль утрат.
Успехи, слава, есть и сила, есть и слабость
Есть и буря, и покой!

В Альма-матер все сейчас
После длительной разлуки,
И встречи торжества для нас
Дорога каждая минута.

Ах, Коля, Саша, жаль, Васи нет!
Улыбки, радостные взоры!
Воспоминания юных лет,
Любви и дружбы разговоры

Мы все, друзья, за Альма-матер несем ответ
И убежденно верим в это.
Расцветает и растет наш родной Университет
И в нашу летопись войдут стройки Университета.

Ах! Юбилейные деньки,
Незабываемые встречи.
Мгновенья жизни огоньки,
Души волнующие встречи!

Любовь и память этих встреч
Живой мелодии подобны.
Их свято следует беречь,
Они, известно, бесподобны.

Ученики и педагоги – еще мы встретимся не раз.
Надежды луч не за горами,
Любим, помним вас
И Альма-матер вечно с нами!

ОЗЕРО ШИРА

По его чудным берегам
Бродить люблю я по утрам,
Природой любоваться там
И чувствовать ее дыхание.

Ее свежесть, чистоту,
Аромат и запах нежный,
Ее земную красоту–
Цельной, нетронутой, прежней.

Слушать также говор волн и птичий глас,
Прибоя шумного ура.
А кто здесь был хоть раз
Запомнит озеро Шира.

И, как озеро, оно не очень-то приметное,
К тому ж, горько-соленое,
Тихое и светлое,
Холмами окруженное.

Но бывает иногда – грозным сделается вдруг,
Забурлит, запенится,
Но не в этом его суть,
Главным образом, оно водой волшебной ценится.

Помогает оно нам
Избавиться от тяжести,
Пут болезни, ее ран,
Непрошенной усталости.

Богатств целебных кладовая – озеро соленое
Березами кудрявыми и стройными сосенками
Изящно обрамленное,
Как кружевами тонкими.

Чистое – как слеза, как хрусталь прозрачное,
Изумрудом светится в лучах солнца ясного.
Достояние курорта, достояние дачное,
До чего хорошо, до чего прекрасное.

ЗИМА

Появляясь, как всегда,
Красавица нарядная,
Бодра, игрива, весела,
Статная и ладная.

Она очень нежная,
Тихая, спокойная,
Теплая и снежная
Вполне хвалы достойная.

Возникает иногда суровая, свирепая,
Строгая и властная.
Холодная, морозная со многими секретами,
Порою – всем опасная.

С народными приметами,
Каждому сердцу близкая,
В пургу снегов одетая,
Зима наша сибирская.

ДРУГУ

Помню, как сейчас, это мгновение,
Первое свидание наше, друг.
Легкую походку, плавные движения,
Теплоту и нежность твоих рук.

Дивной красоты очарование,
Чудесную улыбку алых губ,
Стройную, красивую фигуру,
Голоса приятный нежный звук.

Память мне рисует расставание,
Радостный, с грустинкою денек,
Юности горячее дыхание,
Сердца загоревший огонек.

Можно ли неволить чувства,
Волю свою в цепи заковать.
Слов родных и близких сердцу
Чувство, не питая, раздавать.

Нет, нельзя на ветер слов бросать,
Друга чувствами шутить или играть.
Мнения других и мысли достойно уважать
Коль слово дал, то обязательно держать!

Меня влечет к тебе всегда!
Обаяние, отзывчивость души,
Что говоришь мне просто «да»
И говоришь мне «не спеши».

Как я хочу пройтись с тобой
В тени березовых ветвей,
Приятный голос слышать твой.

Заглянуть в очи голубые,
Обнять твой строгий стройный стан.
Произнести слова простые,

Которые так святы нам.

УХОД НА ПЕСИЮ

Быть на пенсии понятно,
Шел на работу – сейчас нет.
Скажу не очень-то приятно,
Трудясь в КрасГАУ 40 лет.

Запало в душу как завеса
Много жизненных моментов,
О строительстве, науке и учебного процесса
О воспитании студентов.

С большой любовью, уважением встречаю вас,
Коллег, друзей, учеников по России и краю.
Благодарю за поздравления и встречи, важные для нас.
Здоровья, счастья, успехов, всего хорошего желаю!

БОГ (БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ ГАЛАКТИК)

Нас окружающий мир уязвим,
Все хорошо должно быть на свете.
Веруя в бога – все сохраним,
Бог и биополе его делают это.

В бога я верю и убеждаюсь,
Бог – это вечность, что нас окружает.
Цельность природы он сохраняет,
Здоровье и жизнь на земле утверждает.

В человеке к природе любовью, уважением,
Духовностью наделяет.
Что в меру сил и возможностей делаю я,
Сможет каждый то делать, коли осознает.

ГИТАРА СЕМИСТРУННАЯ

Бывают дни погожие
Петь хочется, плясать.
И здесь, моя хорошая,
Ты вовремя, подстать.

Припев:

Гитара семиструнная,
Аккордами играй,
Подруга, моя юная,
Меня не забывай!

Праздник! Гости званые
Весельем гудят.
Какое же это гулянье
Проходит без тебя.

Припев.

Гуляешь в парке с милою
Под звездною луной.
И вновь, моя красивая,
Встречаешься со мной.

Припев.

Настроенье скверное
Приходит невзначай.
Тогда подруга верная
Меня ты выручай.

Припев.

По жизни увлеченные
Шагаем ты и я,
Как старые знакомые
Хорошие друзья.

Припев

Придет пора нежданная
Разлуки вечный час,
Позволь мне взять, желанная,
Аккорд в последний раз.

Припев

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

Здравствуй, праздник Новый год!
День торжеств, воспоминаний,
Семейных радостных забот,
Свершений год, надежд, желаний.

Встречать мы любим этот праздник
В кругу семьи, в кругу друзей.
Он серьезен и проказник
В потоке тостов и речей!

А рядом ель как на параде,
Сверкая заревом огней,
В роскошном праздничном наряде
Пышет зеленью свой.

Вокруг нее веселье, радость,
Танцы, музыка кругом,
А чуть подальше яства, сладость,
Вина и тосты за столом.

ЕНИСЕЙ

Красавец Енисей! Могуч и крепок. Исполнин!
Народу своему несешь несметные богатства
К берегам ему родным,
Что природой в тайниках ее хранится.

Волны катит голубые на огромные дистанции,
Преобразуя их в бушующий поток.
Что, проходя через турбины гидростанций,
Дают стране электроток.

По речной лазурной глади
От устья (юга) до северных морей – обратно и туда
Курсируют «ракеты», ледоколы, теплоходы
Большие океанские суда.

По его речным просторам,
По сказочным жемчужным берегам
Раскинулись необозримым взором
Деревни, села, города.

В каскаде гидростанций, в цехах портовых,
В деревнях и селах, в промышленных и агрогородах
Лампочки сверкают Ильича, шумят моторы,
Кипит работа с утра и до утра.

Свою кипучую энергию природы
Вечно могучий Енисей
Бескорыстно отдает народу,
Сын великой Родины своей!

ДАЙ, БОБИК, ЛАПУ

Дай, Бобик, лапу на прощание пожать!
Перед дорожкой посидим, поразмышляем.
Дружочек, не тужи, сюда я возвращусь опять
И встретишь ты меня веселым, звонким лаем.

ПРОВОДЫ

Помню хорошо и представляю
Пребывание у нас, мой друг!
Проводы в аэропорт, рукоплескание,
Желанное движение твоих губ.

Красивую, нежную улыбку,
Грустью прикрытую чуть-чуть.
Касание отзывчивой души и чутких пальцев
Сердца моего и рук.

ЖЕМЧУЖИНА РОССИИ

Кисловодск – жемчужина России,
Здравница известная стране.
Дивной красоты ее и силой
Вечно восхищаться будем мы.

Парк великолепный, вековой!
Пышно расцветающий весной,
Созданный заботливой рукой,
Дышит идеальной чистотою.

Сказочных маршрутов и высот природных
Здесь мест земная благодать.
Душу раскрывает для порывов благородных,
Есть, где отдохнуть и помечтать!

Солнце золотистыми лучами,
Горный воздух, впитываясь в грудь,
Воды минеральные солями
Бодрость и здоровье придают.

Божий ветерок из-под небес,
Солнца блеск и гор кавказских вид,
Чудных лермонтовских мест
Радует все взор и память сохранит.

ДВА СОЛНЦА

Тучи солнце затянули,
Цепью облаков связали.
И победу торжествуя,
Заходили, загуляли.

Зная, это не навечно —
Бесновались, гром и молнии метали,
Громады вод с высот небесных
На землю яростно бросали.

Им солнце не сломить вовеки,
Не поставить на колени.
Не создать такие цепи,
Чтобы спрятать за глухие стены.

И, раздвинув злые цепи,
Солнце снова на свободе.
Яркими лучами светит
Оно на чистом небосводе.

Так и мир народам нужен,
Враждебные ломая силы,
Чтобы люди мира с верой в дружбу
Друг с другом вечно в мире жили!

Невский Пётр Александрович

(1906 – ...) кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Родился в 1906 г. в г. Нижний Новгород. В 1931 году окончил Горьковский сельскохозяйственный институт. Работал в Иркутске, преподавателем в Канске, зоотехником в Уяре, учился в Новосибирске, затем – в Красноярском управлении сельского хозяйства. В КСХИ – с 1956 по 1974 г. на кафедре разведения сельскохозяйственных животных. Участник Великой Отечественной войны. Награждён бронзовой медалью ВДНХ, медалью отличника сельского хозяйства.

Мы с тобой – совсем никто
друг другу,
Всё случайно:
встречи, вечер, поцелуй ...
Просто
голова пошла вдруг кругом?
Просто сердце, как синицу,
повлекло к теплу? –
Тысячи сомнений, сто –
наверно, -

Не осмыслишь всё,
 не перечтёшь.
Только
 разреши мне хоть немного
Верить:
 будет очень нужно –
 - позову.
И ты придёшь! ...
 17.02.1969 г.

СТРАДА

Страда! – ни минуты покоя,
В буднях степного села,
Страда – это время такое,
Калёное до бела ...
Гранулы солнечных капель
Золота тяжелей!
Катят машины и катят,
Хлеб вывозя с полей ...
Хлеба – хребты горбатые,
Хлебушка столько – тьма!
Дуются элеваторы,
Ломятся закрома!
Хлещёт пшеница лавой,
В фанфары трубят поезда ...
Зёрна, как брызги сплава
Лучей, вдохновенья, труда.
Страда!
Ни единой поэме
Твои не воспеть дела!
Горячее, славное время,
Калёное до бела!
 8.10.1972 г.

Потехин Игорь Борисович
директор Студенческого клуба (КДЦ)

Родился в Красноярске. Учился в Красноярском государственном педагогическом университете. Работает в Красноярском государственном аграрном университете директором Студклуба (КДЦ).

Поэтическим и музыкальным творчеством увлекается с детских лет. Член Союза композиторов-песенников Красноярского края, член КРОО «Писатели Сибири». В соавторстве с поэтом проректором КрасГАУ Галиной Ивановной Цугленок создал большое количество патриотических («Русь», «На берегу седого Енисея»...) и лирических песен («У камина», «Молитва», «Листопад»...).

Является автором многочисленных стихов и песен, в числе которых: Гимн КрасГАУ, Гимн парка флоры и фауны «Роев ручей», Гимн Железнодорожного района г. Красноярска, гимны и песни для различных спортивных и общественно значимых мероприятий («Красноярский городской Форум», «Российские железные дороги», «Стартуют все», «Красноярская железная дорога» и т.д.), автор музыкально-поэтических произведений молодёжной тематики («Гимн Краевого молодёжного движения ТОС», «Гимн Трудового отряда Главы города» и т.д.), детских песен, созданных для ДМЦ «Волшебный микрофон», СЭТ «Диез» и т.д.

Дважды становился Лауреатом Всероссийского телевизионного фестиваля «Россия молодая», победителем краевого поэтического конкурса «Король Поэтов», Лауреатом Открытого краевого фестиваля композиторов-песенников «Красноярская песня», победителем фестивалей бардовской песни и других фестивалей и конкурсов. Его стихи публиковались в периодической печати (га-

зеты «Вечерний Красноярск», «Сегодняшняя газета», журнал «День и ночь» и т.д.), различных поэтических сборниках, а также в авторских изданиях. Песни включены в городские музыкальные CD–сборники «Мой родной Красноярск» «Моё Отечество 2005», «Моё Отечество 2006», «Песни о Красноярске», «Чудо», «Страна волшебная», «Остров добра и любви», «На крыльях мечты» и т.д.

ВОЛЯ

“Я пришел дать вам волю...”

В. Шукшин

Есть добрые у Шукшина
Слова “Пришел я дать вам волю!”
И гробовая тишина
Повисла ... в русском чистом поле.
Один не воин, как ни жаль,
И только камень придорожный
На перепутье да межа
Глядят уныло и тревожно.
Какую же взвалил народ
На плечи тяжкую заботу,
И звезд лишенный небосвод,
И ругань до седьмого пота.
Какой дорогою пойдет:
Налево, прямо ли, направо?
Или обратно повернет?
Да все едино, боже правый,
Во все на свете времена
На всех одна и та же доля.
И ни покрышки нет, ни дна.
Не стоило давать нам волю.
Да и зачем она нужна
Земле, не знающей доколе,
Сбываться будут Шукшина
Слова “Пришел я дать вам волю!”

ВСЕ БЛИЖЕ

Ей-богу, вовсе не случайно
Мы далеки необычайно.
И, все-таки, мы с каждым днем
Все ближе. Да гори огнем
Все бесконечные преграды,
Мешающие быть нам рядом
И упиваться счастьем днем
И ночью. Да гори огнем
Все мной написанные строки,
В которых мы не одиноки,
В которых мы погожим днем
Немыслимым горим огнем!

В.С. ВЫСОЦКОМУ

Попривыкли уже
Хоронить всех подряд.
Отчего ж на душе
Непонятный разлад.
Много было всего,
Но поныне скорбя,
Мы без песен его
И не мыслим себя.
В приоткрытую дверь
Заглянула молва,
Будто вовсе теперь
Бесполезны слова.
Кто бы не говорил,
Что бы не прокричал,
Зря растрачивал пыл,
Лучше бы промолчал...
...Память разбередил
Некролог в пару строк,
Вот, мол, жил да ходил
Без разбора дорог,
Вот, мол, лямку тянул,
Да, к тому ж еще пел.
Видно, горя хлебнуть
Через край захотел.

Поднялся во весь рост
И полез на рожон.
Отнесли на погост,
Доигрался пижон.
Только верен, едва ль,
Этот глупый расчет.
Слышь, чванливая шваль,
Жив Высоцкий! - Поёт!...
...Попривыкли уже
Хоронить всех подряд.
Отчего ж на душе
Непонятный разлад.
Много было всего,
Но поныне любя,
Мы без песен его
И не мыслим себя.

ДВОЕ

На что похожи эти двое
Стоящих посреди двора
Под тополиною листвою
Почти до самого утра.
На сон и вовсе нет намёка,
И ведь не лень, совсем не лень
Друг с другом рядом быть бок о бок,
Как ночь и день, как свет и тень.
Стал солнцепёк сродни ненастью,
Смешались радость и беда.
Кто знает, горе или счастье
С небес снисходит иногда
И превращается в живое
То ль чудо, то ли дребедень.
О, как похожи эти двое
На ночь и день, на свет и тень.
Ничто не вечно под луною,
Но на своём стою как пень.
Ведь ты и я - ничто иное
Как ночь и день, как свет и тень.

"ДЕД"-СКАЯ ПРИВЫЧКА

Осталась детская привычка
С мальчишеских бедовых лет —
Девчонку дёрнуть за косичку,
Увидеть носик симпатичный
И услышать "дурак" в ответ.
Сама ты дура, недотрога,
А, может быть, я неспроста
Тобой люблюсь всю дорогу,
Подумаешь, задел немного
Метёлку пышного хвоста.
А, может быть, я умудрился
Волос коснуться невзначай.
А, может быть, я вдруг влюбился
В затылок твой и огорчился,
Что он меня не замечал.
Схватился изо всех силёнок
И ошалел, сообразив,
Что я совсем уж не ребенок,
Давно пора бы на девчонок
Смотреть как на детей своих.
Но не могу, жива привычка
С мальчишеских бедовых лет —
Девчонку дёрнуть за косичку,
Увидеть носик симпатичный
И услышать "что спятил, дед?"

ДЖИНСЫ

"Облако в штанах"

(В. Маяковский)

Знают взрослые и дети:
Джинсы носят все на свете.
Разные там дяди-тети
Дома в них и на работе.
Беззаботные студенты
И седые президенты,
Ловкорукие хирурги

И крутые драматурги,
Худосочные поэты
И могучие атлеты,
Длинноногие девчонки
И нахальные мальчонки,
И китайцы, и корейцы,
И индусы, и индейцы,
И шерифы, и ковбои.
В джинсах даже мы с тобою.
Даже ветер в чистом поле
В джинсах щеголяет вволю.
Даже облако в штанишках
Джинсовых! (Так пишут в книжках).

ДОМ

Я навеки забуду тот дом
На далекой и сказочной улице,
Светлый город с весенним дождем
Мне, наверное, просто почудился.
Я уже никогда не вернусь
И на окна не стану поглядывать,
В эту дверь больше не постучусь...
Но боюсь понапрасну загадывать.
В этих стенах когда-то жила
Моя самая-самая первая.
И последней она же была,
Было счастье земное, безмерное.
И теперь вспоминая о том
Давнем доме на сказочной улице,
Серый город с осенним дождем
И хотел бы забыть. — Не забудется,
Замелькает вдали вновь и вновь
В ослепительно розовом платице
Озорная девчонка Любовь.
И становится радостней на сердце.
Замелькает вдали вновь и вновь...
И исчезнет навеки проказница.

ДУША

Слегка взгрустнувшая душа
Воздушной кистью листопада
Пейзаж рисует, не спеша,
В зрачках задумчивого взгляда.
Окна осеннего проём
Сверкает красками заката...
Ах, как мы поздно узнаём,
Что правых нет и виноватых.
На ветер брошены слова,
Дождями выплаканы мысли,
Мы на холсте видны едва,
А где-то там в небесной выси
Лишь путь за дальний окоём,
Откуда нет уже возврата...
Ах, как мы поздно узнаём,
Что были счастливы когда-то.

ЕСЛИ БЫ

Богатство – наш зеленый свет.
Но светофор не панацея,
Не избавление от бед,
Не обучение в лицее
С уклоном в сторону судьбы
Невероятного масштаба.
Как говорится, “если бы”
И разумеется, “да кабы”.
Не забегая далеко,
Не улета в поднебесье,
Как это было бы легко
Вне рамок минимальных пенсий.
И вне границ земных путей,
Без ложной скромности, так просто,
Без утомительных затей
Свой отыскать “Сокровищ остров”.

КАК ВСЕГДА

Размышляю иногда понемногу:
Не пора ли собираться в дорогу,
Поплотнее паковать чемоданы,
Отбывая в чужедальные страны.
Говорю себе с усмешкой: "Ну, что же,
Погуляли по земле суматошной,
Как лошадки без узды помотались,
Только как бы в дураках не остались".
Удивляюсь всякий раз, что творится,
Как меняются знакомые лица.
А зануда-летописец, знай, пишет
Незатейливые линии жизни.
Но в глазах не гаснет искра надежды,
Что вернётся всё и будет, как прежде.
"Дубль два", - за кадром голос раздаётся,
Только как бы в дураках не остаться.
Забываю о делах, слава богу,
И смотрю на вещи, в общем, не строго.
Ну, подумаешь, не так, как хотелось,
Как попало карусель завертелась.
И, наверное, совсем уже странно
Постоянно паковать чемоданы.
И куда-то в дальний путь отправляться.
Только как бы в дураках не остаться.

КАК БУДТО

Лучше всего уходить навсегда
В самую лучшую в жизни минуту.
Непоправимо большая беда,
Если ты нужен хотя бы кому-то.
Если тебе кто-то необходим,
В тот самый миг наивысшего взлета
Чуда не жди. Уходя – уходи,
Но сбереги ощущение полета.
Места надежного нет на земле,
Где беззаботно могла б поселиться

ЛУЧШЕ БЫ ?...

(Н.А. Некрасов)

283

МОТЫЛЕК

Все мы родом из детства
И уже никогда
От него нам не деться
Ни за что, никуда
Не уйти втихомолку,
Не забыться в делах,
Не укрыться, что толку,
В повзрослевших телах.
Все мы родом из наших
Маленьких пустяков,
Ложечек манной каши,
Троечных дневников,
Беззаботных косичек,
Бестолковых мячей.
Мир наивных привычек
Наш он, больше ничей.
Вечно будем носиться
По траве босиком
Вслед за Чудо-Жар-Птицей
С бесполезным сачком.
Пусть она порезвиться
Прилетает тайком,
В синем небе кружится
Золотым мотыльком.

МЁД

" ...И там я был,
И мёд я пил... ...
И кот учёный
Свои мне сказки говорил..."
(А. С. Пушкин)

Ах, Александр Сергеевич Пушкин!
Устами б Вашими пить мёд!...
И, затаив дыханье, слушать,
Все сказки зная наперёд.
Как славно полистать страницы

Вновь под мурлыканье кота
Про Раскрасавицу-Девницу
И спасшего её счастливца,
Про глупого Попа-ленивца,
Которого провёл Балда,
Про Золотую Рыбку или
Про Золотого Петушка...
Ах, золотые эти были —
Святая правда на века!
И снова ушки на макушке.
Готов я вечность напролёт,
Ах, Александр Сергеич Пушкин!
Устами Вашими пить мёд!

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Нет, этого не может быть
Лишь потому, что быть не может.
Но разве суждено забыть
Живую нежность женской кожи?
В один из самых лучших дней
Преображает жизнь мужчины
Одно прикосновение к ней
И, видимо, не без причины.
Блаженства кроется заряд
И наслаждения частицы...
Под женской кожей, говорят,
Чёрт знает что ещё таится.
Моё смятение таково,
Что не могу никак сдержаться.
Желаю только одного -
До одуренья надышаться
И жадными губами пить
Живую нежность женской кожи.
Нет, этого не может быть,
А, может быть, не быть не может.

ОНА

Она уходит невзначай,
Не оглянувшись напоследок,
Оставив недопитый чай
И горький запах сигареты.
Она уходит сгоряча,
На всю округу хлопнув дверью,
Как будто разрубив сплеча
Холодным лезвием потери
Всю эту жизнь, по крайней мере.
Она уходит просто так,
Промолвив словно между прочим:
"Подумаешь, какой пустяк
Все эти наши дни и ночи."
Она уходит как пятак,
Из теплой выпавший ладошки
И зазвеневший сердцу в такт
Вдоль по накатанной дорожке.
Она уходит понарошку...

Она и я
Навеки вместе.
Она и я
Лет через двести
Продолжим вновь
Земные будни.
Прощай, любовь.
И будь, что будет.

ПРО ЕДУ

Живут на земле всевозможные звери,
Увидеть их можно буквально везде.
И думать они, между прочим, умеют,
Но думают чаще всего о еде.
Лохматые львы и зубастые тигры
Охотиться любят и сладко поспать,

Им нравятся очень подвижные игры,
Но нравится больше всего пожевать.
Чтоб мышкам и рыбкам жилось беззаботно,
На свете чудес просто не перечесть:
Леса и моря, небеса и болота...
Но лучше всего с аппетитом поесть.
Дай птичкам по зёрнышку, а обезьянам,
Давай, подавай, по большому банану.
Котёнка бы кто молочком угостил.
Я только о людях сказать позабыл.-
О людях мечтает всю жизнь крокодил:
..."И на завтрак, и на ужин
Человек хороший нужен !"

ПУСКАЙ

Пуškai по швам все в мире треснет,
С ума сойдут материки.
Вот только б не стоять на месте
И не смотреть из-под руки
Лет сто подряд, а может двести
На проходящие деньки,
Печальные не слышать вести,
Не хмурить брови от тоски.
Не горевать, а всем бы вместе
Взять и податься в моряки.
Уплыть в края прелестных бестий,
Пока еще не старики
И все как будто бы "на месте".
Пусть остаются дураки!..
Вот только б не стоять на месте
И не смотреть из-под руки.

СОН

Напрасный, но прекрасный сон,
В который я опять влюблен.
Но если всё же я проснусь,
То с головой не окунусь

В несбыточные чудеса,
Бездонные как небеса,
И вольным стилем, как дельфин
Не буду плавать среди стремнин.
Слегка дрожа от высоты
Надежды, Веры и Любви
Мне не придется - "Се ля ви".
Напрасный, но прекрасный сон,
В который я опять влюблен.
Но даже, если я проснусь,
То сну другому улыбнусь...
...Сон как сон,
Но почему-то он
Снова со мной сейчас,
Словно в последний раз

ФАКТ

Прискорбный факт – жизнь штука злая.
И то и дело за спиной
Собачьего обрывки лая
И тормозов противный вой.
То ветер дует как из пушки,
То ливень льет как из ведра.
То дома не застать подружки,
То с другом споры до утра.
В простом на вид калейдоскопе
Упрятан дьявольский секрет.
И как его крутить не пробуй
Лишь черный выпадает цвет.
И ни малейшего просвета
Сплошной безрадостный пейзаж.
Пропало даже "бабье лето" –
Национальный праздник наш!

ЧЬИ?

Волненьем скованные губы,
Как пересохшие ручьи.
И я шепчу в восторге глупом
Любви: "А будете вы чьи?"
Безоблачной судьбой оставлен
На растерзанье небесам,
В мгновенье ока обезглавлен,
Лечу куда не знаю сам:
Навстречу солнечному раю,
К благославленным берегам,
К неведомому света краю
И, уж, не к вашим ли ногам
Я припадаю в одночасье...
И вновь ожившие ручьи
Журчат о бесконечном счастье
Любви: "А будете вы чьи?"

Кузнецов Павел Владимирович

руководитель ансамбля народной песни «Беловодье»

Родился в 1960 г. в сибирском селе Берегаево Томской области. Закончил Абаканское музыкальное училище по классу баяна, режиссёрско-театральное отделение Кемеровского государственного института культуры.

Многогранность таланта, высокий профессионализм, преданность своему делу – основные качества, характеризующие П.В. Кузнецова. Поэт, композитор, певец и актер, режиссёр-постановщик театрализованных представлений, художественный руководитель ансамбля «Светочь» и ансамбля народной песни «Беловодье» КрасГАУ.

Из биографии:

Творческое становление произошло в Красноярске: работа в Краевом центре народного творчества, постановки в качестве режиссёра и сценариста городских праздничных программ в рамках Дней города, двух торжественных открытий Международных турниров по вольной борьбе на призы И. Ярыгина, проводимых во Дворце спорта «Енисей» и БКЗ (1993-1994 гг.), бенефисов заслуженных артистов России Е. Кыштымовой и Л. Третьякова, оперетты «Летучая мышь», сольного концерта И.Кокова «Полёт орла».

Авторские работы в рамках проектов П.В. Кузнецова: «Жить одной судьбой – земля моя!», «Счастливый дом – живёт трудом!»; «Энергия высокого напряжения» (Правительственные концерты, посвященные профессиональным праздникам 2000-2003 гг.); 10-летний юбилей Республики

Хакасия; 100 лет с. Аршаново; 150 лет с. Белый Яр; республиканский молодежный фестиваль «Весна в Хакасии» (триптих «Встречаемся! Любим! Верим!»); Первый Межрегиональный фестиваль эстрадной песни «Звёзды Хакасии» и многих других.

Постановки отмечены почётными грамотами и благодарственными письмами Правительства, Министерства сельского хозяйства и Министерства культуры Республики Хакасия, ОАО «Хакасэнерго». Успешно сотрудничает с Хакасским телевидением, является героем многих телевизионных программ, создаёт цикл детских передач и музыкальных спектаклей. Он автор и режиссёр фильма «На берегах реки времени», в котором отражается тема казачества.

В 2001 г. П. Кузнецов пишет (мелодии и слова) для патриотического проекта «Светочь», открывая истоки нравственности, гражданственности, жизнелюбия и красоты в традициях народной песни. Сегодня в репертуаре «Светоча» около 40 авторских произведений. Его песни нашли отклик и добрую поддержку композитора А.Н. Пахмутовой и профессора, академика Н.К. Мешко. Прослушав первый аудиоальбом «Светоча», А.Н. Пахмутова пишет: «Это даже не стилизация русской народной песни, а естественная и органическая суть дарования автора».

В 2004 г. П.В. Кузнецов возвращается в Красноярский край, становится членом союза композиторов Красноярского края, лауреатом краевого и Всесибирского фестивалей композиторов «Песня на Енисее» и «Поёт Россия» (Красноярск, 2008-2009 гг.). Его песни звучат на ведущих сценических площадках города и края.

В 2007-2009 гг. он лауреат российского мега-проекта А. Макаревича «День открытых дверей» на радио «Шансон» (Москва, 2007 г.).

СЕРДЦУ МОЛОДЕЦКОМУ

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

То не клоп пищит,
То душа трещит.
Тянет душу на простор
За плешивый за бугор.

Припев:

Дайте-дайте сердцу молодецкому
На высоко лечь волну, ой да!
А не то мне молодцу,
Молодцу веселому
Каменем идти ко дну.

Самовар тащит
Мамка родная, да щи,
Тянет слезный разговор,
Не пускает за бугор!

Припев.

Эх, да кум куме
Подмигнул втайне,
У него бровя вразлет
За бугром не пропадет!

Припев.

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Песня сибирячки и ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Завела, завела меня тропинка,
Завела на чужую сторону,
Завела и на эту на чужбинку,
Как попала не припомню, не пойму?

Припев:

Страсти-мордасти! Не было бы счастья,
Страсти-мордасти! Про меня молва.
Страсти-мордасти, не было бы счастья,
Если б милый не сказал нежные слова.

У него синим омутом глазища!
У него чуб лихой на сторону.
У него конопушек больше тыщи,
Я за ними убежала из дому!

Припев.

Для кого, ох, любовь бывает горькой,
Для меня сладка ягода она.
Для меня не кричите люди «горько»,
Я хочу от края «сладко» и до дна !

Припев.

ДВА БРАТА

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Ехали два брата на карете,
Ехали в свой терем через перевал.
Первый вез добра сундук тяжелый,
А второй все песни распевал.

Припев:

Ой, да травка шелкова,
Ой, да зеленая дуброва,
Ой, да русая коса,
Ой, да неба бирюза
(2 раза весь припев).

Ехали два брата к милым жёнам,
Ехали в свой терем через перевал,
Первый вез добра сундук тяжёлый,
А второй все песню распевал.

Припев.

Ехали два брата, ехали и встали,
Стукнули в ворота да витым кольцом,
Первая жена мужа не встречает,
А вторая мужа потчует винцом...
... хмельным винцом!

Припев.

В СЕРДЦЕ УГОЛОК

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Где-нибудь сбудется всё, что здесь чудится,
Как-нибудь стерпится, чай, не в первый раз!
А мечта с крыльями над жнивьем, ковыльями
Полетит да оглянется, чтоб увидеть нас.

Припев:

Этот в сердце уголок с васильковым полем,
Этот в сердце уголок, где по грудь хлеба,
Этот в сердце уголок с сенокосной волей,
Где из песен до зари сложена судьба.

Верится, не верится – скатертью стелится,
Нравится, не нравится - к свадьбе заживёт,
Только правда зоркая, горками-пригорками
Подойдёт и глянет в душу, тихо позовет.

Припев.

Писано, не писано – бусами нанизано,
Да самой сложено, скроено не раз,
А судьба ласкою, расписной сказкою
Все ж возьмёт да и одарит, если встретит в нас.

Припев.

Тянется, тянется за иглой ниточка,
Крестиком вышито жизни полотно,
И узор мой теплится золочёным месяцем,
Звёздочкою ясною смотрит мне в окно.

Припев.

КУДА ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Если голову горе не клонит,
Если весело сердцу в груди,
Это значит в студеную просинь
Прилетают опять журавли.

Припев:

Когда, когда летите вы, журавлики, когда,
Домой – через ветра и чудо-города
Куда, куда несёте счастье вы, куда?
На время или навсегда?

Если край твой березовый синью
Расплескался в глазах сыновей,
Это значит крылатые клинья
Закружат над судьбою твоей.

Припев.

А друзья – обязательно будут!
И столы и столицы миров,
Если снова крылатое чудо
Прокурлыкает из облаков!

Припев.

МОСКВА – СТОЛИЦА

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Однажды днём погожим, а может тёмной ночью
Никто не знает точно - ведь те года ушли...
Князья или бояры, купцы или татары
Москов российский город - столицей нарекли!

Припев:

А моя столица- степь от крыльца,
Да в дороге дальней два бубенца!
Стол во дворе да дедовский кисет,
Не боярская дочь, а красивей нет!

В столице царь суровый и белые палаты
И в серебре и злате, которая жена
И воевода знатный полки обходит ратны,
А как же тут без рати- столице рать нужна!

Припев.

А моя столица – пашня да лес,
Высоки хоромы – дождик с небес!
Улей с медком, да детишки ладком,
Не царица жена, да со мной нежна!

Теперь в Москве-столице поющая Жар-птица,
Журавая синица и добрый царь-отец
Там церкви и управы, там судьи и забавы
И вор из денег варит на праздник холодец...

Припев.

А в моей столице – я государь!
А в моих церквах – все небо алтарь!
Суд у меня – мать да родня,
И крестят они и простят меня!

ПРОЗРАЧНАЯ РЕКА

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Течёт прозрачная река,
Над ней крутые берега.
Течёт прозрачная река по камням
Легка, как детская рука.

С рекою шепчется лоза,
Ей облака глядят в глаза,
Течёт прозрачная река по камням
Чиста, как детская слеза...

В твою святую колыбель
Войду как в крёстную купель!
И в белых простынях твоих туманов
Усну под птичью свирель.

Река, мне имя нареки,
Река с собою уведи,
Чтоб я мальчишкой бегал босоногим
С тобою наперегонки...

МАТУШКА-РОССИЮШКА

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Эй, славяне, россияне,
Слышишь голос колокольный?!
Ой, сыночки родные, ой, дочери милые,
Что клянете матушку за лихую долю?!

Припев:

Матушка – Россиюшка, подари мне силушку
И умой мне, матушка, ты росой лицо!
Матушка – Россиюшка, венчаны мы ивушкой,
Матушка-Россиюшка, под твоим святым венцом!

Как на поле, чисто поле
Опустился черный ворон.
Ой, сыночки родные, ой, дочери милые,
Что клянете матушку за горькое горе?!

Припев.

Желтый месяц в русу косу,
Синий цветик на рубашку-
Вам дочери милые,
Вам сыночки родные,
Вам от родной матушки
Деткам вашим!

Припев:

Матушка-Россиюшка в нас святая силушка,
Матушка-Россиюшка и твое лицо!
С ивами да кленами, с чудо перезвонами
Венчаны мы матушкой под её святым венцом!

В ЯНВАРЕ

Песня сибирячки и ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Заведет подруга песню молодую
И взмахнет крылами дорогая шаль!
А я птицей певчей снова затоскую
Полечу в родную даль.

Мне цыганка скажет: «Ленту потеряла!»
Ленту голубую больше не нашла...
И напомним лента речку, что плутала
У родимого села.

Припев:

А во дворе на серебре
К дому дорожка стелится,
А в январе, а в январе
В счастье так верится!

Ляжет у порожка дальняя дорожка
Дальняя дорожка к дому приведет,
И забытой песней, светом из окошка
Мне на сердце упадет.

Припев.

Как глаза прикрою, я опять с тобою,
Милая деревня, милый отчий кров.
С тишиной звенящей, с красотой манящей
С кленом у семи ветров!

Припев.

МОЙ ГОРОД

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Лето по карте мира
Кистью солнечной поведет,
Это тихо мама
Нас по имени назовет.

Это дом и рай.
Это милый край.
Это небо, в которое
Рвется мальчишка летать!

Припев:

Это мой город
С именем Родина,
Это мой город-слава Саянских гор!
Это крепость мечты,
Это я, это ты!
Это добрая сила отцов,
Это мой город!

Осень не спросит
Тихой улочкой пройдёт.
Бросим летам и вёснам
Неизбежный как будто счёт.

И в стремленье дорог!
Вечной юности строк!
И в улыбке усталой
До боли родных стариков!
Это - мой город!

Припев.

БАТЮШКА

**Песня сибирячки
и ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)**

Все девчонке кажется молодой,
Что не ей все радости, а другой!
Что родимый батюшка трын-трава,
У других всё досточки, а у него дрова!

Припев:

Ты ж меня, батюшка, всё ж лелеял – растил,
А теперь мы с батюшкой друг у друга гости.
Запою на зореньке по реке,
Чтоб услышал батюшка вдалеке!

На меня мой батюшка не серчал,
Да дымочек кольцами всё пускал.
Думал думку долгую до утра
У других всё астрочки, а у него махра.

Припев.

Мне другого батюшку не найти
Где его дороженьки там мои пути.
Мне помашет ручкою у плетня
У кого-то золото, а у него есть я!

Припев.

ДОЛГИЕ ЛЕТА

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

Назывались летами добрые года!
Назывались летами полные труда.

Развивались лентами пестрыми в косе...
И сливались летами следом по росе

Добрым рукам материнским да хозяйскому сердцу
Долгие лета!

Чистому небу, высокому хлебу
Долгие лета!

Кормилице Земле, дружной весне
Долгие лета!

Теплому солнцу, дождю да снегу, хорошему следу
Долгие лета!

Доброму приплоду! Дружному народу!
Долгие лета!

ПОСВЯЩЕНИЕ СТУДЕНТАМ-ПЕРВОКУРСНИКАМ

Песня ансамбля «Беловодье» (КрасГАУ)

...Загадочной стране,
Где небо из мечты,
Где море из формул,
Деревья из знаков,
Я этой стране посвящаю себя.

Студенческой стране, где утро из «вечера»,
Где полдень из «завтра», а вечер из ливня,
А ночь из упорства познаний истин

Я этой стране посвящаю себя.

Припев:

Посвящаю себя,

Посвящаю себя,

Посвящаю себя.

(2 раза)

Студенческой семье, где голос из любви,

Где лица из солнца, улыбки из ветра,

А дружба из рукопожатия «верных»,

Я этой семье – посвящаю себя.

Припев.

Стихи посвящаются

земледельцам, хлеборобам

Счастливый дом – живет трудом,

И года-времена звенят, летят во весь опор,

Как ветер в стремях!

Придет осенняя пора

И за труды дарит,

А зимний холодок с утра

И старца молодит!

Счастливый дом живет трудом,

Под зимнюю метель

Качает вьюга за окном

Всех сказок колыбель!

ВETERAНАМ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ

В загрубевших ладонях

Тихий отсвет зерна,

Молодая улыбка,

А в висках седина...

Сколько зимних метелей
Вам оставили след?
Только песня, что пели вы,
Не кончается, нет!
Ветераны-наставники
Соль и правда земли-
С чистым голосом юности,
Светом первой зари!

ПОКЛОН ХЛЕБОРОБАМ

Там, где поле рожь колышет,
Где закат взмахнул крылом,
Там, где степи песню слышат –
Что зовёт в родимый дом,
Там дорожка пролегала –
От рассвета до темна
От истока, от начала
Людям в радость отдана!
Чтобы шли по той дороге
Поля верные сыны!
Чтобы день любили долгий
И берёзовые сны!
Чтобы умножали делом
Славу дедов и отцов!
Чтобы поднимали хлебом
Деревенских молодцов!
С той дороги через поле
Через зиму и весну,
Через счастье, через долю –
Не сойду, не поверну!
И на праздник – что «Зарницей»,
Где как солнце каравай,
Выйду в пояс поклониться
Всем взрастившим урожай!

НА ВСТРЕЧУ ГОСТЕЙ

Тот не знает радость,
Кому дело в тягость!
А тому веселей –
Кто родился на селе!

Для него и солнце светит,
И ручей поет звончей,
И весна его отметит
Лучше всяких богачей!

И на эту красотищу –
На веснушки да глаза
Поглядеть приедут «тыщи»
Мы не против, мы все «за»!
На селе Весна – красней!
Встретим ласковых гостей...

Посвящается жене Татьяне

Бог, видно, выдумал Татьян
Для дел больших и страстной неги!
И наслаждаются мужья!
И восторгаются коллеги!

Бог точно выдумал Татьян,
Чтоб показать планете чудо!
Ну кто теперь моя жена?
Что ж, имя отгадать нетрудно!

Да, бог придумал этот день,
Чтоб ты, мой ангел, улыбнулась!
Чтоб восхитился день тобой
И счастье глаз твоих коснулось!

И вот летит, летит строка
Сорокалетнего поэта,
А сердце бьется, как тогда
В наш вечер на восходе лета!

Пусть юность в сердце окрылит года
Моей неповторимой Тани!
Твоя рука в моей руке
Не перестанет, не увянет

Её величество Любовь!
Пускай она волнует кровь!
И пусть моей дарует Тане
Успех! И счастье! И признание!

Власов Валерий Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Работает на кафедре земельного и экологического права, зам. директора юридического института по науке и инновационному развитию КрасГАУ.

Основные направления научной деятельности: договорные отношения аграрных товаропроизводителей, государственный и муниципальный заказ, защита прав предпринимателей в аграрном секторе экономики, проблемы земельно-правовой ответственности, проблема качества законов в Российской Федерации и в Красноярском крае.

Победитель проекта «Кадровый резерв – Профессиональная команда страны» по итогам 2008 г., проводимого ВПП «Единая Россия» (вошел в президентскую «тысячу» от Красноярского края и получил рекомендательное письмо Председателя Высшего совета ВПП «Единая Россия» Б.В. Грызлова).

Награды и звания: орден Почета и славы, медаль В.И. Вернадского (РАЕ), медаль «Десантное братство», медаль «Воздушно-десантным войскам 75 лет», член-корреспондент Российской академии естественных наук (г. Москва, Российская Федерация), действительный член Европейской академии естественных наук (г. Ганновер, Германия), действительный член Международной академии экономических и социальных наук (г. Рим, Италия), член Российской академии юридических наук (г. Москва, Российская Федерация), победитель конкурса по рейтингу в номинации «Лучший старший преподаватель КрасГАУ по НИР» (2002, 2003 гг.), второе место в конкурсе по рейтингу в номинации «Лучший доцент КрасГАУ по НИР» (2005г.), «Мужчина года в Красноярске» – абсолютный победитель первого конкурса современного мужчины «Мистер Красноярск – 2007» (обладатель главного приза и приза «зрительских симпатий»). Хобби: спорт, проза, поэзия, театр, мода.

БЕЗ ЖЕНЩИН НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЬЯ!

Мы просыпаемся в ненастье,
Крутя от боли головой,
И сердце рвется вдруг на части,
Душа теряет свой покой.
Мы прозреваем в одночасье,
Нам не угнаться за судьбой,
Без женщин не бывает счастья!
Пока овеяны мечтой...

НЕРЕАЛЬНАЯ - РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

(рассказ)

В реальном мире иногда происходят, казалось бы, совершенно нереальные истории, в которые просто невозможно поверить. Но ее Высочество Жизнь (да, с большой буквы и настолько уважительно, поскольку она, вне всякого сомнения, является самой лучшей в мире писательницей) устроена именно так, что одни необычные обстоятельства служат следствием других, еще более невероятных, событий. И рассказ, который Вам предлагается, дорогой читатель, относится как раз к этому разряду. Итак, обо всем по порядку.

Шел 1984 год. Весна. Середина мая на Кубани. К девяти часам утра, солнечного, уже достаточно жаркого, подтягиваются в один из районных военкоматов Краснодарского края школьники – парни старших классов из всех станиц и хуторов N-ского района на призывную медицинскую комиссию. Местные, те кто живет в райцентре, либо сами пешочком притопали, либо родители их доставили, причем привезли на самых различных видах транспорта: кого-то на машине, кого-то на мотоцикле, а некоторых даже на лошадях, станица-то казачья. Все остальные призывники, из других населенных пунктов, прибыли на автобусах, которые припаркованы напротив здания военкомата, на специально отведенной для этих целей заасфальтированной площадке. В воздухе царит своеобразный запах, гремучая смесь паров бензина, от приехавших автобусов, и ароматный нежный нектар, от цветущих черешен, вишен, абрикосов и алычи, благоухающих не только возле здания военкомата, но и около любого дома, а также во дворах станичников, расположенных на одной улице с ним.

Процесс пошел. На комиссию призывника персонально вызывает сотрудник военкомата, четко проговаривая его фамилию, имя и отчество. Пройдя по кабинетам различных врачей, в последнем из них под предводительством райвоенкомиссара призывная медицинская комиссия выносит каждому из них окончательный вердикт: «годен либо не годен к службе в рядах Советской армии». Соответственно, если годен, то молодого человека приписывают к тому или иному роду войск.

На выходе из здания военкомата царит жуткий ажиотаж. Те мальчишки, которые успели занять свободные скамейки, расположенные во дворе военкомата, по-королевски восседают на них и лузгают жареные семечки. Многие парни курят и сквернословят. Тем же, кому мест на скамейках не хватило, кучкуются около них, поскольку до конца призывной комиссии расходиться всем строго-настрого запретили. С разных сторон раздаются возбужденные голоса: «А чо, раздеваться надо до трусов?», «А невропатолог бьет молоточком по коленкам или по голове?», «А это правда, что хирург требует раздвигать ягодицы?», «Как правильно надо представляться?» и т.д. Ну и главный вопрос, который адресуется непосредственно каждому выходящему: «Куда? В какие войска приписали?».

Первым, чуть ли не бегом, слегка наклонив голову, выскакивает из дверей белобрысый, лопоухий, голубоглазый, очень худой, под два метра ростом парень. Призывники его тут же начинают атаковать:

- Ну что, Генка, тебя куда приписали?

- В ракетчики, - отвечает он с какой-то равнодушной интонацией, ни особой радости, ни особой печали в его голосе не слышно.

- Ты доволен? - не отступает от него толпа.

- Нет, хотел в стройбат, у меня Серега, старший братишка, там служил, после армии с «баблом» приличным приехал, но РВСН тоже ничего.

- Там же радиация. Облучиться не боишься? - присутствующие продолжают пытаться Генку.

- Облучиться и обмочиться можно везде, не только в ракетных войсках, - с достоинством отвечает Геннадий. - Главное быть мужиком!

Степенно, не торопясь, с чувством переполненного собственного достоинства, держа правую руку в кармане узких брюк-дудочек иссиня-черного цвета выходит приземистый крепыш. Льняная рубашка «лягушачьего» цвета обтягивает мускулисто-рельефный торс

пацана, две верхние пуговицы на ней не застегнуты специально для того, чтобы все окружающие могли лицезреть короткую, но очень мощную шею. На левой руке у него красуется накладка «Игорь». Призывники переключаются на него:

- Игорёха, ты попал куда хотел? В погранцы?

- Неа, буду служить в морфлоте, - неторопливо, нараспев отвечает Игорь.

- Ну и чо, расстроился? - не отстают от него во дворе.

- Как сказать: на счет войск - нет, матросы тоже люди, может за границей побываю, - скороговоркой выпалил он, затем продолжил с досадой в голосе, - а вот лишний год служить - не хочется, боюсь, моя Наташка меня может и не дожидаться.

Из когорты собравшихся парней до Игоря доносится фраза философского содержания: «Не дрейфь, казак, если любит, то дождется, а если нет, значит, и не любила».

После Игоря из дверей призывного участка выходит черноволосый, высокий, худощавый парень с очень уверенным взглядом прищуренных зеленых глаз и многочисленными шрамами на руках, с сильно разбитыми костяшками. Его зовут Александр. Большинство собравшихся мальчишек его знают, он местный - капитан молодежной футбольной команды районного центра. Не дожидаясь расспросов, он кричит во всю мощь своих легких, чтобы слышали все присутствующие:

- Братва, мечта сбывается, в ВДВ, в «войска дяди Васи Маргелова»!

Из толпы слышится возглас:

- А Маргелов - это кто?

Саня, удивившись, дает жесткий ответ:

- Эй ты, хутор Ачуев, деревяшка хренова, таких людей должны знать все. Василий Маргелов - это легендарный командующий ВДВ, запомни это имя на всю жизнь!

Видать кто-то знакомый обращается к нему:

- Саныч, у тебя же зрение хреновское. Ты что, комиссию надул?

Александр сделал паузу, радостная улыбка мгновенно сошла с его разбитых губ. Насторожившись, он обратил свой совсем уже недобрый взгляд сначала на открытые окна кабинета, где заседала призывная комиссия, и разговор этот могли «спалить». Затем Саня повернул чернявую голову в сторону того, кто задал вопрос и, повысив голос на несколько тонов, громко ответил ему:

- Если ты еще раз вслух про мое плохое зрение хрюкнешь, я тебе не только твою тупую бестолковку расколю, как грецкий орех, но и твой поганый язычок укорочу, будешь всю жизнь шепелявить, как «Кирпич» из фильма «Место встречи изменить нельзя».

Большинство из присутствующей во дворе молодежи стали хихикать, сочувственно смотря на незадачливого парня, задавшего этот, как оказалось провокационный вопрос. Все парни прекрасно понимали, что задавал его он без какого-то злого умысла. Многие из собравшихся знали, что Санек частенько носит очки. Вместе с тем, Саша продолжал, только теперь уже еле слышным голосом:

- Окулиста я обманул очень легко, так как наизусть выучил нижний ряд букв, который обычно и спрашивают в кабинете у глазника, - и дальше нараспев опять очень громко продемонстрировал это, проговаривая каждую букву, - «Н К И Б Н Ш Ы Б».

К нему в буквальном смысле подлетел простодушный, широкоплечий здоровяк - призывник, килограммов 120 веса, с хутора Ч., самого отдаленного от районного центра. Лицо у него было простое, веснушчатое и очень доброе. Именно про такие лица в народе говорят: «его лицо не обезображено интеллектом». Прямо и смело глядя Александру в глаза, он спросил:

- Братуха, я тоже очень хочу попасть в десантуру. Что надо перед комиссией говорить и делать?

Саша с недоумением взглянул на него и промолвил:

- Да тебя и так возьмут. С таким здоровьем, богатырь, можешь проситься в любые войска.

Но парень никак не хотел отставать от Александра и продолжал его расспрашивать:

- Нет, ты мне подробно растолкуй, что надо делать и что надо говорить, когда после медосмотра всех врачей заходишь в последний кабинет, где находится призывная комиссия с военкомом?

И тут в голову Сани пришла шальная мысль, что-то бесовское появилось в его зеленых глазах, а в уголках тонких губ заиграла ироничная улыбка. Он решил разыграть хуторянина. Саша взял здоровяка за локоть, приобняв за могучие плечи, увел его со двора, чтобы другие не слышали, что он будет ему говорить, и стал шептать ему на ухо:

- Это секрет, только тебе одному скажу, как надо себя вести, чтобы попасть в ВДВ.

Через три минуты они оба вернулись. А еще через десять минут здоровяка вызвали для прохождения комиссии, обозначив его как Дмитрия Кузьмича Птичкина. Александр сразу после этого встал и пошел со двора военкомата. Присутствующие стали его одолевать вопросами:

- Санек, ты куда? Нам же запретили расходиться, пока все не пройдут комиссию.

Саша замедлил шаг, потом вовсе остановился и выдал:

- Сейчас будет цирк. Я этого Птичкина с хутора Ч. конкретно научил, как надо попадать в десантники.

Толпа завизжала от нетерпения услышать об этом:

- Что же ты ему такого сказал-то?

- Да ничего особенного, - продолжал Александр, - я ему доходчиво объяснил, что с врачами у него проблем не будет никаких, хотя тот же хирург может потребовать, например, снять трусы и показать свое хозяйство, поэтому он должен быть готов ко всему. Самое главное, - и тут Саня уже еле-еле сдерживал себя, чтобы не расмеяться, - я ему и говорю, когда зайдешь в последний кабинет, то сделай как я и у тебя все будет в шоколаде. Итак, заходишь, представляешься, снимаешь трусы и начинаешь отжиматься. Знай, норма настоящего десантника, за одну минуту необходимо отжаться не меньше 120 раз. Если они будут останавливать тебя, ты их не слушай и отжимайся до последнего. После этого просись, куда захочешь... Ну всё, пацаны, я побежал, хочу живым остаться... Призывники на весь двор, несколько не сдерживая своих эмоций, зашлись просто в гомерическом хохоте. Вышел работник военкомата застроил и отчитал собравшихся призывников.

Через какое-то время, брызгая слюной, на перекошенном от злобы лице, с выпученными как у рака глазами, оправдывая свою фамилию, вылетел Птичкин, и нечеловеческим голосом заорал на всю станцию:

- Где этот урод? Я его похороню!

Но это был еще не конец этой нереальной, но на самом деле правдивой истории.

Оказывается, что Диму Птичкина после «концерта» на призывной комиссии не только ни в какие войска не приписали, а отправили в районную психиатрическую больничку на судебно-психиатрическую экспертизу на предмет его вменяемости и адекватности. Больничка, которую в народе называли «дуркой», находилась

на окраине районного центра и представляла собой жалкое зрелище. Здание было построено еще до Октябрьской революции. Стены были мало того, что обшарпанные, но и все исписанные непотребными словами, а в крыше, покрытой шифером, зияло несколько дыр, как будто после бомбежки.

Птичкин пытался доказать врачам-психиатрам, что является абсолютно здоровым человеком, его просто разыграли, он не косит от армии, а, наоборот, очень хочет служить, причем непременно в ВДВ. Диму до глубины души обижало то, что ему никто не верил. Его положили в палату номер восемь с психически больными людьми, которых было здесь больше двадцати человек, и стали пичкать различными таблетками и уколами. Публика в палате была еще та! Здесь был и «Гитлер», и однорукий «Наполеон», и разного вида и рода животные (от «крокодила» до «хомячка»). В восьмой палате имелся еще один любопытный экземпляр, свихнувшийся фанат футбольного клуба «Спартак», который через каждые 5 минут вопил, что есть мочи: «Спартак - чемпион».

Самое потрясающее в данной истории это то, что Птичкину удалось выйти из «дурки» благодаря тому же самому приему, посредством которого он в нее и попал.

На второй день его пребывания в психушке к нему подходит «Наполеон» и заговорщицки говорит:

- Я – Наполеон Бонапарт. А ты кто?

Димон неспешно так ему отвечает:

- Я – главный помощник районного военкома. Он меня сюда откомандировал, чтобы я отобрал в команду лучших из вас для службы в воздушно-десантных войсках. Будем прыгать с парашютами и стрелять из разного оружия.

Разговор «Наполеона» и Димона заинтересовал абсолютно всех присутствовавших в палате психов. Больные люди обступили их со всех сторон. Больше всего удивило Птичкина то, что все они до одного захотели попасть в эту команду.

Псих, который косил (а может быть и нет) под сошедшего с ума «спартаковского фаната», перестал орать «Спартак - чемпион», и совершенно нормальным голосом спросил у Птичкина:

- Что надо делать, чтобы попасть в команду десантников?

Естественно, Димка ответ уже знал. Пытаясь говорить серьезно, он наставлял своих соседей по палате:

- Все элементарно. Сначала мы будем тренироваться.

Тут его «спартаковец» опять перебил:

- А как тренироваться?

- Мы все будем отжиматься от пола, - вещал Димон, - кто сколько сможет, понятно, что с перерывами на отдых. - Затем неспешно и даже несколько вальяжно Птичкин продолжал, - кстати, норма настоящего десантника: отжаться за одну минуту надо не меньше 120 раз. Дальнейшие наши с вами действия, будущие товарищи десантники, следующие: как только в палату с обходом войдет дежурный врач Сан Саныч, вы все и я тоже ложимся на живот. Затем я чихну – это сигнал к тому, чтобы все начинали интенсивно отжиматься. Пять человек, кто больше всех отожмется, я беру с собой. Они станут десанниками и покинут это здание.

Расстроившегося «Наполеона» (он не мог отжиматься по объективной причине, поскольку рука у него была всего одна, тем не менее, он пытался это делать, но у него ничего не получалось) поставили на стрёме возле двери палаты, только с обратной стороны, для того, чтобы предупредить остальных, когда с обходом будет идти дежурный врач. Затем в массовом порядке приступили к тренировке. Димон был просто шокирован тем, что многие душевнобольные люди (а может быть, и нет, он уже сам начал в этом сомневаться) прилично и с огромным усердием в большом количестве стали отжиматься от пола.

Через час упорных тренировок «Наполеон» дал условный знак, стал сильно колошматить по входной двери «восьмерки» единственной рукой. В палату вошел чем-то возбужденный Сан Саныч, дежурный врач, мужчина пятидесяти лет от роду, среднего роста, в очках, с «чеховской» посеребренной бородкой и усами, и как обычно, с добродушной улыбкой на устах.

Раздался чих в палате, все душевнобольные, как подкошенные, ломанулись на пол, и кто как мог, начали отжиматься. Увиденное Сан Санычем ввергло его в самый настоящий ступор. За двадцать четыре года работы в этой психушке, как он сам считал, удивить его было уже ничем невозможно, но здесь был особый случай... Вошедший за ним в палату «Наполеон» тоже брякнулся на пол и стал принимать титанические усилия по отжиманию, но у него опять ничего не получалось.

Несколько отойдя от шока, Сан Саныч взвизгнул:

- Я требую немедленно прекратить это безумие!

Но его никто не слушал, психи всеми силами, потя и пыхтя, изо всех сил пытались отжиматься. Дежурному врачу это действие надоело, и он крикнул:

- Санитары, все быстро в восьмую палату!!!

Два часа санитары и все врачи, которые были в это время в психушке, пытались успокоить буйных больных, причем те никак не хотели слушать, многие вновь и вновь пытались отжиматься, некоторых пришлось даже связать. Стали выяснять причину массового помешательства обитателей «восьмерки». Никто ничего вразумительного сказать не мог. Тогда хитрый Сан Саныч спросил у «Гитлера»:

- Адольф, что ты делаешь? Зачем ты так усиленно отжимаешься?

На что он ответил:

- Немецкая армия мне надоела, и теперь я хочу служить в русском десанте.

Сан Саныч продолжал его расспрашивать:

- А кто вас набирает в десант?

«Гитлер» и все остальные обитатели «дурки» как по команде указали на Димона.

Буквально через час его выписали из психушки...

Но и на этом поразительная по своей реальности история не закончилась.

Прошло 22 года. 2006 год. Заполярье. Суровая зима, около пятидесяти градусов мороза. Аэропорт Алыкель. Из Красноярска в одно из представительств московского вуза, расположенного в Дудинке, прилетает доцент Александр Владимирович для проведения консультаций и приема экзаменов у слушателей - будущих юристов, обучающихся по программе эстерната.

Северяне – очень гостеприимные люди. Существует неписаное правило, что учащиеся встречают преподавателей в аэропорту и везут в городскую гостиницу, а затем провожают их в обратный путь.

К Александру Владимировичу подошел крепкий мужчина в серой норковой шапке и дорогой дубленке черного цвета и, прямо глядя в глаза прилетевшему пассажиру, спросил:

- Извините, пожалуйста, Вы будете Александр Владимирович?

- Совершенно верно, а как Вы догадались? - отвечает и одновременно задает вопрос доцент.

- Ну, своих-то мы почти всех знаем. Дудинка – город небольшой, так что узнать Вас было не сложно. - Встречающий пригласил

присесть преподавателя в крутой японский джип черного цвета. Доцент устроился на переднем сидении, и разговор продолжился уже в машине. - Александр Владимирович, Вы в первый раз в Дудинке?

- Нет, регулярно в течение последних четырех лет прилетаю от двух вузов. А Вас как зовут? - располагаясь поудобнее и одновременно протирая запотевшие в машине стекла очков, задал вопрос преподаватель.

- Дмитрий Кузьмич Птичкин.

Что-то изменилось в лице доцента. Неожиданно, после такой, казалось бы, доверительной беседы возникла пауза, которая к тому же прилично затянулась.

- Дмитрий, а ведь мы с Вами уже встречались, - доцент взглянул на водителя и виновато сказал, - Вы меня не узнаете?

- Ну что Вы, у меня хорошая память, - добродушно отвечал слушатель, - Нет, я точно с Вами никогда не встречался.

- Вы откуда родом, Дмитрий? - еще раз спросил Александр Владимирович, но уже смотря не на собеседника, а куда-то далеко в заснеженную даль через лобовое стекло автомобиля.

- С Кубани, с хутора Ч., затем переехали с родителями в Магнитогорск, в Челябинскую область. Они работали на Магнитогорском металлургическом комбинате. Я тоже пошел в металлурги по их стопам. После армии пахал, как и они, на «Магнитке», затем приехал в Норильск на заработки на горно-металлургический комбинат, но здоровье стало пошаливать, уволился и сейчас живу в Дудинке. Появилось свободное время, вот и пошел учиться на юриста.

- А в каких войсках Вы служили? - поинтересовался доцент.

- В ВДВ, в Бюро, в Молдавии, в «пьяной» дивизии.

- Вы знаете, я тоже десантник, прошел «афганскую» учебку в Литве, затем служил в десантно-штурмовой бригаде в Амурской области...

Водитель джипа побледнел, на лбу у него выступили капельки пота, на щеках стали играть желваки, и он тихо произнес, обращаясь уже на ты:

- Теперь-то я тебя узнал... По рукам... Только шрамов на них прибавилось. Хочешь начистоту? Я ведь тебя тогда, после призывной комиссии, убить хотел, жить не хотелось, попал в психушку, в школе все дразнили «психом» и «идиотом». Это и стало главной причиной нашего переезда на Урал.

- Ты бы мог меня простить? - выдавливал из себя слова Александр Владимирович, перешедший тоже на ты, - ты же понимаешь сейчас, что это была шутка.

- Бог тебя простит... - одними губами прошептал Дмитрий Кузьмич.

Всю оставшуюся дорогу, которая им обоим показалась вечностью, они ехали молча. Он довез Александра Владимировича до гостиницы, при расставании ни один из них не проронил ни звука.

На следующий день мороз несколько отпустил, начались занятия, но среди слушателей Дмитрия не было...

Корнильцева Александра Петровна
старший преподаватель

Работала на кафедре химии. Стихи взяты из газеты «За Сельскохозяйственные кадры» 1967 года.

ПОСВЯЩАЮ
ГАЛИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ВЕРХУНОВОЙ

Мне с этой женщиной,
 доброй, чудесной,
часто приходится вместе
 бывать.

Мне о ней хочется лирикой
 нежной,
сильными фразами всё
 рассказать.

Все говорят, что прекрасно
 читает
лекции нашим студентам
 она.

Со всеми приветливой,
 чуткой бывает,
Всегда терпелива, спокойна,
 ровна.

В рядах её лучших,
 портрет её вижу,
В списке почётных,
 конечно, она!

Она – депутат! О ней много
 слышу:

Отзывчива очень и очень
 скромна.

Но я её знаю не только
 по службе.

Я её знаю, как нежную мать,
И как человека, с кем
 крепкая дружба

Может богатством
 и радостью стать.

14.03.1967 г.

В ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЁ ПРЕКРАСНО

Быть красивым – мечта
 очень многих,
А мечту можно в быль
 превратить,
Если вдуматься в смысл
 очень строгих
Правил жизни о том,
 как прожить.
Среди наших студентов
 немало
Сильных, смелых отважных
 ребят,
Милых девушек, нежных
 и славных,
Тех, кто жить лишь красиво
 хотят.
Красотой, как и счастьем,
 сумеет
Овладеть только тот, кто,
 как мать,
Вечно молод душой и умеет
Людям молодость эту отдать.
Если внешне студент
 и прекрасен,
Даже учится только на пять,
Но замкнулся в себе.
 Он несчастен,
Красоту в нём не надо
 искать.

Наша жизнь с вами очень
 счастлива,
Потому, что в двадцатый
 наш век,
и в стране нашей жить
 красиво

Может каждый простой
человек.

А для этого очень уверенно,
Безошибочно можно сказать,
Надо просто, без корысти,
щедро,
Нашим людям жар сердца
отдать.

10.05.1967 г.

Студенников А.

преподаватель

Работал на кафедре политэкономии и философии.

СПИТЕ, ХРАБРЫЕ СОЛДАТЫ

Под высокой
 белокаменной колонной
Я стою
 коленопреклонённый
И шепчу,
 читая на колонне,
 строки
С чувством в сердце
 скорбным и жестоким.
Да, и скорбь бывает
 иногда жестокой,
Даже над могилою
 высокой ...
Знаю,
 мои скулы
 гневно побелели, -
Этого не спрячу,
 этого не скрою –
Что же делать,
 если
 сдерживаюсь еле,
Чтобы не взять за горло
 собственной рукою
И не крикнуть
 самым ярым
 русским словом
Тем,
 кому судьба
 не стала
 и могилой
Ни в бору сосновом,
 ни на месте голом;

И песком не стала,
ни землёй,
ни илом.
Кости
чьи забыто сгнили,
Где попало —
в залежах бесчестья,
в мареве проклятий;
Их забила нива,
задавила слава
Наших боевых отцов
и наших братьев,
От горячих тел
которых
не остыла
Вот и эта
братская могила.
И теперь нетленно,
волей непреклонной
Поднялись вы
мраморной колонной,
И пылают в строках
бронзовой заплаты
Братья
и отцы —
мои солдаты ...
Жить бы им
да жить
заботою домашней,
Улыбаться солнцу,
звёздам и рассвету;
возводить бы домны,
поднимать бы пашни,
украшать садами
белыми планету,
городами дивными
её застроив ...

Но –
 сурово время жизнь
 распределило –
умереть призвала
 Родина героев;
И теперь вот – эта
 братская могила.
И теперь бы спать им,
 спать бы тихо и в покое,
Ведь такое дело
 сделали,
 Что в ровню
Не поставить с ним
 громадное
 другое,
Ни с каким железом,
 ни с какою кровью.
И теперь
 им спать бы,
 как в уюте дома,
Но тревожат их
 раскаты грома.
Не того,
 который бодр
 и чист от ливня,
А раскаты,
 что вбивают клинья
Вместо жёлтых молний,
 сея пламя злобы,
На врагов
 разбить народы
 чтобы.

Над колонной ветви
 в ярком
 малахите
Наклонились с неба
 сини безупречной.

Спите,
храбрые солдаты,
тихо спите —
Ваши подвиги
мы помнить
будем вечно.
Спите, милые,
пусть вас
не огорчает,
Что с поклонами
к вам ходят
и поныне;
Каждый честный человек
вас видеть чает.
Для меня вы просто —
близкие родные.
И пришёл я вам сказать,
что миру плохо:
День и ночь куют мечи
во вражьем стане,
Но и наша
закалённая эпоха
вашим голосом
кричит:
- Вперёд, славяне!
Не иссякла,
не убавилась
отвага
Всей земли бойцов —
и севера и юга.
И полотнище
единого
их стяга
на ветру свободы
плещется
упруго,
зажигая в людях
свет

добра и счастья,
Даже
 у которых стужа лишь
 осталась,
А драконово
 господство
 и всевластье
Гибнет,
 ненавистью острою
 оскалясь.
Мы в своей Отчизне
 ваши дети,
 внуки
От оскала зла – заступа и ограда.
Потому,
 скрепив
 товарищески руки,
Служим миру
 и оружию –
 так надо.
Спите,
 храбрые солдаты.
 Тихо спите ...
На холмах,
 на бронзе,
 на граните,
Строки
 «41-й – 45-й» -
 нам всегда
И памятны,
 и святы ...
Спите,
 храбрые солдаты,
 тихо спите.

20.02.1980 г.

Деев Владимир Васильевич
(1935 – ...) подполковник

Работал преподавателем на военной кафедре.

ТРЕВОГА

Тревога, тревога, тревога ...
На разные голоса,
От топота стонет дорога,
Солдату теперь не до сна.

Тревога, тревога, тревога ...
Взревела моторами ночь.
Фары-глазища - в
 дорогу,
Тьма разбивается прочь.
Радист в напряжённой
 работе
Ищет свою частоту.
Приказ наступающей
 роте —
Сходу занять высоту.
Команда солдатам
 «в атаку!»
Летит громовое «ура!».
Проснулась под сапогами
В каплях росинок трава.

21.02.1973 г.

СЛОВО К ЖИВЫМ

Я погиб, ребята, на рассвете
Под плакучей украинской ивой.
Расчесал мне чуб весёлый ветер
И омыл глаза прохладный ливень.
Вырыли могилу мне сельчане,
Молвили сурово: «Спи, наш ридный...».
Посадили девушки в печали
В головах кудрявый куст калины.

Словно росы, слёзы их блистали.
Милые, спасибо вам за ласку ...
Автомат мой военкому сдали,
Под калину положили каску ...
И калина – кровь моя – пылает.
Рядом тополя, как часовые.
Каждый год мне пионеры в мае –
Дань живых – несут цветы живые.
Надо мной заря встаёт, как знамя, -
То, что кровью и моей обмыто ...
Вы – живые. Я, ребята – память.
Прочитайте обо мне на плитах.
Я прошу вас, сверстники-солдаты,
(Я и ныне слышу эти громы!):
Берегите павших автоматы,
В них остались нужные патроны.

5.05.1973 г.

Содержание

Орловский Николай Васильевич.	3
Почвенная кантата.	4
Ведров Николай Григорьевич.	6
Другу агроному.	6
К вопросу о пегасах.	7
Человек и хлеб.	9
Моё родное ласковое поле.	15
Товарищ агроном.	17
И низко кланяюсь Сибири.	18
Умирала деревня.	19
Мы – люди земли.	21
В зале органном.	22
Баллада о каске.	23
Памяти Н.И. Вавилова.	25
Песня о Енисее.	26
Здравствуй, матушка Ангара!	27
Журавли.	28
Листопад.	29
Охапками листьев опавших.	30
Зимний вальс.	31
Девчонка в конопушках.	32
Зимняя оттепель.	32
По поводу памятника колчаку.	35
Цугленок Галина Ивановна	36
Русь.	38
Посвящение.	38
У камина.	39
Четвёртый тост.	39
Подражая В.Высоцкому.	40
Апрель.	40
Свадьба.	41
Весна.	41
Февраль.	42
Любимой.	42
Осень.	43
Листопад.	43
Утро.	43
Песня КрасГАУ.	44
Кануны.	44
Валентинов день.	45

Молитва.	45
Весна.	46
День рожденья (Розовая сказка)	46
Первый парень.	47
Новогоднее.	47
«Что хочет женщина, того желает Бог»	48
Пусть Вифлиемова звезда.	49
Рождён мужчина для побед.	49
Два царских имени тебе достались от рождения.	49
Есть по жизни у женщины много имён	49
Грузинский витязь ликом, и фигурой.	50
Ты стрелец, поэтому обязан.	50
Дни науки, дни науки	50
Что в имени твоём?	51
Афоризмы.	51
И опять на весенний Парнас.	51
Дочка.	52
Кукла.	52
Прогулка.	52
Колыбельная.	53
Дед Мороз.	53
Бегемот.	53
День рождения.	54
Дмитриев Владимир Ефимович.	55
Земля.	56
Моя весна.	56
Воспоминания о Кудринке.	57
Первое свидание.	57
Вальс листопада.	58
Птичий пир.	59
Первые ночи.	59
Ночной концерт.	60
Жозефина.	61
Романс.	62
Кокетство.	62
Голодная смерть.	63
Ясным днем вывожу «кавалерию»	64
Когда года, как лес густой.	64
Посеяла леночек.	65
Кровная месть.	65
Цвела улыбчивая рожь.	66
Когда робея и краснея.	66
Сток обмана.	67

Берёзовый мост.	68
Полевой обед.	68
Песня сенокосная.	69
Клеопатра.	70
Воспоминания агронома.	71
На краю села.	71
Медуница.	72
Сказала шелестом пшеница.	73
Жизнь сельская.	74
Лепестковая дорожка.	75
Женщина.	76
Байкал.	77
Пастух Жаронкин.	78
Вийка.	80
 Зарецкая Вера Ивановна.	 93
Ты прав, зачем пытаться судьбу.	93
Ах, если б рука посмелее была.	94
Передача «Фа-диез»	95
Ещё не отличалось небо.	96
Хирург.	96
Гимн весне.	97
Кредо.	98
Ушел из жизни человек.	98
Заздравный тост.	99
Не мимолетною тоскою.	100
Гимн любви.	101
Маша-Машенька, Марья Андреевна.	102
Руки женщины.	104
Все же, горе забывая.	104
Ромашка	104
О, время! Не щадишь ты красоты.	105
Ты как влага.	106
Так мало дней, так много есть желаний.	107
Не знаю, для чего пишу.	107
Ты приходишь жданно и нежданно.	109
Как же ты закроешься от жизни?	110
Письма.	111
Спасибо, жизнь.	112
Час назад держала я выпускной экзамен.	113
Фонарик.	114
Огонек.	114
Голубое.	115
Ни солнца, ни красок.	116

С тобой мы на зорьке расстались.	116
Посвящаю Е.П.	117
Забота.	117
Можно много стран исколесить.	118
Слышишь.	118
На елке смолистой, под жестким покровом.	120
Не приходишь? Ну и что ж, не надо.	121
Встречала в жизни я людей.	122
Ты говоришь.	124
Позывные.	124
Оксанка – ручеек.	125
Не ищи причин для ссор, не надо.	125
Запомни надолго, товарищ.	126
Как бы ни было больно.	126
Наверное, все мы такие похожие.	127
Слов нет. К чему слова, когда не верят?	128
Думала - развеется, забудется.	131
Прости, что сегодня не будет стихов.	132
Соседку спросишь: «Как дела?»	133
Уставший от дневных дорог.	134
Качает ветер на волне.	135
Я не знаю сама.	135
Наши годы.	137
Головин Владимир Андреевич.	138
Я – русский.	139
Я по ночам теперь молюсь.	140
Попрощаюсь поясным поклоном.	141
В лесосеке.	142
Жарки.	143
Я верую в тебя, потомок.	144
В память о Высоцком.	145
Капельки росы.	146
Ветерок.	147
На привале.	147
Ложатся обильные росы.	148
Позови.	149
Сказание.	149
Последний полустанок.	150
У ручья.	151
Важный осёл.	152
Петух-оратор.	152
Козёл – противник алкоголя.	153
Вождам.	154
Половодье снегов.	155

В степи.	155
Союз ельца и лебедя (сказка-басня)	156
Земляника.	158
Ничто не вечно.	159
Россия – родина моя.	159
Мелькают за окном леса, луга, озёра.	162
Глухарь.	162
О рыбах и рыбёшках Сибири.	163
Утро.	175
Дорожка.	175
Сурин Николай Александрович.	176
Ода ячменю.	176
К 170-летию Сибирской науки.	178
Когда в мечтах своих собрался В память о П.Ф.Гаркавом.	180
Не гнишь. Академику С.Н.Хабарову.	181
В жизни друга найти. В память о Ш.Мкртчане.	182
Дружеская эпиграмма П.Ф.Гаркавому.	184
Дружеская эпиграмма Э.Д.Неттевичу.	184
Дружеская эпиграмма В.С.Суслякову.	185
Дружеская эпиграмма А.Е.Юдину.	186
Дружеская эпиграмма В.П.Костыро.	186
Дружеская эпиграмма С.И.Грибу.	187
Дружеская эпиграмма А.А.Соколу.	187
К 90-летию Тулунской ГСС.	188
Весна.	188
Иван (повествование)	189
Антоник Галина Николаевна	201
Пред страной Мрака	202
Опальная столица.	203
Ладейный град.	204
У Лукоморья.	205
Святые ворота.	206
Этюд к циклу «Тобольск. Святые ворота»	207
Этюд к циклу «Тобольск. Софийский взвоз»	207
Этюд «На берегу Енисея»	208
Этюд «Весна. Облепиха на даче»	208
Зеленов Константин Владимирович	209
Казаки.	210
Дом.	210
В суматохе волнения.	211
Тут снегом замечает крест и купол сбитый.	212

Староверы.	213
О, ты, мятежная душа!	213
Предназначение Луны.	214
Как вы прекрасны, плачущие лики.	215
Ты для строптивых и недужных.	215
В колокольный перезвон.	215
Господь к нам всем благоволит.	216
Памяти Игоря Суханова.	217
Вот так бежишь, куда, зачем?	217
Монастырь.	218
Зелёные тетради.	219
Суета.	220
Жизнь идет с каждым днём все быстрее.	220
Какие там еще задуманы фантазии.	221
Весна мечтает.	221
Через ваннские комнаты.	222
Порубаны, истерзаны, избиты.	223
В те измерения не закрывать дверей.	224
В какофоническом пространстве.	225
Когда лукавое безумство.	226
Разорвать устои жизни.	227
Автоэпитафия.	228
Святой преподобный Серафим Вырицкий Чудотворец.	228
Бросая на гвозди душу.	230
Меня примет тайга.	231
Артёмов Михаил Егорович	232
Лесная поляна.	233
Опята.	235
Исповедь рыболова.	236
На 40-летие Агроуниверситета.	237
Жизнь прожить – не поле перейти.	238
Новый 2000 год.	239
Бастрон Андрей Владимирович.	240
Гимн энерготехнологического факультета.	241
Олегу Константиновичу Никольскому.	241
Иванова Валентина Александровна.	243
Душа раз в год должна умыться.	244
Ох, робко, лето, ты приходишь.	244
Раскрылись первые пионы.	244
Облака плывут, облака.	245
Летний воздух тягуч и сладок.	245

Бог землю создавал недолго.	245
Самая красивая дорога.	245
Простите, Саяны, простите.	245
Верстовые столбы.	246
Как больно сплетни ранят.	246
Родительский день – это память.	247
Нежнейшая зелёная трава.	247
Сухое дерево не цветёт.	247
Страшно ли одиночество?	248
Светлый лик Богородицы.	248
Флоренсова Белла Сергеевна	249
Весенняя песенка.	249
За горами синими.	250
Капли дождя как бусинки.	250
Я помню море не бархатно-нежным.	251
Кускова Елена Сергеевна.	252
Убинская ОМС.	253
Коротаев Валерий Тихонович	255
Воспоминания детства.	255
Мать.	256
Любовь.	257
Снегопад.	258
Родной край.	259
Восход солнца.	259
Цветы.	260
Утро.	261
Труд.	261
Здоровый бег.	262
Юбилейные встречи.	263
Озеро Шира.	264
Зима.	265
Другу.	266
Уход на пенсию.	267
Бог (биологический организм галактики)	267
Гитара семиструнная.	268
Встреча Нового года.	269
Енисей.	269
Дай, Бобик, лапу.	270
Проводы.	270
Жемчужина России.	271
Два солнца.	272

Невский Пётр Александрович.	273
Мы с тобой – совсем никто друг другу.	273
Страда.	274
Потехин Игорь Борисович.	275
Воля.	276
Всё ближе.	277
В.С.Высоцкому.	277
Двое.	278
«Дед»-ская привычка.	279
Джинсы.	279
Дом.	280
Душа.	281
Если бы.	281
Как всегда.	282
Как будто.	282
Лучше бы ?	283
Мотылёк.	284
Мёд.	284
Не может быть.	285
Она.	286
Она и я.	286
Про Еду.	286
Пускай	287
Сон.	287
Факт.	288
Чьи?	289
Кузнецов Павел Владимирович.	290
Сердцу молодецкому.	291
Страсти-мордасти.	292
Два брата.	293
В сердце уголок.	294
Куда летят журавли.	295
Москва-столица.	295
Прозрачная река.	296
Матушка-Россиюшка.	297
В январе.	298
Мой город.	299
Батюшка.	300
Долгие лета.	301
Посвящение студентам-первокурсникам.	301
Счастливый дом – живёт трудом.	302

Ветеранам-земледельцам.	302
Поклон хлеборобам.	303
На встречу гостей.	304
Посвящается жене Татьяне.	304
Власов Валерий Александрович.	306
Без женщин не бывает счастья!	307
Нереальная-реальная история.	307
Корнильцева Александра Петровна	317
Посвящаю Галине Васильевне Верхуновой.	317
В человеке должно быть всё прекрасно.	318
Студенников А	320
Спите, храбрые солдаты.	320
Деев Владимир Васильевич.	325
Тревога.	325
Слово к живым.	325

... ЗОЛОТЫЕ НИТИ ...

Творческий сборник

Выпуск первый

Корректор И.Н. Крицына

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от 25.09.2003 г.

Подписано в печать 14.04.2010 . Формат 60×84/16. Бумага тип. № 1.

Офсетная печать. Объём 21,0 усл. п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 427

Издательство Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117